

А. Некрасов

Приключения
капитана
Врунзеля

рисунки К. Ротова.

Детгиз 1959

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

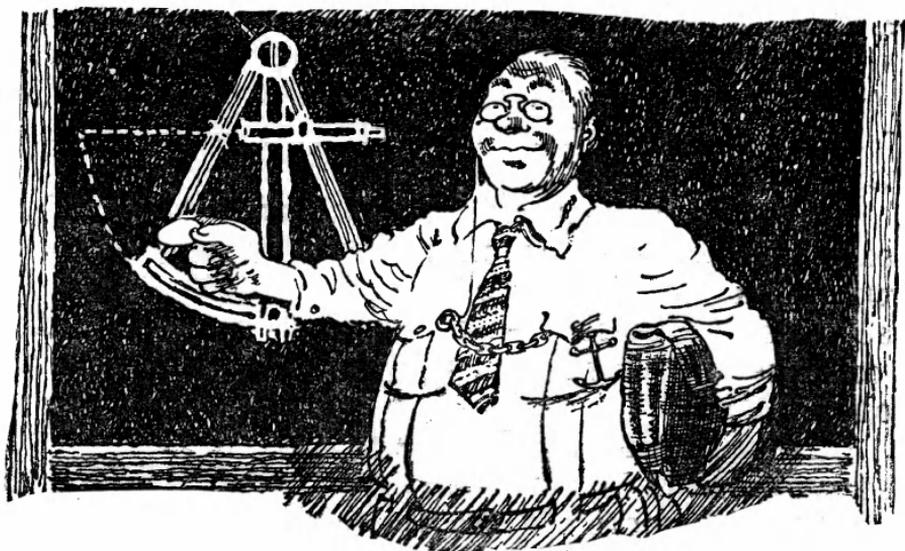
Андрей Сергеевич Некрасов родился в Москве, в 1907 году.

Окончив среднюю школу, он поступил на Московскую электрическую трамвайную станцию, где работал чернорабочим, дежурным монтажником и техником. С 1927 до 1932 года А. Некрасов плавал на судах советского торгового и промыслового флота матросом, кочегаром и штурманом. В годы Великой Отечественной войны служил в Советской Армии — в пехоте и в авиации.

В 1929 году в журнале «Борьба миров» был напечатан первый рассказ, а в 1935 году вышла первая книжка А. Некрасова — «Морские сапоги».

«Приключения капитана Врунгеля» — веселая повесть о приключениях капитана Врунгеля и его спутников, совершивших необычайное кругосветное плавание на парусной яхте.

Впервые эта повесть печаталась в журнале «Пионер» в 1937 году. В 1939 году повесть вышла отдельной книжкой. В 1958 году она выпущена в новом, переработанном издании.

ГЛАВА I,

в которой автор знакомит читателя с гербом и в которой нет ничего необычайного

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

— Навигация, — сказал он на первом уроке, — это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывая эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация, — добавил он напоследок, — наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное вступленье послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель — не инá-

че, как старýй морскóй волк¹ на покóе. Навигáцию он знал блестяще, преподавáл интереснó, с огонькóм, и óпыта у него, вóдимо, хватáло. Похоже бýло, что Христофóр Бонифáтьевич и в сáмом дéле изборздýл все моря и океáны.

Но лю́ди, как извéстно, бывáют рáзные. Одни довéрчивы сверх всякóй мéры, другúе, напрóтив, склóнны к крúтике и сомнéнию. Нашлись и среди нас такúе, котóрые утверждáли, что наш профéссор, в отлúчие от прóчих навигáторов, сам никогдá не выходýл в мóре.

В доказáтельство éтого вздóрного утверждéния онý приводýли внéшность Христофóра Бонифáтьевича. А внéшность егó действúтельно кáк-то не вязáлась с нáшим представлéнием о бравом морякé.

Христофóр Бонифáтьевич Врýнгель ходýл в сéрой толстóвке, подпоясанной вýшитым пояскóм, вóлосы глáдко зачёсывал с затылка на лоб, носýл пенснé на чёрном шнуркé без опрáвы, чýсто брýлся, был тýчным и низкорóслым, гóлос имéл сдёржанный и прúятный, чáсто улыбáлся, потирáл рýчки, нюхал табáк и всем свóим вóдом бóльше походýл на отставнóго аптéкаря, чем на капитáна дáльного плáвания.

И вот, чтóбы решýть спор, мы кáк-то попросýли Врýнгеля рассказáть нам о свóих былых походáх.

— Ну, что вы! Не врéмя сейчáс, — возразýл он с улыбкай и вмéсто очереднóй лéкции устрóил внеочереднýю контрóльную по навигáции.

Когдá же пóсле звонкá он вýшел с пáчкой тетрáдок под мýшкой, нáши спóры прекратýлись. С тех пор никто ужé не сомневáлся, что, в отлúчие от прóчих навигáторов, Христофóр Бонифáтьевич Врýнгель приобрéл свой óпыт домáшним порядкóм, не пускаясь в дáльнее плáвание.

Так бы мы и остáлись при éтом ошúбочном мнéнии, ёсли бы мне весьмá скóро, но совершéнно неожýданно не посчастлúвилось услýшать от самогó

¹ Морскóй волк — так назывáют óпытного, бывáлого морякá.

Вру́нгеля рассказ о его необычайно смелом кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае калоши, промочил ноги, простудился и слег в постель. А время стояло горячее: весна, зачёты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Вру́нгелю на квартиру.

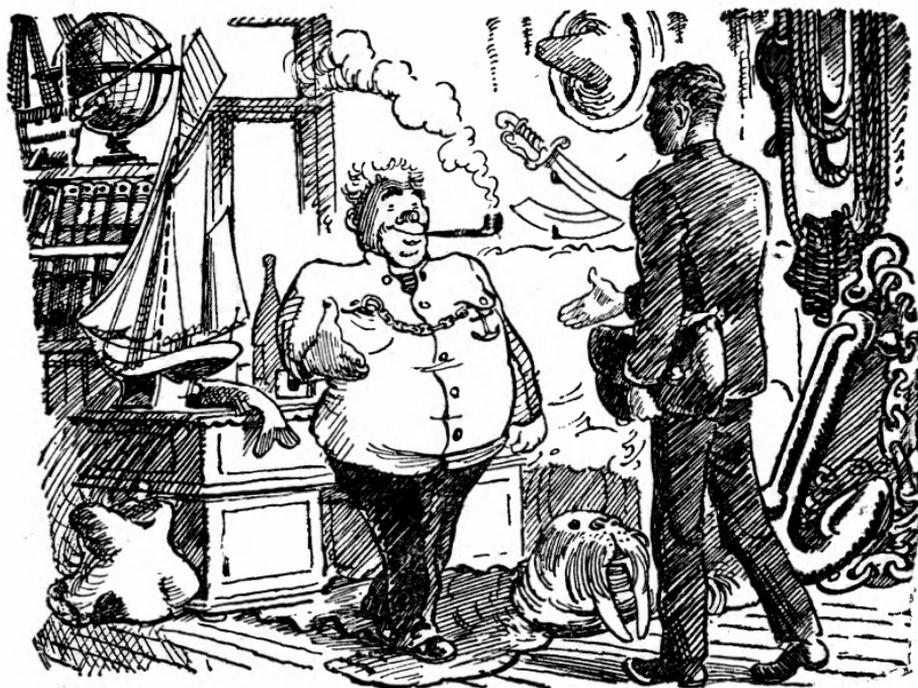
Я отправился. Без труда нашёл квартиру, поступал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Вру́нгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... ошеломился от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в парадной форме, с золотыми нашівками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пепеле и помину не было, а седые, растрёпанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он и действительно покраснел, стал у Вру́нгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Вру́нгелем в специальной стойке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант¹. Небрежно брошенный сверток карт наполовину закрывал сушёный акулий плавник. На полу вместо ковра распласта-

¹ Значение этого слова и других специальных терминов объяснено в «Морском словаре для сухопутных читателей», помещённом в конце книги.

лась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь* с двумя смычками* ржавой цепи, на стене висел кривой меч, а рядом с ним — зверобойный гарпун*. Было ещё что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шагая как в шторм, шагнул мне навстречу.

— Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич, — произнес он громовым басом, протягивая мне руку. — Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

— Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчет тетрадок... ребята прислали... — начал было я.

— Виноват, — перебил он меня, — виноват, не узнал. Болéзнь проклятая всю память отшибла. Стар

стал, ничего не подёлаешь... Да... так, говорите, за тетрадами? — переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столóm.

Наконёц он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

— Вот, извольте, — сказал он, предварительно громко, со вкусом чихнув, — у всех «отлично»... Да-с, «отлично!» Поздравляю! С полным знанием науки кораблевождения пойдёте бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждёт вас вперёд! Трoпики, полюса, плавание по дуге большого круга...¹ — прибавил он мечтательно. — Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не поплавал.

— А вы разве плавали? — не подумав, воскликнул я.

— А как же! — обиделся Врунгель. — Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль*. Масса заходов*, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение, — добавил он, помолчав. — Много, так сказать, предстаёт теперь в ином свете, но всё же, знаете, оглянесь вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятного и поучительного в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте...

С этими словами Христофор Бонифатьевич подвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как в кресло, а Врунгель стал рассказывать.

¹ В больших океанских переходах особым образом избирается и изображается на карте путь корабля. Этот путь и называется «плавание по дуге большого круга».

ГЛАВА II,

в которой капитан Врунгель рассказывает о том, как его старший помощник Лом изучал английский язык, и о некоторых частных случаях практики судоходства

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной — и тряхнул. Так тряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. Да-с. Вам, простите, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнем по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так, чтобы во все мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воробей¹, на хорошем счету, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил: пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка — пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашёл. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили.

Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением её в два счёта привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль* на два фута*, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта — игрушечка! Сорок футов по палубе². Как говорят: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

¹ Стреляный й... воробей — здесь: опытный, бывалый человек, которого трудно обмануть.

² Длину судна измеряют от передней части носа до задней части кормы — «по палубе» или «по ватерлинии»*.

Успѣхъ подобнаго предпріятія, какъ вы знаете, во многомъ завѣситъ отъ личнаго состава экспедиціи. Поэтому я особенно тщательно выбиралъ своего спутника — единственнаго помощника и товарища въ этомъ долгомъ и трудномъ пути. И, долженъ признаться, мнѣ повезло: мой старшій помощникъ Ломъ оказалъся человекомъ изумительныхъ душевныхъ качествъ. Вотъ, судите сами: ростъ семь футовъ шесть дюймовъ*, голосъ — какъ у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всѣмъ томъ отличное знаніе дѣла, поразительная скромность, — словомъ, всё, что требуется первоклассному моряку. Но былъ и недостатокъ у Лома. Единственный, но серьёзный: полное незнаніе иностранныхъ языковъ. Это, конечно, важный порокъ, но это не остановило меня. Я взвѣсилъ положеніе, рассудилъ, подумалъ, прикинулъ и приказалъ Лому въ срочномъ порядкѣ овладѣть англійской разговорной речью. И, знаете, Ломъ овладѣлъ. Не безъ трудностей, но овладѣлъ за три недѣли.

Для этой цѣли я избралъ особый, дотолѣ неизвѣстный методъ преподаванія: я пригласилъ для моего старшаго помощника двухъ преподавателей. При этомъ одинъ обучалъ его съ начала, съ азбуки, а другой съ конца. И, представьте, съ азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно съ произношеніемъ. Дни и ночи напролѣтъ мой старшій помощникъ Ломъ разучивалъ трудныя англійскія буквы. И, знаете, не обошлось безъ неприятностей. Вотъ такъ однажды вечеромъ онъ сидѣлъ за столомъ, изучая девятую букву англійскаго алфавита — «ай».

— Ай... ай... ай... — твердилъ онъ на все лады, всё громче и громче.

Сосѣдка услышала, заглянула, видитъ: здоровый дѣтина сидитъ, кричитъ «ай!» Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скороую помощь». Приѣхали. Накинули на парня смирительную рубашку, и я съ трудомъ на другой день вызволил его изъ лечебницы. Впрочемъ, кончилось всё благополучно: ровно черезъ три недѣли

мой старший помощник Лом донёс мне рапортом¹, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот наконец долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запрудили берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль² и скомандовал:

— Поднять парусá, отдáть носовóй, руль на правую!

Парусá взвилíсь, распустíлись, как бёлые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоíт. Отдали кормовóй конёц* — всё равно стоíт. Ну, вижу — ну́жно принимáть решительные мёры. А тут как раз буксír шёл мимо. Я схватíл рúпор, кричú:

— Эй, на буксíре! Примí конёц, чёрт побирай!

Буксír потянúл, пыхтíт, мылит вóду за кормóй*, только что на дыбы не встаёт, а яхта — ни с мёста... Что за прítча?

Вдруг что-то ўхнуло, яхта накренилась, я на мгновение потерял сознание, а когда очну́лся, смотрю — очертания берегов резко изменились, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же пла́вает бóдка с моро́женным, верхóм на ней сидít молодой человек с киноаппарáтом и кру́тит рúчку.

А под бóртом у нас цёлый зелёный óстров. Я посмотрёл — и всё пóнял: плóтники недоглядёли, поставили свёжий лес. И, представьте, за лéто яхта всем бóртом пустíла кóрни и приросла. А я ещё удивлялся: откúда такие красíвые кúстики на берегу? Да. А яхта постро́ена крёпко, буксír сíльный, канáт прóчный. Как дёрнули, так полбёрега и отнесло вме-

¹ Рапортом; рапорт — устное или письменное донесение подчинённого начальнику.

² Встал в руль — встал к управлению кораблём.

сте с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, всё кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форс-мажор» — непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь — рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признаться, из-

рядно, вымокли, замёрзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звёзды высыпали на небе, на судах бьют полночную склянку*. Я отпустил Лёма спать, а сам остался на вахте*. Стою, размышляю о трудностях и прелестях предстоящего похода. И так это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сutki хода потерял с этой аварией — я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля — то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был — Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!¹

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» — перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назвать своё судно «Корыто» — оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернётся где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имён, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля! Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнём горели. За полмили можно было прочесть: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль*, порт ещё не про-

¹ С — частица сократившегося слова «сударь», употребляется как вторая часть слова. Прежде частица придавала речи оттенок особой вежливости, почтительности. Теперь чаще всего употребляется с оттенком шутки или раздражения.

снулся, после бессонной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу: пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и — хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок. Но все мы люди, все человеки, как говорится, и каждому, знаете, приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...»

Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чём разговор. Хватаю другую газету, третью... Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посредине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Бедя», на которой он отправляется...»

Тогда я всё понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы — «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделать уже ничего невозможно: у газетчиков длинные языки¹. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Бедя».

Но долго горевать не пришлось. С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лому и стал поднимать якорь.

И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как назло, кричали:

— Эй, на «Бедя», счастливого плаванья!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Бедя» и пошли.

Вышли в море. Я ещё не успел оправиться от огорчения. И всё-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете, ещё древние греки говаривали, что море все невзгоды смывает с души человека.

Идём. Тишина, только волны шелестят вдоль бор-

¹ О человеке, который торопится рассказать другим новости, чаще сплетни, говорят, что у него длинный язык.

тѳв, мѳчтѳ поскрѳпывает, а бѳрег ухѳдит, тѳет¹ за кормѳй. Пѳгѳда свежѳет, белѳчки пошлѳ по волнѳм, откѳда-то прилетѳли буревѳстники, ветерѳк стал крепчѳть. Рабѳтает, свистѳт в снастѳх настѳящий морскѳй, солѳный вѳтер². Вот и послѳдний маяк остѳлся позадѳ, берегѳв как не бывѳло, тѳлько мѳре кругѳм; кѳдѳ ни взглянешь — вездѳ мѳре.

Я проложѳл курс, сдал комѳндование Лѳму, постоял ещѳ минѳтку на пѳлубе и пошѳл вниз, в каѳуту — вздремнѳть часѳк-другѳй перед вѳхтой. Недѳ-

¹ Тѳет (тѳять) — здѳсь: постепенно станѳвится невидимым.

² Солѳный вѳтер — вѳтер, приносѳщий зѳпах солѳной морской воды.

ром у нас, у моряков, говорится: «Не выспаться всегда успеешь».

Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лёг на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаюсь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперед... и в глазах у меня потемнело.

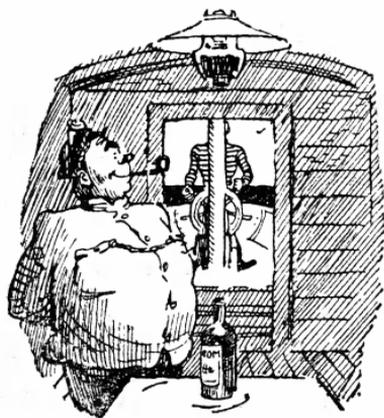
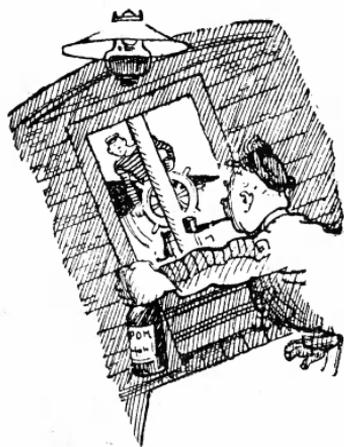
На первый взгляд — ничего, конечно, особенного: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но вперед, прямо перед носом «Беды», — едва заметная, как серая ниточка, встаёт над горизонтом полоска берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагаётся быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразия. Стыд и позор для вас! Я был потрясён, возмущён и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать — так заедешь, что и не выберешься, — особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вышло, но тут, к счастью, всё объяснилось. Лома выдал нос. Мой старший помощник всё время сворачивал нос налево, жадно втягивал воздух, и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я всё понял: в моей каюте, по левому борту, осталась незакупоренная бутылка прекрасного рома. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так — значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой. Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенёс бутылку на правый борт. Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатило туда же, а два часа спустя «Бедя»

легла́ на пре́жний курс*. Тогда́ я поста́вил буты́лку впе́редí, у ма́чты, и Лом бо́льше не сбива́лся с ку́рса. Он ве́л «Беда́», как по ни́точке, и то́лько оди́н раз о́собенно жа́дно втяну́л во́здух и спро́сил:

— А что, Христофо́р Бонифа́тьевич, не прибави́ть ли нам парусо́в?

Это́ было де́льное предложе́ние. Я согласи́лся. «Беда́» и до того́ шла непло́хо, а тут полете́ла стрело́й.

Вот та́ким о́бразом и нача́лось на́ше да́льнее пла́вание.

ГЛАВА III

О том, как техника и находчивость могут возместить недостаток храбрости, и о том, как в плавании надо использовать все обстоятельства, вплоть до личного недомогания

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А «плавание»? Плавание — это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит, так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И всё же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И, если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чём тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетелем которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас судьба мореплавателя.

Но в открытом море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер главным образом.

А что вы можете пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простои на мелях... Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествия, и в нашем походе их бы-

ло немáло, но в основнóм про воду, про вѣтер, про тумáны и мѣли много не расска́жешь.

Расска́зть-то, по́ложим, мóжно бы. Расска́зть есть что: бывáют, допúстим, смѣрчи, тайфúны, жемчúжные óтмели — мáло ли что! Всѣ это поразитель-но интереснó. Ну, ры́бы, там, кораблѣй, спру́ты — то́же и об это́м мóжно расска́зть. Да вот бедá: стóлько уж об это́м порасскáзано, что не успе́ете вы рот раскрýть — все ва́ши слúшатели срáзу разбегúтся, как карасѣ от аку́лы.

Другóе дѣло — захóды, нóвые берега́, так ска-зáть. Там, знáете, есть на что посмотре́ть, есть чему́ удивѣться. Да-с. Недáром говорáют: «Что гóрод, то нóров».

Вот по́тому такой моря́к, как я, любознáтельный и не связанный коммѣрческими интересами, старáется всячески разнообразить своё плáвание захóдами в чужѣе стрáны. И в это́м отноше́нии плáвание на ма́ленькой я́хте представля́ет бесчýсленные преимúщества.

А как же, знáете! Стáли вы, допúстим, на ва́хту, склонѣлись над кáртой. Вот ваш курс, справа́ нѣкое ца́рство, слева́ нѣкое госуда́рство, как в скáзке. А ведь там то́же лю́ди живúт. А как живúт? Интере́сно ведь посмотре́ть хоть одním глазкóм! Интере́сно? Изво́льте, полюбопы́тствуйте, кто же вам не велѣ́т? Руль на борту... и вот ужé входной мая́к на горизóнте! Вот та́к-то!

Да-с. Мы шли с попу́тным вѣтром, тумáн лежал над мóрем, и «Бедá» бесшúмно, как при́зрак, мѣлю за мѣлей глотáла простра́нство. Не успѣли мы огля-ну́ться, прошлѣ Зунд, Каттега́т, Скагерра́к...¹ Я не мог нара́доваться на ходовы́е кáчества я́хты. И вот на пя́тые сýтки, на рассвѣте, тумáн рассѣялся, и по пра́вому бо́рту у нас открýлись берега́ Норве́гии.

¹ Зунд, Каттега́т, Скагерра́к — так назывáются проли́вы на пу́ти из Балтѣйского мóря в Сѣверное.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться?
Я скомандовал:

— Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль¹ круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде.

Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры другими словами, это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутанные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мхом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

— А что, Лом, — предложил я, — не сойти ли нам погулять до обеда?

— Есть погулять до обеда! — гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Беда... беда... беда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударение не там, но всё же, знаете, приятно и удивительно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиордах... Да одно ли эхо! Там, батенька, сказочные места и сказочные бывают происшествия. Вы послушайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошел переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я уже совсем готов, шнурую ботинки, — вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встребоженный, вскакиваю, пулей вылетаю на палубу, и глазам моим представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

¹ Положил руль — установил руль в определенном положении.

Я по́нял, что сам виновáт: не учёл о́собностей гру́нта, а глáвное — прили́в прозевáл. Якорь зацепи́лся, дёржится как влитой, а вода́ подпира́ет. И цепь потравить* невозмо́жно: весь нос в воде́, поди́-ка ныря́й к бра́шпилю*. Куда́ там!

Едвá мы успели́ задрáить* на́глухо вход в каю́ту, как «Беда́» заняла́ совершенно́ вертика́льную пози́цию, наподобие́ рыболо́вного поплавка́. Ну и пришло́сь смири́ться перед стихией́. Ничего́ не поде́лаешь. Спасли́сь на корме́. Так там и пересидели́ до веча́ра, пока́ вода́ начала́ спада́ть. Вот так.

А веча́ром, умудре́нный о́пытом, я ввёл су́дно в

узкий пролив и причалил к берегу. Так-то, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, зажгли огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

— Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

Я спросонья не сразу и понял, о чём он говорит.

— То есть как это «за отсутствием»? — спрашиваю. — Куда же она девалась?

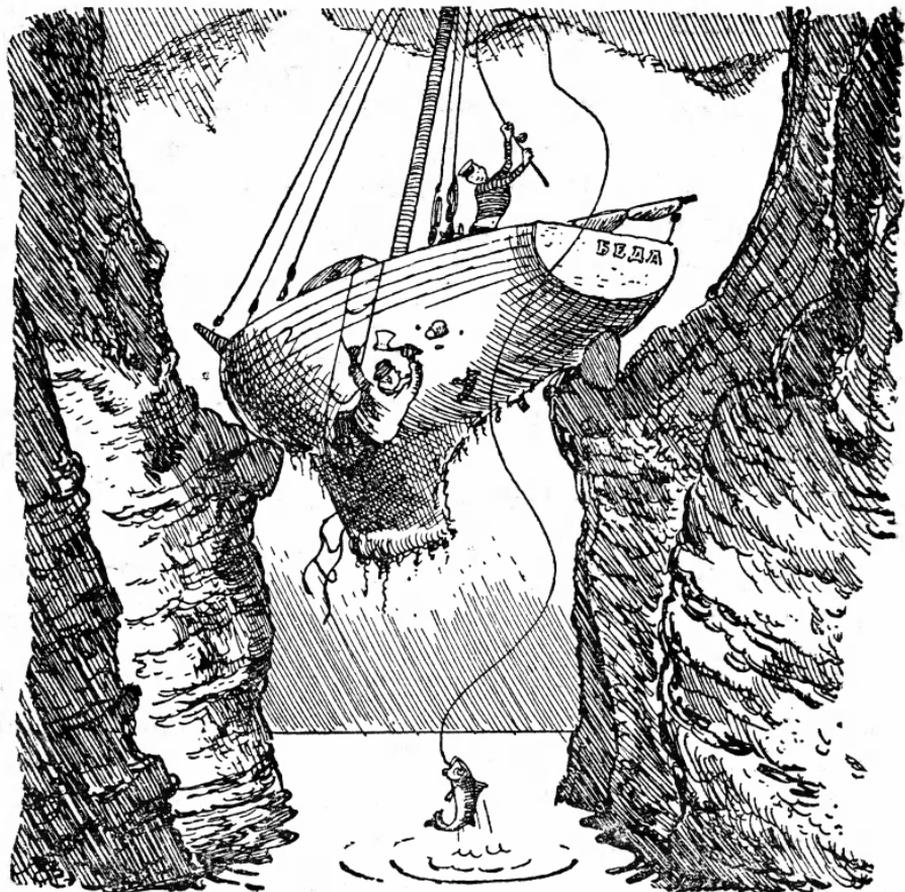
— Ушла с отливом, — рапортует Лом. — Судно заклинилось между скалами и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Вышел я, вижу — та же песня, да на новый лад. То прилив нас попутал, теперь отлив шутки шутит. То, что принял я за проливчик, оказалось ущельем. К утру вода сошла, и мы стали на твёрдый грунт, как в сухом доке. Под килем — пропасть в сорок футов, выбраться нет никакой возможности. Куда там выбраться! Одно остаётся — сидеть, ждать погоды, прилива, вернее сказать.

Но я не привык тратить время попустому. Осмотрел яхту со всех сторон, бросил за борт штормтрап *, взял топор, рубанок, кисть. Заподлицо¹ обтесал борты в тех местах, где остались сучья, закрасил. А когда вода пошла на прибыль, Лом закинул с кормы удочку и наловил рыбы на уху. Так что, видите, даже такое неприятное обстоятельство, если с умом взяться, можно обернуть на пользу делу, так сказать.

После всех этих событий благоразумие подсказывало покинуть этот предательский фиорд. Кто ж его знает, какие он ещё готовит сюрпризы! Но я че-

¹ Заподлицо — вровень; так, чтобы было незаметно.

ловёк, как вы знаете, смёлый, насто́йчивый, да́же не-
сколько упря́мый, е́сли хоте́те, и не приви́к отка́зы-
ваться от при́нятых реше́ний.

Так и в тот раз: реши́л гуля́ть — зна́чит, гуля́ть.
И как то́лько «Беда́» ста́ла на́ воду, я переве́л её на
но́вое, безопа́сное ме́сто. Вы́травил цепь подлинне́е,
и мы отпра́вились.

Иде́м ме́жду ска́лами по тропи́нке, и чем да́льше
иде́м, тем поразите́льнее окружа́ющая приро́да. На
деревья́х бе́лки, пти́чки какие́-то: «чик-чири́к», а под
нога́ми сухи́е су́чья треща́т, и ка́жется: сейча́с вы́йдет
медве́дь и заре́вет... Тут же я́годы, земляни́ка.

Я, знаёте, нигдѣ не ви́дел такой земляники. Крупная, с орѣх! Ну, мы увлеклись, углубились в лес, забыли совсѣм про обѣд, а когда спохватились, смóтрим — пóздно. Ужѣ солнце склонилось, тянет прохладой. И куда идти, неизвѣстно. Кругом лес. Куда ни по-смóтришь, вездѣ я́годы, я́годы, одни я́годы...

Спустились вниз, к фи́орду, ви́дим — не тот фи́орд. А время ужѣ к но́чи. Дѣлать нечего, развели костѣр, ночь кое-как прошла, а утром полѣзли на́ гору. Мо́жет быть, ду́маем, оттуда, свѣрху, уви́дим «Беду́».

Лѣзем в го́ру — нелегко́ при моѣй комплѣкции, но лѣзем, подкрепляемся земляникой. Вдруг слы́шим сзади какой-то шум. Не то вѣтер, не то водопад, трещит что́-то всё громче, и как будто попахивает дым-ком.

Я оберну́лся, гляжу́ — так и есть: огонь! Обступают со всех сторо́н, стено́й идёт за нами. Тут уж, знаёте, не до я́год.

Бѣлки побросали гнёзда, прыгают с вѣтки на вѣтку, всё выше по скло́ну. Пти́цы поднялись, кричат. Шум, паника...

Я не привык бѣгать от опасности, но тут, дѣлать нечего, надо спасаться. И полным хóдом за бѣлками, на вершину скалы, — больше некуда.

Вылезли, отдышались, осмотрелись кругом. Положѣние, доложу вам, безвыходное: с трёх сторо́н огонь, с четвёртой — крутая скала... Я посмотрѣл вниз — высоко́, да́же дух захватило. Картинка, в общем, безрадостная, и единственное отрадное пятно́ на этом мрачном горизóнте — наша «Бедá» красавица. Стоит как раз под нами, чуть качается на волне́ и мачтой, как пальчиком, манит к себѣ на палубу.

А огонь всё ближе. Бѣлок кругом видимо-невидимо. Осмелели. У других, знаёте, хвосты́ в огне́ пообгорѣли, так те особенно хра́брые, нахальные проще сказа́ть: лѣзут прямо на нас, толкаются, нажимают — того́ и гляди, спихнут в огонь. Вот оно́ как костры́-то разводять!

Лом в отчаянии. Бёлки то́же в отчаянии. Признаться, и мне не сладко, но я не подаю́ виду, креплюсь — капитан не должен поддаваться унынию. А как же!

Вдруг смотрю́ — одна́ бёлка нацелилась, хвост распушила и прыг прямо́ на «Беду́», на палубу. За ней другая́, третья́ и, гляжу́, — как горо́х, посыпались. В пять минут у нас на скале ста́ло чисто.

А мы что, хуже бёлок, что ли? Я решил то́же прыгать. Ну, искупа́емся в крайнем слúчае. Подумаешь, велика́ ва́жность! Это да́же полёзно перед за́втраком — искупаться. А у меня́ так: решено́ — значит, сделано́.

— Ста́рший помо́шник, за бёлками — по́лный впе́рёд! — скомандовал я.

Лом шагнул, занёс уже́ но́гу над про́пастью, но вдруг изверну́лся, как ко́шка, и назад.

— Не могу́, — говори́т, — Христофо́р Бонифатьевич, увольте! Не бу́ду прыгать, я лу́чше сгорю́...

И я ви́жу: действительно сгорит человек, а прыгать не ста́нет. Естество́нная боя́знь высоты́, боле́знь своего́ ро́да... Ну что тут де́лать! Не броса́ть же бедня́гу Ло́ма!

Друго́й бы растеря́лся на моём ме́сте, но я не тако́в. Я нашёл вы́ход.

У меня́ с собо́й оказа́лся бино́кль. Прекра́сный морско́й бино́кль с двенадцатикра́тным приближе́нием. Я прика́зал Ло́му поста́вить бино́кль по глаза́м, подвёл его́ к кра́ю скалы́ и строгим го́лосом спра́шиваю:

— Ста́рший помо́шник, ско́лько бёлок у вас на палубе?

Лом приня́лся счита́ть:

— Одна́, две, три, четы́ре, пять...

— Отста́вить! — крикнул я. — Без счёта́ приня́ть, загна́ть в трю́м!

Тут чу́вство служе́бного до́лга взяло́ верх над со́знанием опа́сности, да и бино́кль, как ни говори́те,

помог: приблизил палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть...

Я глянул вслед — только брызги поднялись столбом. А минуту спустя мой старший помощник Лом уже вскарабкался на борт и принялся загонять бёлок.

Тогда и я последовал тем же путём. Но мне, знаете, легче: я человек бывалый, могу без бинокля.

А вы, молодой человек, учтите этот урок, при случае пригодится: соберётесь, к примеру, с парашютом прыгать, непременно возьмите бинокль, хоть плохонький, какой-никакой, а всё-таки, знаете, как-то легче, не так высоко.

Ну, спрыгнул. Вынырнул. Забрался и я на палубу. Хотел Лому помочь, да он парень расторопный, один справился. Не успел я отдышаться, а он уже захлопнул люк, стал во фронт и рапортует:

— Принято без счёта полный груз белок живьем! Какие последуют распоряжения?

Вот тут, знаете, подумашь, какие распоряжения.

На первое время ясно: поднимать якорь, ставить паруса да уходить подбру-поздорову от этой горящей горы. Ну его к дьяволу, этот фиорд! Смотреть тут нечего больше, да и жарко стало к тому же... Так что по этому вопросу у меня сомнений не возникло. А вот что с белками делать? Тут, знаете, похуже положение. Чёрт их знает, что с ними делать? Хорошо, ещё вовремя в трюм загнали, а то, знаете, проголодались негодные зверюшки, принялись грызть снасти*. Ещё бы чуть — и ставь заново весь такелаж*.

Ну конечно, можно бы ободрать с белок шкурки и сдать в любом порту. мех ценный, добротный. Не без выгоды можно бы провести операцию. Но это как-то нехорошо: они нас спасли, во всяком случае указали путь к спасению, а мы с них последние шкурки! Не в моих это правилах. А с другой стороны, везти с собой всю эту компанию вокруг света — тоже удовольствие не из приятных. Ведь это значит кормить, поить, ухаживать. А как же — это закон: принял пассажиров — создай условия. Тут, знаете, хлопот не оберёшься.

Ну, я решил так: дома разберёмся. А у нас, у моряков, где дом? В море. Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море — значит, дома». Вот и я так. Ладно, думаю, выйдем в море, а там подумаем. Запросим в крайнем случае инструкции в порту отправления. Да-с.

Вот и пошли. Идём. Встречаемся с рыбаками, с парходами. Хорошо! А к вечеру ветерок закрепчал, начался настоящий шторм — баллов* десять. Море бушует. Как поднимет нашу «Беду», как швырнёт

вниз!.. Снасти стонут, мачта скрипит. Бёлки в трюме укачались с непривычки, а я радуясь: «Беда» моя дёржится молодцом, на пять с плюсом сдаёт штормовой экзамен. И Лом — гербом: надел зюйдвэстку *, стоит как влитой¹, у руля и твёрдой рукой дёржит штурвал. Ну, я постоял ещё, посмотрёл, любовался на разбушевавшуюся стихию и пошёл к себе в каюту. Сел к столу, включил приёмник, надел наушники и слушаю, что там в эфире творится.

Чудесная это штука — радио. Нажмёшь кнопку, повернёшь ручку — и на-ко, всё к твоим услугам: музыка, погода на завтра, последние новости. Другие, знаете, болеют насчёт футбола — так тоже, извольте: «Удар! Ещё удар!.. И вратарь вынимает мяч из сетки...» Словом, не мне вам рассказывать: радио — великая вещь! Но я в тот раз как-то неудачно попал. Поймал Москву, настроился, слышу: «Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна... Семён... Кирилл...» — точно в гости пришёл и знакомисься. Прямо хоть не слушай. А у меня ещё зуб был с дуплом, разболелся что-то... должно быть, после купания, — так разболелся, хоть плачь.

Ну, я решил прилечь, отдохнуть. Совсем было снял наушники, вдруг слышу: никак, «СОС»? Прислушался: «Т-Т-Т... Та, Та, Та, Т-Т-Т...» Так и есть: сигнал бедствия. Судно гибнет, и здесь где-то, близко. Я замер, ловлю каждый звук, хочу узнать поподробнее: где? что? В это время накатила волна, да так поддала «Беду», что она, бедняжка, совсем легла на борт. Бёлки взвыли. Но это бы ещё ничего. Тут гораздо хуже получилось: приёмник прыг со стола, сорвался, знаете, хлоп о переборку и разлетелся в куски. И вижу: не соберёшь. Передачу, конечно, как ножом отрезало. И такое тяжёлое чувство: рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто — неизвестно.

Надо идти выручать, а куда идти — кто его знает? И зуб ещё хуже разболелся.

¹ Стоит как влитой — стоит крепко, твёрдо.

И вот представьте: он-то меня и выручил! Я недолго думая хватаю конец антенны — и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато приём опять налачился. Музыка, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А морзе зато — лучше и не придумаешь: точка — кольнёт незаметно, как булавочкой, а уж тире — точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не нужно, и никакой настройки — больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью. Терпеть трудно, конечно, но

что подѣлаешь: в таком положѣнии приходится жѣртовать собой.

И, повѣрите ли, так всю передачу до конца на зуб и прѣнял.

Записал, разобрал, перевёл. Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию: сел на мель на Доггербанке, получил пробину, вот-вот пойдёт ко дну.

Тут думать некогда, надо идти выручать. Я забыл про зубную боль и сам стал распоряжаться спасением. Поднялся на палубу, стал к штурвалу.

Идём. Ночь кругом, холодное море, волны хлещут, ветер свистит...

Ну, с полчаса прошли, отыскали норвежцев, осветили ракетами. Я вижу — дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не встанешь — разобьёт. Шлюпки у них все снесло, а на концах перетаскивать людей в такую погоду тоже рискованно: перетопишь, чего доброго.

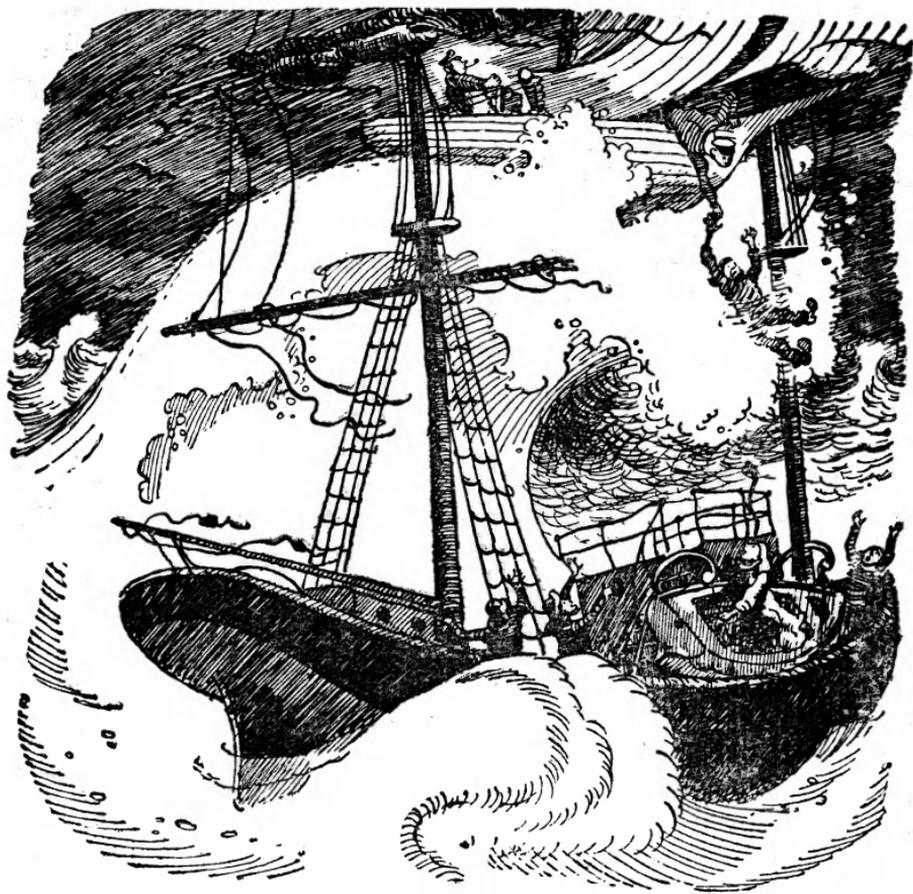
Зашёл с одной стороны, зашёл с другой — ничего не выходит. А шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суднишко волна, так его и не видно совсем. Перекатывает через палубу, одни мачты торчат... Стоп, думаю, это нам на руку.

Я решил рискнуть. Зашёл на ветер, повернул оверштаг * и вместе с волной на всех парусах пошёл фордевинд * полным ходом.

Расчёт тут был самый простой: у «Беды» осадка * небольшая, а волны — как горы. Удержимся на гребне — как раз и проскочим над палубой.

Ну, знаете, норвежцы уже отчаялись, а я тут как тут. Стою в руле, правлю так, чтобы не зацепить за мачты, а Лом ловит потерпевших прямо за шиворот, сразу по двое. Восемь раз так прошли и вытащили всех — шестнадцать человек во главе с капитаном.

Капитан немножко обиделся: ему последнему полагаётся покидать судно, а Лом в спешке да в темноте не разобрал, подцепил его первым. Некрасиво получилось, конечно, ну да ничего, бывает... И только

ко сняли последнюю пару, смотрю: катит девятый вал. Накатил, ухнул — только щепки полетели от несчастного суднишка.

Норвежцы сняли шапки, стоят дрожат на палубе. Ну, и мы посмотрели... Потом развернулись, легли на курс и пошли полным ходом назад, в Норвегию.

На палубе теснота — не повернёшься, но норвежцы ничего, довольны даже. Да и понятно: конечно, и тесно и холодно, а всё лучше, чем купаться в такую погоду.

Да... Выручил, спас норвежцев. Вот тебе и «Беда»! Для кого беда, а для кого чудесное, так сказать, избавление от гибели.

А всё находчивость! В дальнем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности, используйте всё для пользы дела, даже личное недомогание, если к тому представится случай. Вот так-то!

ГЛАВА IV

О нравах скандинавских народов, о неправильном произношении некоторых географических названий и о применении бёлок в морском деле

Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно.

Меня и Лóма поместили в лучшей гостинице, яхту за свой счёт покрасили самой дорогой краской. Да что там яхту, — бёлок и тех не забыли: выписали на них документы, оформили как груз, а потом приходят и спрашивают:

— Чем прикажете кормить ваших милых животных?

А чем их кормить? Я в этом деле ничего не понимаю, никогда бёлок не разводил. Спросил у Лóма, тот говорит:

— Точно не скажу, но помнится, орехами и сосновыми шишками.

И вот, представляете, какая случайность: я свободно объясняюсь по-норвежски, а вот эти два слова забыл. Вертятся на языке, а вспомнить не могу. Как отшибло. Думал, думал: как быть? Ну и придумал: послал Лóма вместе с норвежцами в бакалейную лавочку.

— Посмотрите, — говорю, — может быть, и найдёте что подходящее.

Пошёл он. Потом вернулся, доложил, что всё в порядке: нашёл, мол, и орехи и шишки. Меня, признаться, несколько удивило, что в лавке торгуют шишка-

ми, но, знаёте, в чужо́й странé чегó не бывáет! Мо́жет, дума́ю, для самова́ров и́ли, там, ёлки украша́ть, ма́ло ли для чегó?

А ве́чером прихо́жу на «Беду́» — посмотре́ть, как идёт окраска, загляну́л в трюм к бе́лкам, — и что бы вы дума́ли! Лом оши́бся, но до чегó же уда́чно оши́бся!

Гляжу́: сидят мо́и бе́лки, как на имени́нах, и за обе щеки́ уплетáют оре́ховую халву́. Халва́ в ба́нках, и на ка́ждой на крýшке нарисова́н оре́х. А с ши́шками ещё лу́чше: вме́сто ши́шек привезли́ ананáсы. Ну и действительно́, кто не знаёт, легко́ мо́жет спута́ть. Ананáсы, пра́вда, разме́ром побольше́, а в остальном похо́жи, и за́пах тот же. Лом там, в ла́вочке, как уви́дел, ткнул па́льцем тудá-сюда́, — вот оно́ так и получи́лось...

Ну, ста́ли нас водить по теа́трам, по музе́ям, показывать разли́чные достопримеча́тельности¹. Показа́ли, ме́жду прóчим, живу́ю ло́шадь. Это у них больша́я ре́дкость. Ездят там на автомоби́лях, ещё бо́льше хо́дят пешко́м. Паха́ли в то вре́мя свои́ми си́лами, вручну́ю, так что ло́шади бы́ли им ни к чему́. Каки́х помоло́же — повывезли, постáрше — так передо́хли, а кото́рые оста́лись, так те сто́ят в зоопáрках, жу́ют се́но и мечта́ют.

И, е́сли выведут ло́шадь на прогу́лку, сейча́с же собира́ется толпа́, все смóтрят, крича́т, наруша́ют уличное движе́ние. Все́ равно́ как у нас пошёл бы жи́раф пройти́сь по у́лице, так то́же, я дума́ю, старшина́ не знал бы, како́й свет на светофо́ре зажига́ть.

Ну, а нам ло́шадь не в дико́винку. Я да́же реши́л удивить норве́жцев: схвати́л её за хо́лку, вскочи́л, пришпо́рил каблукáми.

Норве́жцы áхнули, а на друго́е утро́ все газéты помести́ли статью́ о моёй хра́брости́ и фотогра́фию: мчи́тся ло́шадь вскачь и я на ней. Без седла́, китель

¹ Достопримеча́тельности (достопримеча́тельность) — предме́ты, па́мятники, соору́жения, представля́ющие о́собый интере́с.

трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост трубой...

После я понял: неважная фотография, недостойная моряка, но тогда сгоряча не обратил внимания и был даже доволен.

И норвежцы остались довольны.

Вообще нужно сказать, приятная эта страна. И народ там хороший, такой, знаете, тихий народ, приветливый, добродушный.

Я там, в Норвегии, не раз, конечно, и прежде бывал, и смолоду, помню, такой у меня вышел случай.

Высадились мы в одном порту, а оттуда мой путь лежал по железной дороге.

Ну-с, прихожé на стáнцию. Пóезд не скóро. С чемодáнами гулять, прýмо скáжем, — затруднítельно и неудобно.

Разыскáл я начáльника стáнции, спрашиваю:

— Где тут у вас кáмера хранéния?

А начáльник, слáвный такой старичóк, развёл руками.

— Извинíte, — говорít, — специального помещéния для хранéния ручнóй клáди у нас не предусмóтрено. Но это ничегó, вы, — говорít, — не стесняйтесъ, оставьте тут вáши чемодáнчики, онí никому не помещáют, уверяю вас...

Вот тák-то. А недáвно дружóк мой оттúда прýбыл. Мнóгое, говорít, изменилось и в нравах и в обхождéнии. Ну как же, знáете: в войнóу нёмцы там побывáli — нóвый поряóдок наводíли. Сейчáс америкáнцы поднимают óбраз жízни на дóлжную высотóу. Ну, и, конéчно, пообтёрся¹ нарóд, стал порасторóпнее. У дружкá моего, не успёл он оглянóться, прýмо из пóезда, из зáпертого купé, чемодáн унеслí. Культóра!

Ну, а в то врéмя жíли там ещё по старíнке. Тíхо жíли. Но не все. Бýли и тогда в Норвéгии лóуди, так сказáть, передовые. Вот, допóстим, владéльцы крупных магазинов, заведéний, фáбрик. Эти и тогда понимáли, где что плóхо лежít².

И меня́ это тóже коснóлось сáмым, так сказáть, непосредственным óбразом. Есть там фíрма однá — производит телефóны, радиоприёмники... так вот, пронóхали эти фабрикáнты про мой зуб и забеспокоились. Да и понятнó: ведь ёсли все стáнут на зуб принимáть, никто и приёмников покупáть не бóдет. Урón-то какой! Тут забеспокоишьсá. Ну, и решíли недóлго дóмая завладéть моём изобретéнием, да и моём зóбом заодно.

Сначáла, знáете, так это, по-хорóшему, прислáli деловое письмó с предложéнием продáть мой дефект-

¹ Пообтёрся (обтерётся) — здесь: освóбился, приспособился.

² Где что плóхо лежít — здесь: где что мóжно укрáсть.

ный зуб. А я рассудил, думаю: «С какой же стати?» Зуб ещё ничего, кусать можно, а что с дуплом, так это уж, извините, моё дело. У меня вот один знакомый есть, так он даже любит, когда зубы болят.

— Конечно, — говорит, — когда болят, действительно и больно и неприятно, но зато, когда пройдут, уж больно ¹ хорошо!

Да. Ну, я ответил, что не продаю зуб, и всё тут...

Так, думаете, они успокоились? Как бы не так! Решили выкрасть мой зуб. Появились какие-то негодяи, ходят по пяткам за мной, заглядывают в рот, шепчутся... Ну и стало мне не по себе: хорошо, как один зуб, так уж и быть, а ну как для верности заберут совсем, с головой? Куда я без головы пойду плавать?

Вот я и решил уйти от греха. Запросил в порту отправления инструкции по вопросу о бёлках, а сам, чтобы защититься от злоумышленников, принял особые меры: взял дубовую сходню, один конец засунул под ворота пакгауза *, другой под дверь кубрика и приказал Лому грузить «Беду» балластом *.

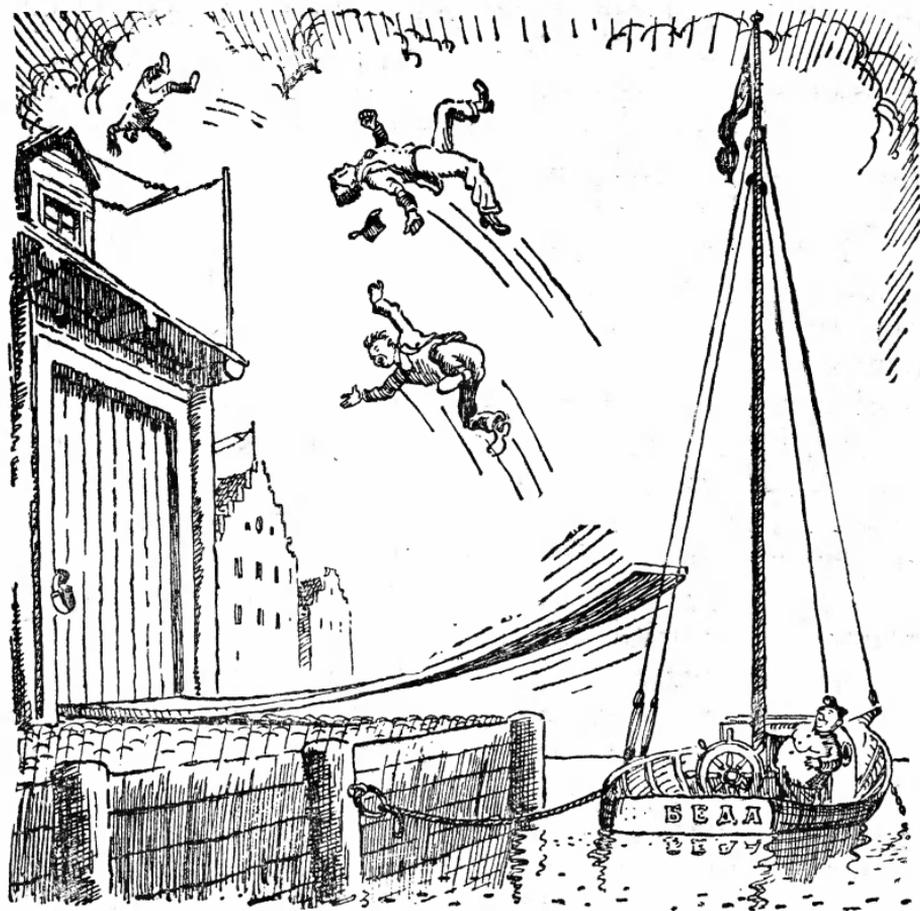
Яхта осела до фальшборта *, сходня согнулась, как пружина, одним только краешком держится под дверью. Я перед сном осмотрел, проверил готовность этого сооружения и спокойно улёгся спать. Даже вахту не выставил: незачем. И вот, знаете, под утро пришли. Я слышу осторожные шаги, скрип двери, потом вдруг — трах! — сходня выскочила из-под двери, разогнулась...

Я выхожу — и вижу: подёрговала моя катапульты, да ещё как! Тут на берегу была радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку, на мачту. Они там зацепились штанами, висят и орут на весь город.

Как уж их снимали, не могу вам сказать, не видел.

Тут как раз пришёл и ответ из порта с предписан-

¹ Больно — здесь: очень.

нием сдать бѣлок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека, так вот там скупали различных зверей.

Я вам уже имѣл слѣчай докладывать о некоторых преимуществах спортивного плаванья. В спортивном плаваньи сам себе хозяин: куда хочешь, туда и идешь. А уж если связался с грузом, тогда всё равно как извозчик: вожжи в руках, а везешь — куда прикажут.

Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошел бы туда по своей охоте! Чего я там не видел? Шүцманов¹,

¹ Шүцманов (шүцман) — полицейских в Германии.

что ли? Ну, и опять же, знаете, усложняется плавание, появляется всяческая коммерческая переписка, соображения сохранности груза, таможенные формальности¹, тем более в Гамбурге... Народ там, не в пример норвежцам, тёртый, невежливый — того и гляди, обдерут, как липку².

Кстати, знаете, никак не пойму, почему это у нас твёрдо так произносится: «Гамбург»? Неправильно это, тамошние жители называют свой город «Хамбург». Оно и звучит помягче, а главное, больше соответствует действительности.

Да, но раз приказано, надо подчиняться. Привёл в Гамбург «Беду», поставил у стёнки, сам оделся почище и пошёл разыскивать Гаденбека. Прихожу в зверинец. Там, знаете, и слоны, и тигры, и крокодил, и птица марабу, и белка эта самая висит тут же в клетке. Да какая ещё белка, не моим чета! Мой, бездельницы, сидят в трюме, объедаются халвой, а у этой сделана вертушка, и она там всё время, как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится. Заглядишься!

Ну-с, разыскал я самого Гаденбека, представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок, живём, по сходной цене.

Гаденбек посмотрел в потолок, сложил руки на животё, покрутил пальцами.

— Белки, — говорит, — это такие с хвостиками и с ушками? Как же, знаю. Так у вас белки? Ну что же, я возьму. Только, знаете, у нас очень строго с контрабандой. Документы на них в порядке?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил на стол документы.

Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возьмись, ха-

¹ Таможенные формальности — осмотр вещей и проверка документов на границе при переезде из одного государства в другое.

² Обдерут, как липку — обманут, оберут.

мелеон¹. Прыг на стол, вы́сунул свой язычище, слизнул бума́гу и был таков. Я за ним. Да где там!

А Га́денбек сложил свой очки, развёл рука́ми.

— Без докуме́нтов, — говори́т, — не могу́. Рад бы, да не могу́. У нас насче́т э́того о́чень стро́го.

Я расстро́ился, нача́л бы́ло спо́рить. Ну, ви́жу, де́лать не́чего, уше́л. Подхожу́ к при́стани, смотрею́ — на «Беде́» что́-то нела́дно. Толпа́ зева́к круго́м, на борту́ шу́цманы, тамо́женники, порто́вые чино́вники... Наседа́ют на Ло́ма, а тот стои́т в сере́дине и кое-ка́к отру́гивается.

Я протолка́лся, успоко́ил их и разузна́л, в че́м де́ло. А де́ло при́няло са́мый неожиданный и неприятный оборо́т. Га́денбек, ока́зывается, уже́ позвони́л в тамо́жню, а там подобра́ли статью́, обвини́ли меня́ в незаконном вво́зе скота́ и грозя́т отобра́ть су́дно вме́сте с гру́зом...

А мне и возра́зить не́чего: действите́льно, докуме́нты утра́чены, специа́льного разреше́ния на ввоз бе́лок я не получа́л. Если пра́вду сказа́ть, кто же повери́т? Доказа́тельств нет никаки́х, а смолча́ть — ещё́ ху́же.

Сло́вом, ви́жу: де́ло дрянь.

«Эх, — ду́маю, — куда́ ни шло! Вы так, и я так!»

Оде́рнул ките́ль, вы́прямился во весь рост и са́мому гла́вному чино́внику заявляю́:

— Тре́бования ва́ши, господа́ чино́вники, необосно́ваны, поско́льку в междунаро́дных морски́х зако́нах пра́мо предусмо́трен пункт, согла́сно кото́рому непреме́нные принадле́жности су́дна, ка́к-то: якоря́, шлю́пки, разгру́зочные и спаса́тельные приспособле́ния, сре́дства свя́зи, сигна́льные устро́йства, то́пливо и ходовы́е маши́ны в коли́честве, необходи́мом для безопа́сного пла́вания, никаки́ми порто́выми сбора́ми не облага́ются и специа́льному оформле́нию не подлежа́т.

¹ Ха м е л е о н — пресмыкающееся с длинным языком, с помощью которого оно ловит насекомых.

— Совершенно с вами согласен, — отвечает тот, — но не откажитесь объяснить, капитан, к какой именно категории названных предметов относите вы своих животных?

Я было стал в тупик, но, вижу, отступать уже поздно.

— К последней, господин чиновник: к категории ходовых машин, — ответил я и повернулся на каблуках.

Чиновники сначала опешили¹, потом пошептались между собой, и опять главный выступил вперёд.

— Мы, — говорят, — охотно откажемся от наших законных претензий, если вы сумеете доказать, что имеющийся на борту вашего судна скот действительно служит вам ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь нелегко. Где там доказывать — время оттянуть бы!

— Видите ли, — говорю я, — ответственные части двигателя находятся на берегу, в ремонте, а завтра, извольте, представлю вам доказательства.

Ну, ушли они. Но тут же, рядом с «Бедой», смотрю, поставили полицейский катер под парами, чтобы я не удрал под шумок².

А я, понимаете, забился в каюту, вспомнил ту белку, что у Гаденбека, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу и заказали ему два колеса, как у парохода, а третье вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку. Кузнец попался расторопный, понятливый. Сделал всё к сроку.

На другой день, с утра, привезли всё это хозяйство на «Беду». Пароходные колеса пристроили по

¹ Опешили (опешить) — растерялись.

² Удрать под шумок — убежать незамётно, потихоньку, в то время, когда все заняты другим делом.

бортáм, мѣльничное посрединѣ, соединили все три колесá общимъ вáломъ и запустили бѣлокъ.

Грызунý, знáете, ошалѣли отъ свѣта, отъ свѣжего вóздуха, понесли́сь какъ бѣшеные, однá за однóй по ступѣнкамъ внутрѣ колесá. Вся нáша машинá закрутилась, и «Бедá» безъ парусóвъ пошла́ такъ, что полицѣйские на своѣмъ кáтере насѣлу за нáми угнали́сь.

Со всехъ кораблѣй на насъ смóтрятъ въ бинóкли, на берегу́ тóлпы наро́да, а мы идѣмъ, тóлько вóлны разбегаются въ стóроны.

Потóм разверну́лись, встáли назáд, к причáлу. Этотъ сáмый чиновникъ пришёлъ, расстроился совсѣмъ. Бранится, кричитъ, а сдѣлать ничегó не мóжет.

А вѣчеромъ на автомобилѣ прикатилъ самъ Гáденбекъ.

ВЫлез из машины, встал, посмотрел, сложил руки на живот, покрутил пальцами.

— Капитан Врунгель, — говорит, — это у вас белки? Как же, помню. Во сколько вы их оцениваете?

— Так, видите ли, — говорю я, — не в цене дело. Вы же знаете, документы на них утрачены.

— Э, полно, — возражает он, — не тревожьтесь, капитан, вы не мальчик, должны понимать — у нас с этим делом просто. Вы цену скажите...

Ну, я назвал хорошую цену; он поморщился, но, не торгуясь, тут же расплатился, забрал белок вместе с колёсами, а напоследок спрашивает:

— Чем вы их кормите?

— Халвой и ананасами, — ответил я и распрощался.

Не понравился мне этот Гаденбек. Да и Гамбург вообще не понравился.

ГЛАВА V

О селёдках и о картах

В Голландию я совсем не хотел заходить. Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажка, голландский сыр и голландские селёдки.

Меня как моряка, понятно, заинтересовало это последнее, и я решил вернуться в Роттердам, познакомиться с селёдочным делом.

У них там оно поставлено на широкую ногу¹. Там селёдок лобят, солят, маринуют, и свежую селёдку морозят, и живую селёдку можете купить и посадить в аквариум.

¹ Поставлено на широкую ногу — здесь: поставлено, организовано хорошо.

И вот что в этом деле особенно поразительно: голландцы, видимо, знают какой-то секрет. Иначе как же вы объясните такую несправедливость: вот шотландцы, например, пробовали ловить. Закинули сети, подняли — полно селёдок. Ну, и обрадовались, понятно, но, когда разобрались хорошенько, разглядели, распробовали, обнаружилось, что селёдки-то попались все, как есть, шотландские.

Норвежцы тоже пытались. Норвежцы — прославленные, первоклассные рыбаки, но на этот раз и у них ничего не вышло. Также забросили сети, подняли, посмотрели — есть селёдка, да только всё сплошь норвежская.

А голландцы ловят и ловят уж который год, и им всё попадается голландская селёдка различных сортов. Ну, и, конечно, они этим пользуются: продают свои селёдки направо и налево — и в Южную Африку и в Северную Америку...

Я углубился в изучение этого вопроса, и тут мне совершенно неожиданно удалось сделать одно важное открытие, которое коренным образом изменило первоначальный план моего похода. После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селёдка — рыба, но не каждая рыба — селёдка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем тратить огромные средства, незачем набивать селёдок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова, где это понадобится. Не проще ли согнать селёдок в табун или в стадо, — как хотите назовите, — и гнать живьём до места назначения?

Раз каждая селёдка — рыба, значит, утонуть она не может. Ведь рыбам свойственно плавать, не так ли? А с другой стороны, если прибьётся какая постронняя рыбина, так ведь не каждая рыба — селёдка. Её, значит, ничего не стоит обнаружить, отличить, отогнать, напугать, уничтожить, наконец.

И там, где при старом способе перевозки нужен был огромный грузовой пароход с большой командой, со сложными механизмами, при новой системе может справиться любое судёнышко не больше моей «Беды».

Это теория, так сказать. Но теория заманчивая, и я решил на практике проверить свои соображения. А тут как раз и случай представился: в Северную Африку, в Александрию, отправляли партию селёдок. Их уже поймали, собирались солить, но я приостановил это дело. Селёдок выпустили, согна́ли в табун, мы с Ломом подняли парусá и пошли. Лом встал в руль, а я уселся на самый нос, на бушприт *, взял длинный хлыст, и, как только замечу какую постороннюю рыбину, я её по губам, по губам!

И, знаете, прекрасно получилось: идут наши селёдки, не тонут, ре́зво идут. Мы за ними едва поспеваем. И посторонняя рыба не лезет. День так прошёл — ничего. А к ночи я чувствую — тяжело: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Один с селёдками занят, другой в руле только успевай поворачивайся. Ну хорошо бы день, два, уж как-нибудь постарались бы, а то путь далёкий, вперёд океан, тропические широты... Слово́м, чувствую, не справимся, всё дело провалим.

Ну, я рассудил и решил взять на судно ещё одного человека — матроса. И как раз, знаете, место удобное: в то время мы уже вошли в Английский канал, тут Франция под боком, порт Калé, а в Калé всегда полно безработных моряков. Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. Я недолго думая подошёл поближе к берегу, «Беду» положил в дрейф *, вызвал лоцманский * кáтер и откомандировал Лома на берег за матросом.

Тут, конечно, я допустил ошибку: набор команды — дело серьёзное, ответственное. Лом, конечно, парень старательный, но молод, опыта нет. Нужно бы самому этим заняться, но, с другой стороны, и тут,

на борту, тоже, знаете, уша́ми хло́пать некогда. Ведь, как-ника́к, перего́нка селёдок живьём — де́ло но́вое. И, как во вся́ком но́вом де́ле, есть тут свой трудно́сти. Ну́жен глаз да глаз. Уйдёшь, недогляди́шь, а тут весь табу́н разбежи́тся. А тогда́ с убы́тками не рассчита́ешься, опозори́шься на весь мир, а гла́вное, загу́бишь э́то прекра́сное и полёзное начинáние.

Ведь зна́ете, как э́то бывáет: не вы́дет с пе́рвого ра́за, а в друго́й и не дове́рит никто́, и попра́бовать не даду́т.

Да. Ну ла́дно. Отпра́вил я Ло́ма в Кале́, вы́ста-

вил кресло на палубу, лежy. Одним глазом читаю, другим поглядываю на селёдок. Пасyтся рыбки, резвятся, сверкают на солнце чешуйками.

А к вёчеру возвращается Лом и привозит с собой матроса.

Я смотрю — на вид парень ничего. Не очень молодой, но и не очень старый; ростом, правда, маловат, но по глазам видно — шустрый, и борода у него, как у морского разбойника. Только те, по слухам, всё больше рыжие, а этот типичный брюнет. Грамотный, некурящий, одет чисто, знает четыре языка — английский, немецкий, французский и русский. Это Лом особенно прельстило: он к тому времени, грешным делом, стал уже забывать английскую речь. Фамилия у нового матроса несколько странная — Фукс; но, знаете, фамилия — дело наживное, а мне ещё Лом на ушко шепнул, что Фукс этот — клад, а не матрос: прекрасно разбирается в картах.

Тут уж я совсем успокоился: раз в картах разбирается — значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, и вахту при случае может нести самостоятельно.

Словом, я согласился. Записал Фукса в судовую роль, объяснил обязанности, приказал Лому отвести ему место в трюме. Ну, потом подняли паруса, развернулись и пошли дальше.

И, знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер всё время дул в корму, чистый фордевинд*. А тут задул прямо в нос — «вмордувинд»*, как говорят. В другое время я, может быть, побег бы силы, остался бы в дрейфе или якорь бросил, но тут, сами понимаете: селёдки. Им-то ветер нипочём, идут как ни в чём не бывало полным ходом, и нам, значит, нельзя отставать. Ну и пришлось идти в лавировку*, зигзагами. Я высвистал* всех наверх. Лом поставил пастей селёдок, сам встал у штурвала, набрал ходу и командовал:

— К повороту приготовиться!

Смотрю — этот Фукс стоит, как свечка, руки в карманах, с интересом смотрит на парусá.

Ну, тут уж я прямо к нему обратился.

— Фукс, — кричу, — набивайте * грот! *

Он встрепенулся, посмотрел этак растерянно — и давай всё подряд запихивать в кубрик: спасательные круги, запасной трос, фонари. Поворот, конечно, не вышел, прозевали...

— Отставить! — кричу я.

Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта.

Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло.

— Эй, вы, Фукс, — говорю я, — какой же вы, к чёрту, матрос?

— А я, — ответил он, — не матрос, я сейчас просто так, застрял на мель, а друзья мне посоветовали климат переменить...

— Позвольте, — перебил я, — а как же мне Лом говорил, что вы в картах умеете разбираться?

— О, это сколько угодно, — отвечает он. — Карты — это моя специальность, карты — это мой хлеб, только не морские, а, простите, игральные карты. Я, если хотите знать, я карточный шулер¹ по профессии.

Я так и сел.

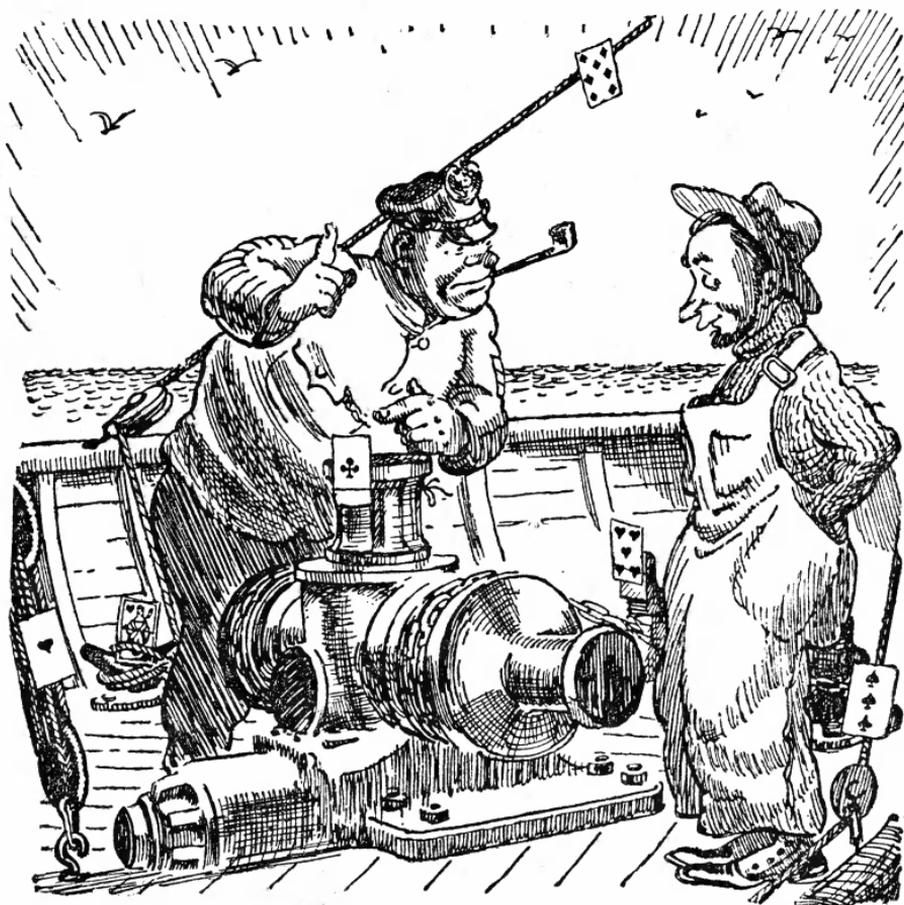
Ну, посудите сами, что мне с ним делать?

Списывать * на берег — это ещё сутки потерять. Ветер крепчает — того и гляди, поднимется шторм, тут селёдки разбегутся. А с другой стороны, возить с собой этого шулера балластом — тоже неинтересно: он не только морской команды, он ни одной снасти не знает. Я было растерялся...

Но тут мне пришла блестящая мысль. Я, знаете, люблю иногда разложить пасьянс² на досуге, и у меня

¹ Карточный шулер — человек, который нечестно играет в карты, мошенник.

² Пасьянс — особый, сложный способ раскладывания карт. Пасьянс раскладывают для отдыха, иногда для гадания.

нашлась на судне колода карт. Так я на каждую снасть привязал поскорее по карте, привёл яхту к ветру и повторил манёвр.

— К повороту приготовиться! Развязать тройку пик, подтянуть валета червёй, смотреть десятку треф...

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разбирался, что в темноте другой раз и то масти не путал.

Вот так и пошли дальше. Идём, лавируем. Ветер крепчает. Так бы дно ничего, но селёдки меня беспо-

ко́ят. Кто их знаёт, как они́ перенóсят погóду? А мне не к спéху, груз не срóчный, так зачём рисковáть? Я решíл отстоя́ться в порту́.

ГЛАВА VI,

ко́торая начина́ется недоразу́мением, а конча́ется неожíданым купáнием

Близ о́строва Уа́йт я сверну́л напра́во и пошёл в Саутгёмптон, в Англию. Бро́сил я́корь на ре́йде, Ло́ма оста́вил сторо́жить селёдок, а мы с Фúксом сели на ту́зик *, причáлили к бе́регу. В прекра́сном местéчке вы́садились: трава́ подстри́жена под гребёночку, доро́жки посы́паны пескóм, и всю́ду такие краси́вые загоро́дочки и на́дписи: «Здесь не ходи́ть, уса́дба Арчиба́льда Денди».

То́лько мы вы́садились, не успе́ли ша́гу шагну́ть, нас окру́жили джентльме́ны во фра́ках ¹, в котелка́х ², в бе́лых га́лстуках. Не то ми́стер Денди со своим се́мейством, не то ми́нистр инострáнных дел со свíтой, не то агéнты та́йной поли́ции — по костю́му не разбе́решь. Ну, подошли́ побли́же, поздорóвались, разгово́рились, и зна́ете, что оказа́лось? Оказа́лось, что это у них ни́щие. В Англии так прóсто попроша́йничать стро́жайше запре́щено зако́ном, а во фра́ке — пожа́луйста. Если кто и пода́ст, счита́ется, что ни́щих нет, а прóсто помо́г джентльме́н джентльме́ну.

Ну, я ро́здал им кое-какую́ ме́лочь, иду́ да́льше. Вдруг навстрéчу — ещё оди́н. Дли́нный, то́чно версту́ проглотíл. Поравня́лись. Он обна́жает го́лову, раскла́нивается са́мым церемо́нным манéром. Ну я, по́нятно, пошáрил в карма́не, нашёл две копе́йки и пря́мо ему́ в цили́ндр. Я ждал благода́рности, а он, предста́вьте себе́, вспы́хнул, фы́ркнул и о́чень внуши́тельно произнёс:

¹ Во фра́ках; фрак — мужско́й костю́м с вы́резанными спéреди по́лами и дли́нными сза́ди фа́лдами (по́лами).

² В котелка́х; котелóк — твёрдая мужская́ шля́па с узкими поля́ми.

— Арчибáльд Дéнди, эсквáйр ¹. С кем имéю честь?

— Капитáн дáльного плáвания Христофóр Вру́нгель, — предстáвился я.

— Очень приятно, — говорíт он. — Защищáйтесь, капитáн!

Я бы́ло стал извиня́ться, да где там! Вíжу — пóздно. Какíе уж тут извинéния! Он постáвил цили́ндр на трáвку, сбросил фрак... Ну, и я, знáете, реши́л постоя́ть за себя́: скинул кíтель, зáнял боевúю пози́цию.

Фукс то́же не растеря́лся, взял на себя́ роль судьи́, отоше́л чуть в сторóнку и во всё гóрло кри́кнул:

— Секундáнты, áут! Гонг!

Мíстер Дéнди запы́ргал, запыхтёл, завертёл кулакáми. Похо́же, как, знáете, мальчи́шки в паровóз игра́ют. Рíнулся на меня́. Пришлóсь и мне порабо́тать кулакáми.

Я не люблю́ дава́ть волю́ рукáм, но тут бокс, благо́родная схвáтка, — я размахну́лся... и едвá успёл задержáть удáр.

Вíжу — сквёрная шту́ка: при рáзности пропóрций нáших фигу́р я, куда́ бы ни мéтил, всё равно́ попаду́ ни́же по́яса. А éто, знáете, не по пра́вилам. Он же, напро́тив, лúпит во́здух у меня́ над фура́жкой. И то́же всё впустúю. Пёрвый ра́унд ² так и окóнчился без результáта.

Но решáть бой всё равно́ кáк-то ну́жно бы́ло, и тут нас вы́ручил Фукс.

— Пожа́луйте, капитáн, — говорíт он и подставлèет плéчи.

Я вскочíл на него́ верхóм и вíжу — совсём друго́е дéло: Я тепéрь на úровне протíвника, так сказа́ть, и могу́ вступíть в бой на закóнных основáниях. Фукс подо мной пры́гает, рвётся в бой. Ну, я вíжу, порá дéйствовать.

¹ Эсквáйр — почётное звание дворянина в Англии.

² Ра́унд — так в бóксе назывáют вре́мя, в течéние котóрого происходит одна́ боева́я схвáтка.

— Давáйте, Фукс! — говорю.

Ему, видимо, было нелегко, но он бодро прохрипел:

— Гонг!

И мы начали снова...

Мистер Дэнди дрался блестяще. Я получил жестокий удар в переносицу, но тут вспомнил молодость, пришпорил Фукса, перешёл в инфайтинг¹ и нанёс противнику сокрушительный оперкút².

¹ Инфáйтинг — в бóксе так называют бой на близком расстоянии, при котором боксёр головой касáется плéчá противника.

² Оперкút — искажённое английское слóво «аперкёт»; в бóксе так называют удар снizu.

Он за́мер на секунду, закры́л глаза́, опусти́л ру́ки по швам и вдруг ру́хнул, как ма́чта. Фукс достáл у него́ из жилётного карма́на часы́ и стал грóмко отсчи́- тывать секунды. Мину́т через со́рок мис́тер Денди очну́лся. Потёр скулу́, удивлённо посмотре́л по сторо- на́м, заме́тил нас с Фу́ксом, вскочил и стал приводи́ть в по́рядок оде́жду.

Я втори́чно предста́вился, изви́нился, объясни́л причи́ну недоразуме́ния. Ну, и, зна́ете, помири́лись. Познако́мились. Пожа́ли друг дру́гу ру́ки, разгово́ри- лись, подружи́лись да́же. Потóм посмотре́ли его́ уса́дбу, зашли́ домо́й, выпили по ча́шке ча́ю, поси- де́ли у ками́на и отпра́вились ко мне на «Беду́».

Мис́тер Денди посмотре́л мою́ яхту, пришёл в вос- то́рг и приня́лся счита́ть по па́льцам:

— Сего́дня четве́рг... значи́т, за́втра пя́тница, послеза́втра суббо́та... Мис́тер Вру́нгель, — восклик- нул он неожиданно, — вас посла́ло само́ провиде́ние! В воскресе́нье большо́е национа́льные го́нки. Вы дол- жны́ их выиграть. Я сам пойду́ с ва́ми, и на э́тот раз мис́тер Бо́лдуин бу́дет посрамлён.

Я, сказа́ть по пра́вде, не сразу́ по́нял, о чём идёт речь, но мис́тер Денди мне всё разьясни́л. У него́ там, ока́зывается, есть сосе́д, мис́тер Бо́лдуин. И вот о́ни с э́тим Бо́лдуином во всё́м соревну́ются: кто знатне́е, у кого́ га́лстук краси́вее завя́зан, у кого́ тру́бка лу́ч- ше... Но э́то всё так, ме́жду про́чим, а гла́вный-то спор идёт у них о́ яхтах. Оба, ока́зывается, за́ядлые¹ па́рус- ники, и как го́нки — всё гото́вы отда́ть, то́лько бы утере́ть нос друг дру́гу².

Ну, и, зна́ете, э́тот Денди взгляну́л на мою́ «Беду́» гла́зом знатока́, оцени́л её ка́чества и по́нял, что с та- ким су́дном в любы́х го́нках, при любы́й пого́де побе́- да обеспе́чена. Да-с!

В о́бщем, уговáривает меня́ приня́ть уча́стие.

¹ За́ядлые (за́ядлый) — азартные, увлечённые ка́ким-либо де́лом.

² Утере́ть нос друг дру́гу — здесь: победи́ть в состязáнии, в спо́ре,

— Пойдёмте, — говорит. — Гонки интересные, судно у вас превосходное, и, поверьте слову джентльмена, вы возьмёте большой королевский приз и малый приз адмирала Нельсона.

Я за призами не очень гоняюсь, но так, в гонках, почему же не выступить? Судно прекрасное, команда надёжная, ну, да и я не первый раз за рулём. Шансы есть...

Я было ужé и согласился, да тут вспомнил: селёдки... Их-то куда девать? Ну, объяснил мистеру Дэнди, что не могу распорядиться судном, что связан селёдками по рукам и по ногам. Он сперва расстроился, но потом обещал и это уладить. И, представьте, уладил действительно. В тот же день я получил разрешение и ввёл весь табун в портсмутский адмиралтейский док *.

Потом мы подготовили яхту: борта смазали са-лом, убрали всё лишнее, как перед боем, обтянули такелаж. А утром в день гонок мистер Дэнди пришёл на «Беду» в белом кителе, с трубкой в зубах. Он приказал погрузить на «Беду» два ящика сода-виски, на случай неожиданного поражения, закурил и уселся на корме.

Ну, знаете, как это всегда на гонках: мачты, паруса, вымпелы, на берегу зрители. Обстановка волнующая. Я уж на что спокойный человек, а тоже немножко нервничаю. Вышли на старт. Ждём сигнала. Пошли! Паруса наполнились ветром, яхты понеслись. И должен вам без хвастовства сказать: старт я взял блестяще. Всех оставил позади. Иду рассекаю воду, предвкушаю победу.

Почти всю дистанцию так и прошёл лидером. Но у самого финиша мы сплеховали: не рассчитали немножко, зашли под бережок, попали в полосу безветрия, заштытели. Паруса обвисли, болтаются, некрасиво так, хоть ноздрей поддувай. Лом мачту скребёт, зазывает ветер, Фукс свистит с той же целью, но это всё, знаете, предрассудки, ерунда. Не верю я в это.

А «Бедá» сто́ит, конкурéнты ¹ подпира́ют, и впередí — мистер Болдуин на сво́ей посу́дине.

Мистер Дэнди посмотре́л за корму́ и загрусти́л: выругался, сорва́л кры́шку с ящика, извлёк бутылку — и хлоп в до́нышко!

Пробка вылетела, как из пу́шки. При э́том «Бедá» получи́ла тако́й толчо́к, что за́мётно продвинулась вперед.

А я, да́ром что был расстро́ен, учёл э́то и сде́лал до́лжные вы́воды. Пока́ мистер Дэнди залива́л своё горе, я вспо́мнил ста́рую на́шу посло́вицу. Зна́ете, говорят: «Нет плохи́х судов, нет плохи́х ветро́в, есть плохи́е капита́ны».

Но меня́-то уж ника́к нельзя́ причíслить к э́тому послéднему разря́ду. Не хва́стаясь, скажу́ — я капита́н хоро́ший. Эх, ду́маю, была́ не была́! Объясни́л за́дачу, дал кома́нду...

Мы все трóе ста́ли на корме́ и одну́ за друго́й приня́лись вышиба́ть пробки.

Тут и мистер Дэнди не́сколько оживи́лся. Достáл из карма́на платóчек, приня́лся кома́ндовать. И, зна́ете, с кома́ндой пошло́ ещё́ лу́чше.

— Кормова́я ба́шня, ого́нь! — кричи́т он.

Три пробки за́лпом вылета́ют с громоподо́бным зву́ком, па́дают в мо́ре подбитые ча́йки, со́довая льётся, вода́ за кормо́й кипи́т. Мистер Дэнди ма́шет платко́м всё ча́ще, всё грóмче кричи́т:

— Кормова́я, ого́нь! Ого́нь!

Пря́мо Трафальга́рская битва *. Куда́ там...

А «Бедá» ме́жду тем двíжется вперед по раке́тному прínципу, набира́ет ход.

Вот уже́ и мысо́к позади́, паруса́ взя́ли ве́тер, сна́сти обтяну́лись, зазвенели.

И вот мы вновь отвоёвываем ускользну́вшую бы́ло побéду, одно́го за друго́м обходи́м всех конкурéнтов.

¹ Конкурéнты (конкурéнт) — соперники; лю́ди, вражду́ющие ме́жду собо́й, стремя́щиеся одержа́ть верх о́дин над друго́м, победить в како́м-нибудь соревнова́нии.

На берегу болельщики волнуются, кричат. Вот один Болдуин вперёд!... Вот сравнялись, обошли на нос, на корпус... Тут оркестр на берегу ударил туш, мистер Денди улыбнулся, командовал:

— Кормовая башня, салют! — и слёг пластом.

На другой день только и разговоров было, что о нашей победе. В газетах заголовки на всю страницу, подробные описания этой удивительной гонки. Откуда-то у нас появились друзья, пришли с поздравлениями. Но мы не только друзья, мы и врагов нажили с этой победой.

Мистер Болдуин постарался, и пошёл, знаете, шепоток, разговорчики, начались интриги. И в конце

концов разыгрался настоящий скандал. Однако скандал этот готовился тайно, и мы, ничего не подозревая, пошли получать призы.

Обстановка была самая торжественная. Королевский яхт-клуб в полном составе собрался в здании старинной таможни, в весовом зале.

Там особо почётным считается, когда призы вёсят больше призёра. Мне тоже предложили стать на весы, но я столько призов набрал, что решил взвешивать сразу всю команду. Так и стали по росту: мистер Дэнди, Лом, я и Фукс. А на другой чашке расставили целый посудохозяйственный магазин: золотые ушаты, вазы, кубки, стаканы, рюмочки. Потом подсыпали медалей, жетонов, каких-то безделушек. И вот в тот момент, когда чашки весов уравнились, председатель яхт-клуба стал произносить торжественный спич. Что уж он говорил, не припомню сейчас, но слова были самые тёплые и содержание достойное: «Бескровная победа... лучшие из лучших... пример для молодёжи...»

Я расчувствовался, чуть слезу не пустил.

Но не успел председатель закончить, как поднялся мистер Болдуин.

— А известно ли уважаемому лорду председателю, что призёр, капитан Врунгель, в нарушение неписаной традиции нашего клуба, в морском мундире гарцевал на конё? — спросил он и пустил по рукам норвежскую газету с моей фотографией, где я на лошади.

Фотография, как я уже говорил, действительно не вполне приличная для моряка, и я не удивился, когда в зале поднялся ропот. Но гонку-то я всё-таки выиграл, а победителей, как говорится, не судят. В этом смысле и председатель ответил. Шум утих. Я уже думал, что всё обойдётся, но не тут-то было. Не обошлось... Этот Болдуин опять взял слово.

— А известно ли лорду председателю, — продолжал он, — что указанный мистер Врунгель перехва-

тил груз селёдок, адресованный в английские колонии, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам — подданным его величества английского короля?

Это, знаете, был козырь посильнее фотографии. Традиции традициями, мундир мундиром — это всё, конечно, очень почитается в Англии, но торговые интересы ставятся там несравненно выше. И нет ничего удивительного, что шум в зале усилился. Уже трудно было различать отдельные голоса и реплики, но мистер Болдуин и тут не успокоился. Он возвысил голос и продолжал:

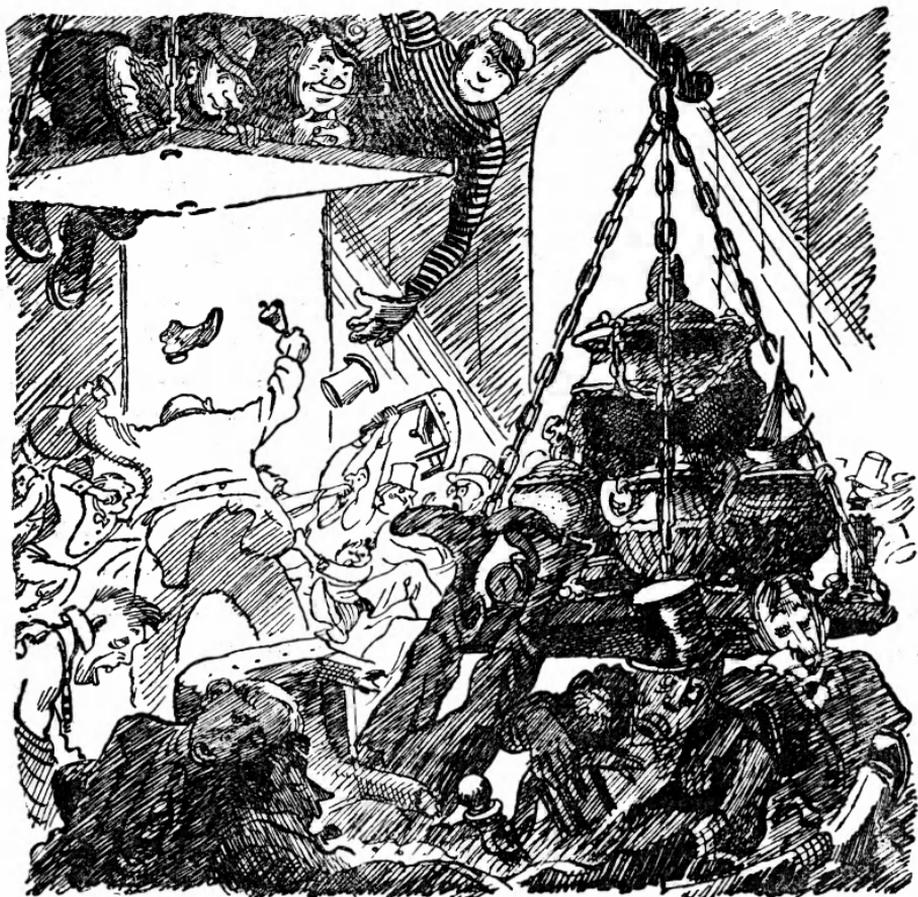
— А известно ли лорду председателю, что указанные селёдки, которые, как было установлено, наносят ущерб английским судовладельцам, по протекции Арчибальда Дэнди, эсквайра, и при его прямом содействии отстаиваются в адмиралтейских докумах его величества? Известно ли, наконец, что указанный Дэнди, эсквайр, предав забвению долг и честь британца, вступил на путь порока и преступления, пошёл против бога и короля и с недавних пор является тайным агентом Москвы?..

Ну, знаете, точно бомба взорвалась в тамбоне. В зале поднялась паника. Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.

Тогда и мистер Дэнди не выдержал. Спрыгнул с весов и с громким криком налетел на мистера Болдуина. Тут началась всеобщая потасовка. Несдобровать бы и нам, но спасли призы. Недаром мы их зарабатывали!

Как только мистер Дэнди спрыгнул, наша чашка взвилась под самые стропила, и мы оттуда, как из лоджи, наблюдали побоище.

А побоище, доложу вам, получилось изрядное. Кругом пыль столбом, треск добротных английских лбов, хруст старинной английской мебели...

Джентльмены разошлись, бьют друг друга по чём попало, весь зал усыпан выбитыми зубами, манжетами, воротничками. Бойцы падают один за другим. Стрaшное было зрелище!

Вскóре, однаóко, толпы бойцов поредели, битва утихла, мы спустились по гóудам бездыханных тел и направились к выходу.

В этот миг мистер Болдуин шевельнулся, тяжело вздохнул.

— А известно ли... — прохрипел он сердито.

Тогда и председатель очнулся, приподнялся на локтях, позвонил в колокольчик.

— Нет, неизвестно, ничего не известно! — смиренно произнёс он и рухнул за мертво.

Сно́ва ста́ло т́ихо. Мы в́ышли, вздохну́ли по́лною гру́дью, осмо́трелись круго́м и побежа́ли на «Бе́дую».

А там по́дняли я́корь, поста́вили паруса́ и по́льным хо́дом пошли́ в По́ртсмут — выруча́ть наш табу́н.

К сча́стью, в до́ки ещё не пришла́ весть о послéдних собы́тиях. Нам откры́ли порты́, в́ыпустили селёдок и да́же пожела́ли счастли́вого пла́вания. Ну, мы пошли́ не спеша́, а через час на горизóнте откры́лся о́стров Уа́йт. Мы обошли́ его́, согна́ли селёдок поплотнее́ и, сто́я на пра́вом борту́, до́лго смотрели́, как та́ют в тумáне н́изкие берега́ Англии.

Я ещё́ не успоко́ился по́сле пережи́тых волне́ний. Лом сто́ял гру́стный — что́-то он заскуча́л на берегу́. Оди́н Фукс был дово́лен.

Этот успе́л-таки схватить́ с весо́в золотую́ цепóчку с я́корем на конце́ и тепе́рь разгля́дывал её́, разы́скивая про́бу.

Скóро, одна́ко, и Фукс расстрóился.

— В на́шем де́ле за э́то бы́ют подсвече́никами, — неож́иданно сказа́л он, плю́нул за борт и протяну́л мне цепóчку.

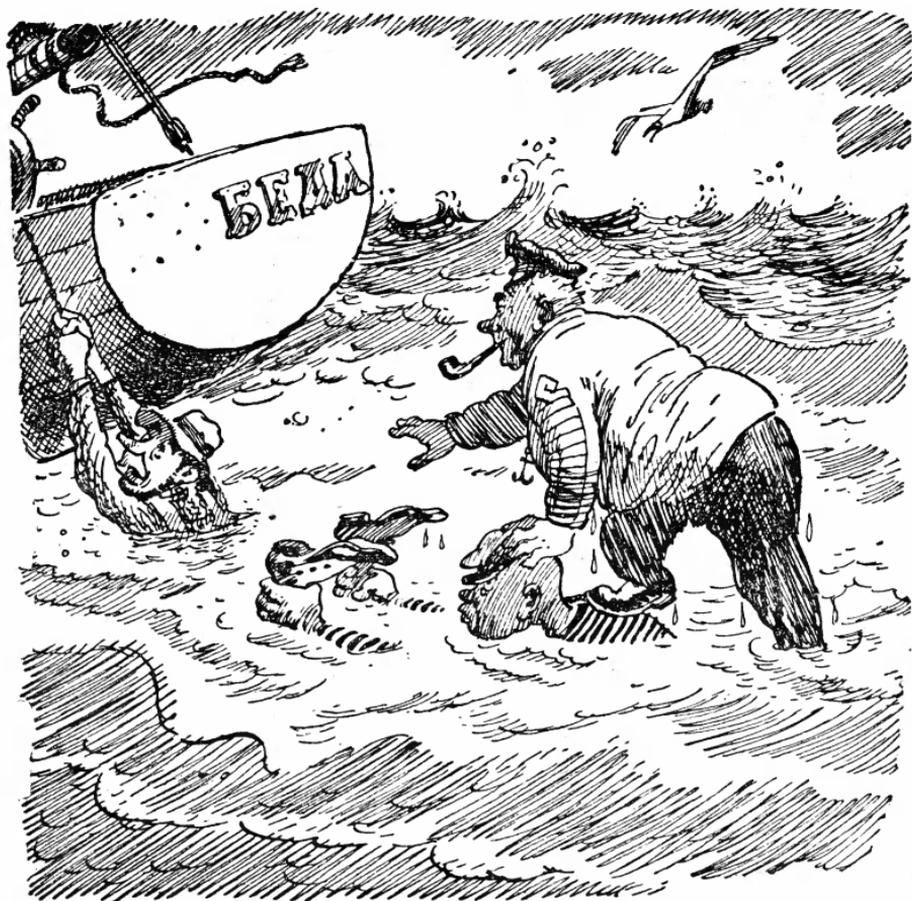
Я осмо́трел её́ и обна́ружил причи́ну его́ недово́льства: на цепóчке, на кра́йнем звене́, соверше́нно чётко бы́ло в́ыбито: «Заво́д искус́ственных драгоце́нностей «Алхи́мик». Сде́лано в Англии».

— Ну что́ ж, отл́ичная рабо́та и ма́рка соли́дная, — сказа́л я, возвра́щая Фу́ксу цепóчку.

В то же мгнове́ние па́рус хло́пнул у меня́ за спи́ной, и не успе́л я оберну́ться, как оказа́лся за бо́ртом.

Ослепле́нный водо́й, я беспоря́дочно замаха́л рука́ми и неож́иданно ухват́ился за что́-то твёрдое. Откры́л глаза́, ви́жу — нога́, а впереди́ голова́ Ло́ма, и Лом то́же де́ржится за́ ногу, а впереди́ Фукс. Этот де́ржится за свою́ цепóчку, а цепóчка де́ржится за борт «Бе́ды»: зацеп́илась я́корем.

Понима́ете, како́е положéние! Яхта́ идёт по́льным хо́дом, а мы трóе за бо́ртом! Размечта́лись, брос́или руль, а тут переки́нуло па́рус и сб́ило весь экипа́ж.

Хорошо ещё — эта цепочка: даром, что фальшивая, а без неё яхта ушла бы одна, с селёдками.

Ну, я сразу оценил обстановку и по возможности громко скомандовал:

— Так держать, да покрепче!

— Есть так держать! — ответил Лом.

— Есть так держать! — подхватил Фукс.

А я не торопясь подтянулся поближе, по Лому, потом по Фуксу, потом по цепочке — и на «Беду». Потом так же Лом, потом так же Фукс...

На палубе я снова осмотрел цепочку и, представьте — поразился даже! — ни одно колечко не растянулось. Прочно делают!

— Берегите её, Фукс, — сказал я.

Потом выдал экипажу по чарке водки для согревания, назначил вахты, а сам ещё постоял на борту, посмотрел на горизонт, вспомнил грустные события последних дней.

— Прощай, добрая Англия, старая Англия! — сказал я, а про себя подумал: «Культура!»

Постоял ещё, выкурил трубку и пошёл спать.

А утром, чем свет, Лом пришёл будить меня на вахту и доложил, что «Беда» вышла в Атлантический океан.

ГЛАВА VII

О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон»

В Атлантическом океане у нас было одно незначительное событие, о котором, собственно, и рассказывать не стоило бы. Но для сохранения истины я и о нём не скрою.

Вы знаете, конечно, что в открытом море, вдали от видимых берегов, судоводитель определяет свой путь по небесным светилам и по хронометру*. Светила — это Солнце, Луна, планеты и неподвижные звёзды. Они нам даны, так сказать, самой природой. Ну, а хронометр — это другое дело. Хронометр — это плод упорных трудов многих поколений человечества, и, как показывает само название, служит он для измерения времени.

Сложное это дело — измерение времени. Вон на Западе, в той же Англии к примеру, до сих пор ещё академики спорят: есть оно, время-то, или нет его совсем, а только кажется, что есть. А если нет, то и измерять вроде нечего, да и не к чему. А по-моему, тут дело ясное: раз на такие споры хватает времени, значит, есть оно и даже в избытке. А вот насчёт измерения — согласен, трудный это вопрос. И не сразу, конечно, достигли тут должного совершенства.

В былые годы для этой цели пользовались песочными склянками. Затем появились ходики, будильники, карманные часы.

По будильникам в наше время не плавают — считают, что это не точно, а по-моему, на худой конец и будильник сойдёт.

Вон мой тезка Колумб совсем без часов плавал, однако открыл Америку.

Ну, ходики, я согласен, на судне употреблять неудобно: там, знаете, нужно подвешивать к гилям подковы, кирпичи, утюги... А ну, как шторм поднимется? Тут к ним и не подступишься. А будильник... отчего же?

Но раз уж не принято по будильникам плавать — ничего не поделаешь. И я, когда готовил поход, специально приобрёл прекрасный ручной хронометр.

Приобрёл и положил в каюте. Пользоваться им не приходилось: шли всё время вблизи берегов. А тут хочешь не хочешь — надо определяться. Ну, спускаюсь в каюту, достаю свой хронометр и обнаруживаю странную перемену в его характере: был прибор, как я говорил, ручной, а тут, знаете, лежал без присмотра, без ухода и одичал совершенно, черт знает что показывает: солнце всходит, а на нём полдень, солнце на полдень, а на нём шесть часов... Уж я его и стучал, и тряс, и крутил — ничего не помогло.

Вижу, скверное положение: идём, куда — неизвестно. Так, знаете, и заблудиться недолго.

Но тут спасение пришло само собой и пришло отсюда, откуда я его совершенно не ждал.

Мы, когда были в Англии, хорошенько запаслись продовольствием. Взяли сухие продукты, консервы, живность. Между прочим, был у нас ящик кур из Гринича¹.

Да. Ну конечно, в пути мы их поели, и к тому вре-

¹ Гринич — один из районов Лондона. В Гриниче находится знаменитая астрономическая обсерватория. От меридиана, проведённого через Гринич, идёт счёт долготы на многих картах.

мени в ящике только и оставалось два молодых петушка — чёрный и белый.

И вот я стою с секстантом в руках, размышляю о методах астрономических наблюдений, — вдруг, понимаете, оба мой петушка хором:

— Кукареку!..

Я моментально сделал наблюдения; ну, а дальше уж нетрудно сообразить: раз гринические петушки запели, значит, сейчас в Гриниче рассвет, солнце всходит. Вот вам и точное время. А зная время и определиться нетрудно. Да-с.

Я, однако, сделал и проверку: вечером снова вышел с секстантом, и ровно в полночь по Гриничу мой петушки опять дуэтом:

— Кукареку!

Так можно бы и дальше по петушкам плавать, но тут я ещё и другой способ нашёл.

Замечательный способ! Я даже думаю как-нибудь на досуге диссертацию написать на эту тему и обогатить таким образом науку.

Вкратце способ мой сводится к следующему: вы берёте часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, всё равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблат. Причём вовсе не обязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придётся, но это, знаете, и ни к чему, излишняя роскошь; зато два раза в сутки — в полдень и в полночь — ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

Вот таким образом я вновь приручил свой хронометр, и как раз вовремя.

Запасы у нас совсем истощились, консервы на-

доели, и нужно было подумать не об определении места суда, а об определении на жаркое наших петушков.

Но тут новая неприятность: встал вопрос о том, с которого начинать. Уж очень, знаете, дружные были петушки. Чёрного зажарить — белый скучать будет, белого зажарить — чёрный заскучает...

Я размышлял над решением этой проблемы, серьёзно размышлял, но так и не пришёл к должным выводам. Ну, думаю: «Ум хорошо, а два лучше». Создал комиссию: я и Фукс.

Снова со всех сторон обсудили этот вопрос, но тоже, знаете, безрезультатно. Так и не смогли найти конструктивного решения. Пришлось расширить комиссию. Назначили заседание. Я изложил сущность дела, познакомил собрание с историей вопроса, поднял, так сказать, материал... И не зря. Лом неожиданно такую трезвость взглядов и находчивость проявил в этом деле, что сразу всё, как говорится, стало на свои места.

Он и минуты не думал. Так, знаете, не колеблясь, прямо и говорит:

— Режьте чёрного.

— Позвольте, — говорим мы, — ведь белый скучать будет!

— А чёрт с ним, пусть скучает! — возражает Лом. — Нам-то какое дело?

И, знаете, пришлось согласиться. Так и сделали. И, должен прямо сказать, Лом не ошибся. Петушок оказался прекрасный: жирный, мягкий, — мы просто пальчики облизывали, пока его ели. Впрочем, и второй был не хуже.

Вот так, знаете, благополучно, не торопясь мы обогнули Бретань и вступили в Бискайский залив.

Бискайский залив, как известно, прославился бурями, и недаром.

Не скрою, я испытывал некоторую тревогу, пересекая его, но мне повезло в тот раз. Прошёл, как по зеркалу, и дальше всё было благополучно, до тех пор

пока́ мы не вошли в Гибралта́р. Но тут, в Гибралта́ре, попал́и в исто́рию. Идём не спеша́, го́ним селе́док, любу́емся ви́дами непристу́пных гор. С англи́йской крѣпости́, как полага́ется, нас запроси́ли:

— Уот шип? Что за кора́бль?

Ну, я отве́тил:

— Яхта «Беда́», капита́н Вру́нгель.

Продвига́юсь да́льше, и тут на поро́ге Средизе́много мо́ря началось: что́-то сви́стнуло, у́хнуло. Я ви́жу — в па́русѣ ды́рка в полме́тра, круго́м огóнь, вода́ с гро́хотом вздыма́ется в не́бо, а спра́ва, наперерѣз нам, несѣтся эска́дра.

Ну, я сразу́ по́нял: пираты́ неизвѣстной нацио́нальности.

Вот, я ви́жу, вы улыба́етесь. А зря, молодóй чело́вѣк. Вы ду́маете, что то́лько в старинных ромáнах пираты́ оста́лись? Ошиба́етесь, дорогóй. Пиратов и сейча́с хвата́ет на све́те. То́лько в бы́лые-то го́ды, лет двѣсти наза́д, пираты́, когда́ на де́ло шли, свой фла́г поднима́ли. А в на́ши дни фла́ги пиратские припрята́ли в сундуки́, а приёмы пиратские из всех сундуко́в повы́ташили¹. Вон, суньтесь-ка на восток, к Тайва́ню, — тогó и гляди́, попаде́те пирата́м в ла́пы. Ну, а в то вре́мя на за́паде та же была́ карти́на. Сейча́с чанкайши́сты в Тихом океáне шко́дят², а в то вре́мя франки́сты в Средизе́мном мо́ре бесчи́нствовали, а на по́верку и те и те хороши́. Да и цена́ им одна́ — до́ллар за па́ру. А где до́ллар вмешáлся — там добра́ не жди.

Сло́вом, я ви́жу, положѣние т́рудное: бой при́нимать нельзя́. При встрече́ с превосхо́дными си́лами³ прот́ивника морская́ тактика́ рекомендо́ует уй́ти с ли́нии бата́лии.

А куда́ уйдѣшь? Вѣтер сла́бый, и па́рус с дыро́й, работа́ет в полси́лы...

¹ Приёмы пиратские из всех сундуко́в повы́ташили — снова ста́ли пользо́ваться разбойничьими приёмами.

² Шко́дят (шко́дить) — хулига́нят, безобразничают, прино́сят окружа́ющим вред.

³ Прево́сходными си́лами (прево́сходные си́лы) — здесь: значи́тельно бо́льшие си́лы.

Тут, знаете, выход один: применять военную хитрость.

— Закуривай, ребята! — крикнул я бодрым голосом и достал свой кисёт.

Экипаж у меня некурящий, но тут, в напряжённой обстановке боя, Лом и Фукс не посмели ослушаться — свернули козьи ножки и принялись дымить.

Я тоже раздул своё кадило¹, и, не прошло трёх минут, дымовая завеса плотной стеной скрыла нас от глаз противника.

Согласитесь: ловко придумано! Но это ещё не всё. Это, батенька, только начало.

Ну, скрылись — хорошо. Но ведь завесу-то нашу всё равно сдует ветром. Что тогда делать? Я, знаете, подумал и решился.

— Парусá долóй, экипажу укрыться в жилых помещениях! — скомандовал я.

Лом с Фуксом забрались в каюту, задраили все люки, наскоро, кое-как законопатали щели, а я собрал весь груз потяжелее, связал и на блоке поднял на мачту. Центр тяжести, понятно, переместился кверху, груз перевесил, судно потеряло остойчивость*, завалилось на левый борт, и «Бедá» опрокинулась кверху дном. Я, конечно, оказался в воде, но сейчас же вылез, лёг на корме и жду. Тут нашу завесу снесло, и пиратская эскадра в полном составе обнаружилась на расстоянии ста саженей*.

Наступил, так сказать, решительный момент боя. «Ну, — думаю, — пан или пропал». Выставил над килем свою трубку, а сам гляжу одним глазом. И вот вижу: с флагманского судна эскадры нас заметили, семафорят открытым текстом:

«Мётким огнём нашей артиллерии противник уничтожен. Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действий флота обнаружена

¹ Я тоже раздул своё кадило — здесь: я тоже закурил свою трубку.

бригада подводных лодок новейшей конструкции. Адмирал дон Канальо».

Едва там разобрали сигнал, пиратские корабли бросились враспынную, как цыплята от коршуна. Да и понятно, знаете: «Бедя» даже в столь неестественном состоянии сохранила весьма внушительный вид.

Ну, а тогда я нырнул, отцепил груз от мачты; яхта вторично сделала поворот оверкиль * и вернулась в нормальное положение. Лом с Фуксом вылезли. Спрашивают:

— Ну как?

— Да вот, — говорю, — смотрите сами.

А, собственно, и глядеть-то уже нечего было: только дымок на горизонте. Я посмотрел в бинокль им вслед и пошел переодеваться.

Ну, потом подправили паруса, привели в порядок судно, произвели уборочку и занялись селёдками. И как раз вовремя занялись. Пока тут была стрельба, шум, некоторые отдельные селёдки проявили недостойное легкомыслие: отбились от табуна и удали-

лись в неизвѣстном направленіи. А с друго́й стороны́, воспользовавшись на́шим вы́нужденным бездѣйстви-ем, к табуну́ пристало́ столько́ посторонней́ рыбы́ различныхъ поро́д, что я сперва́ да́же растеря́лся: тут и макрель, и сарди́нки, и бычки́, и хамса́, — так, зна́ете, и опозори́ться недолго. Ну кто же мне в друго́й раз доверитъ фрахтъ *, е́сли я прі́нял грузъ голла́ндской се́льди пер́вого со́рта, а сдаю́ какую́-то кашу, тре́тий сорт, неразбо́р!.. Да. Ну, я порабо́тал часо́к-друго́й хлысто́м, ру́ки, пра́вда, отмаха́л, но зато́ разогна́л всю э́ту постороннюю́ пу́блику, восстано́вил не́который поря́док во вве́ренномъ мне табуне́ и повёлъ «Беду́» прямы́м курсомъ в Египетъ, в портъ назначе́ния. Вот так.

Ну, пошли́. На э́тотъ разъ без происше́ствий, ровно́ черезъ два дня благополучно́ прі́были в Александри́ю, ста́ли на я́корь, вы́звали торго́вого агента́, а са́ми пока́ устроились на па́лубе. Отдыха́ем, гляди́м по сторо́намъ, де́лимся впечатле́ниями.

Впро́чем, доложу́ вамъ, в то вре́мя и поделі́ться бы́ло не́чем.

Сейча́с друго́е де́ло. Сейча́с Египетъ — страна́ как страна́ и наро́д как наро́д — своими нога́ми стои́т на сво́ей землѣ. В дре́вности вот то́же Египетъ сла́вился, и Александри́я сла́вилась на весь мир. А в тотъ нашъ захо́д портъ э́тотъ не представля́л для любозна́тельно-го путеше́ственника ровно́ никако́го интере́са. То́лько разгово́р, что, мол, Египетъ — страна́ фарао́нов ¹ и так да́лее. А зайдёшь — и посмотре́ть не на что. Портъ как портъ — обши́рная торго́вля, вы́воз хло́пка, у на́бережной глубина́ два́дцать шесть фу́тов. Флагъ, пра́вда, и тогда́ былъ египетскі́й, но поря́дки стоя́ли англійскі́е, и кораблі́ англійскі́е, и полисме́ны англійскі́е. То́лько и ра́зница, что ни́щие тамъ без фра́ков ходи́ли. Какі́е тамъ фра́ки! Друго́й работа́га, землепа́шец, рыба́к, чиновники́ да́же и те́ босы́е ходи́ли, а то, прости́те, почти́ что и без штано́в!

¹ Фарао́новъ; фарао́н — титу́л древнеегипетскихъ царей. Фараона́ми презрительно́ называ́ютъ полицейскихъ.

Да. Ну, наконец явился агент. Проверил запись в грузовых документах, отвёл нам место в порту и стал принимать груз. Мы сдали селёдок, как полагаётся, по счёту, подвели итог, и тут у меня просто сердце упало: поверите ли, чуть не половина табуна растерялась в пути!

Случайно отбились, отстали или сознательно дезертировали — этого я уж сказать не сумею. Но факт налицо — полтабуна как не бывало! Ой, гляжу — плохо.

Конечно, можно бы спорить, оправдываться, ссылаться на непредвиденные обстоятельства, но это

всё несолидно, неубедительно. Сло́вом, огорчи́лся я ужасно, расстро́ился, но тут вдруг меня́ осенило.

— Позво́льте, — говорю́ я, — где же это́ видано, что́бы такой́ груз, как селёдки, сдава́лся пошту́чно? Изво́льте, прики́ньте их на весе́, а тогда́ и заявля́йте претензи́и.

Ну, тот ви́дит — не на простака́ напáл, взял груз на весе́, и, поверите ли, обнару́жилась значите́льная прибáвка в весе́! Вас, мо́жет быть, удиви́т этот факт. Одна́ко, е́сли разобра́ться, тут и удиви́ться не́чему. Я за́ранее знал, что так бу́дет, и без труда́ объясню́ вам причи́ну это́го явле́ния. Подума́йте, взвесе́те обстоя́тельства де́ла, и вы пойме́те, что ина́че и быть не мо́жет: споко́йное путеше́ствие, отличное пита́ние, перемена́ кли́мата, морские купа́ния... Все́ это укрепля́ющим о́бразом де́йствует на органи́зм. Ну, и понят́но, селёдки попра́вились, пополне́ли, накопи́ли жирку́.

Так что о́пыт мой уда́лся блестя́ще, и, зако́нчив расче́ты, я реши́л отдохну́ть, прове́триться на берегу́ и посмотре́ть ме́стные достопримеча́тельности.

Отпра́вились в глубь страны́, в пусты́ню. По пусты́не там ходит тролле́йбус, но в тролле́йбусе е́хать неинтересно́, и мы реши́ли воспользо́ваться ме́стными средствами́ сообще́ния. Я сел на двугорбо́го верблю́да, Лом — на одnogорбо́го, а Фукс — на осла́. Получи́лась дово́льно живописная́ гру́ппа.

Так, це́лым карава́ном, и при́были в Ка́ир. А в Ка́ире — вот там друго́е де́ло! Там и тогда́ был настоя́щий Еги́пет, и от ка́ждой пяди земли́ веяло аро́матом глубо́кой дре́вности. А как же! Там и пусты́ня Саха́ра, и фи́никовые па́льмы, а гла́вное — гробни́цы фарао́нов, сфи́нксы и други́е па́мятники седо́й стари́ны. Мы пе́рвым де́лом отпра́вились осма́тривать пирами́ды. Заплати́ли ско́лько сле́дует, взяли́ входны́е биле́ты, стрено́жили живото́ных и пошли́.

Иде́м по подзе́мным коридора́м. Там, зна́ете, все́ так и стои́т нетро́нутым пятьты́сяч лет. Обстано́вка

великолéпная: чистотá, электрическое освещéние, на кáждом перекрёстке — чýстильщик сапóг, на кáждом углу — ларёк с морóженым... в óбщем, непло́хо жи́ли поко́йники.

Ну-с, мы почита́ли иерóглифы, взгляну́ли на золотой саркофа́г ¹, на му́мию и пошли́ наза́д. Вы́шли, гляди́м — Фу́кс пропа́л. Подождáли-подождáли — нет Фу́кса. Собрали́сь иди́ти разы́скивать, а тут он сам бежи́т навстрéчу и де́ржится за скулу́. Я посмотре́л — у него́ фона́рь ² во всю щёку.

¹ Саркофа́г — тяжёлая ка́менная или металличе́ская гробница.

² Фона́рь (разг., шу́тл.) — синя́к.

— Кто же это вас, Фукс? — спрашиваю я.

— Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! — захныкал Фукс.

— Да вы с ума сошли, Фукс! — говорю я. — Он же мёртвый, фараон-то.

— Как же, мёртвый! Живехонький, да ещё не один, их там целая рота, этих фараонов.

— Каких это фараонов, египетских?

— Зачем египетских? Английские. Вон шагают.

Тут я увидел отряд полицейских и понял, что Фукс прав. Действительно, фараоны самые настоящие: в касках, с дубинками...

ГЛАВА VIII,

в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии

Вернувшись на судно, я отчитал¹ Фукса:

— Чтобы у меня этого больше не было: никаких «на память»! Понятно?

Ну, Фукс раскаялся, обещал вести себя осмотрительнее. Синяк у него рассосался, и мы отправились вверх по Нилу.

Идём. Вот тут уж ничего не скажешь: Африка в лучшем виде. Куда ни посмотришь — лотосы, папирусы, по берегам гуляют робкие антилопы, порой попадаются даже львы. В воде фыркают бегемоты, тут же ленивые черепахи греются на солнце. Как в зоопарке.

Лом и Фукс, как маленькие дети, развлекаются, дразнят палками крокодилов, а я сохраняю полную серьёзность, веду судно, лавирую, высматриваю подходящую деревушку на берегу.

Этот рейс по Нилу я, молодой человек, как вы понимаете, предпринял не из праздного любопытства.

¹ Отчитал (отчитать) — отругал.

Первоначально план моего похода был таков: Атлантика, Панама, Тихий океан...

Из-за селёдок пришлось нарушить этот план, уклониться несколько в сторону, и теперь впереди у нас лежал трудный переход по Индийскому океану.

А там, в океане, знаете, ни магазинов, ни ларьков нет; кончатся запасы — и кладё зубы на полку...¹ И вот, как человек предусмотрительный и экономный, я решил перед этим трудным рейсом получше и подешевле снабдить экспедицию. Да-с.

Наконец вижу небольшое селение. Так, вроде чи-

¹ Кладё зубы на полку — то есть: голодаё.

стенко и народ привётливый. Подошёл к берегу, причалил и со всем экипажем отправился на базар.

Местное население встретило нас прекрасно. И цены на рынке оказались не слишком высокие, так что мы снабдились наилучшим образом: приобрели пару солёных слоновьих хоботов, ящик страусовых яиц, финики, саго, корицу, гвоздику. Погрузили всё это на яхту, я поднял отходный флаг, собираюсь в путь, но тут Лом докладывает рапортом, что Фукс опять пропал. Подождали — нет Фукса.

Ну, я было хотел без него уходить, но потом поразмыслил и пожалел. Парень он ничего! Жуликоват, правда, но зато старательный и добрый. А тут, в Египте, народ доверчивый, соблазны на каждом шагу, следовать за парнем некому. Ну и свихнётся, пропадёт, кончит каторгой... Словом, пошёл я его выручать. Иду, вдруг вижу — на краю деревни толпа, оттуда доносятся смех и вопли. Я заинтересовался, кликнул Лёма, прибавил шагу, подбегаю и вижу: Фукс мой в печальном положении. Свернулся комочком, зарыл голову в песок, прикрылся шляпой. А над ним, понимаете, страус. Щиплет его за мягкие места и лупит ногами, как футбольный мяч. Кругом зрители смотрят, аплодируют, точно в цирке, поощряют эту птицу, хохочут, кричат...

Ну, я, знаете, прикрикнул на страуса. Он испугался, сел тут же и тоже — голову в песок. Так и сидят рядом.

Тогда я взял Фукса за шиворот, поднял, встряхнул, поставил на ноги и допросил с пристрастием¹ о причине столь странного положения. И что же оказалось? Не подёйствовало моё внушение: опять согрешил малый. Видит — гуляет страус на свободе, ну, и, знаете, не стерпел: подкрался сзади, дернул у него перо из хвоста «на память»... А страус — даром что робкая птица, но тут вспылil.

¹ Допросил с пристрастием — здесь: допросил очень строго.

Фукс мне и перо́ показáл. Я хотёл было вернуть его́ стра́усу, но, зна́ете, не стал заде́рживаться, а гла́вное, ду́маю: во-пе́рвых, у стра́уса но́вое отрасте́т, а во-второ́ых, стра́ус сам с ним рассчита́лся — вы́рвал здоро́вый клок из штано́в.

Ну, обсу́дили э́тот слúчай, посмея́лись, коне́чно, распроща́лись с ме́стным населе́нием, верну́лись на су́дно, по́дняли паруса́ и пошли́ наза́д, вниз по Ни́лу. Спусти́лись споко́йне́нчко, не спеша́, вы́шли к мо́рю и вдоль бережка́ пошли́ на восто́к. Отту́да наш путь лежа́л в Кра́сное мо́ре, через Суэ́цкий кана́л.

В кана́л вошли́ у́тром. Там вообще́-то ло́цманы корабли́ прово́дят. Но я челове́к быва́лый. Суэ́цким кана́лом ходи́ть мне не вперво́й, я там ка́ждый ка́мушек зна́ю. Ну, и реши́л зря не тра́титься — поше́л без ло́цмана. Идём. Фукс на носу́ «впередсмотря́щим», я в руле́, а Лом подва́хтенным *: гото́вит на ка́мбузе * за́втрак. Он был ма́стером кули́нарного де́ла; друго́й раз тако́го настря́пает, что сыт по го́рло, а всё равно́ сяде́шь, отве́дае́шь. Вот и в тот раз. С утра́, зна́ете, Лом подвяза́л фа́ртук, засучи́л рукава́, затопи́л ка́мбуз... Я загляну́л к нему́ — куда́ там: и без того́ жара́, а у него́ прямо́ ку́зница на по́льном ходу́, ад кромешный. Ого́нь так и пы́шет, в кастрю́лях кипи́т, жарко́е румя́нится, а гла́вное — арома́т. Подли́вочки, со́усы — э́то у него́ был коро́нный но́мер¹. И тако́й за́пах поше́л над Суэ́цким кана́лом, что со всех сторо́н собрали́сь зве́ри — не закуси́ть, так хоть поню́хать. Стоя́т по берега́м, смóтрят на нас, обли́зываются. И, зна́ете, здо́рово получа́ется! Мы два де́ла де́лаем за́раз: во-пе́рвых, идём своим направле́нием, а во-второ́ых, в непосредственной бли́зости изуча́ем ме́стную фа́уну. А фа́уна там богате́йшая! Из Ара́вии пожа́ловали тигры, кабаны́, приползли́ вараны́, а с африка́нского бе́рега — львы, слоны́, носоро́ги. Жи́раф то́же пришёл из пусты́ни, проню́хал и любует́ся на́шим судены́шком. Не зна́ю уж, какие́ там возникли

¹ Коро́нный но́мер — здесь: лу́чше, вкусне́е всего́.

у него мысли, но только, судя по всему, он принял нашу яхту за плавучую закусокную. Свесил шею, как подъемный кран, идет за нами по берегу, слюнки пускает.

А тут Лом как раз закончил стряпню, накрыл стол на три персоны. Всё как полагается — тарелочки, вилочки, чистую скатерть постелил и выходит из камбуза с миской в руках. И представьте: жвачное заинтересовалось, лезет мордой прямо в миску. Лом на него кричит, ругается, а жираф — животное невоспитанное, убеждения на него не действуют: тянется к миске как ни в чём не бывало, зубы оскалил и уже об-

лѣзывается. И сдѣлать ничего нельзя: свернуть некуда, канал узкий, по берегу не пойдешь. Применить физические мѣры воздѣйствія — это руль нужно бросить, а тут мѣсто очень ответственное: рискованно. Фукс — тот увлѣкся изученіем фауны, не видит и не слышит ничего, а у Лóма руки заняты... тут одно спасеніе — ретирáда ¹.

— Отступáйте, Лом! — приказал я.

— Есть отступáть! — отвѣтил Лом и давай пятиться задом в каюту по трапу.

А у жирафа, знаете, какáя шея! А тут он её ещё вытянул и тоже за Лóмом в каюту. Лом забился в самый конец, и жираф не отстаёт. И вот слышу — Лом рапортует:

— Дошёл до мѣста!

Ну, я понял — дело дрянь, так и без завтрака останешься. Рискнул всё-таки: бросил на минуточку руль, захлопнул дверь, прищемил жирафу шею. И подействовало, знаете, лучше всяких внушеній: жираф упёрся всѣми четырьмя ногами, выдернул шею из кубрика, выпрямился во весь рост. Но, видимо, обиделось животное: оглянулось кругом, заржало и слопало флюгер *.

Ну, это ущерб небольшой: флюгерá у меня были запасные, а завтрак-то всё-таки спасли, как ни говорите. И жирафу, если разобратъся, не так уж обидно. Конечно, мы его, так сказать, в шею вытолкали, как непрошеного гóстя, но всё-таки не голодным ушёл. Он там привыкли в пустыне — камни и те с голодухи гложут, так что флюгер для него тоже, знаете, не так себе, а в некотором рóде деликатес ².

Да. Обсудили и этот поучительный слóчай, позавтракали с отменным аппетитом и пошли дальше.

К но́чи прошли Суэц, тут заштилели и простояли около двух суток. Да оно, знаете, и кстáти. Отдохнули, поправили парусá, рангоут *, обтянули такелаж,

¹ Ретирáда — отступленіе.

² Деликатес (франц.) — особó изысканное, дорогóе кушанье.

генеральную уборочку¹ произвели. А утром потянул ветерок. Мы подняли паруса и вышли в Красное море.

Сначала спокойно шли правым бакштагом*, а потом ветерок стал крепчать, и нас здорово потрепало. Налетел самый² из Сахары: Жарко, как в бане, духота страшная, зыбь, и Фукс, знаете, не выдержал, укачался. Он сначала крепился, не показывал виду, потом сразу как-то сдал. Даже до койки не дополз, улёгся тут же на палубе, на ящике с провизией, лежит, стонет, обмахивается страусовым пером. Жалко парня, однако ничем не поможешь. Морская болезнь — безопасный, но неизлечимый недуг.

А в остальном всё в порядке. Этот самый даже на руку нам: гонит «Беду» полным ходом. Идём хорошо. Так и меряем милью за мильей. Я посмотрел, проложил курс, оставил Лёма в руле, а сам пошёл вздремнуть в каюту. При моей комплектации в этих широтах лучше нести ночную вахту, а Лом — он и днём постоит, не растает. Да...

Ну, а к ночи жара несколько спала, мой старший помощник Лом отправился спать в каюту, а я встал в руль, веду судно.

Ночь в тех местах красива до чрезвычайности: вверх луна качается, как фонарь на цепочке; море горит голубым, таинственным светом. Как в сказке. Постойшь часок-другой, и ползёт в голову всякая чертовщина: разные там ковры-самолёты, драконы, привидения. Я это размечтался, вдруг слышу — Фукс невнятно бормочет что-то. Прислушался... Ого, тут, похоже, не морской болезнью, тут тропической лихорадкой пахнет! Слышу — бредит бедняга, шепчет:

— Христофор Бонифатьевич, крокодил.... Ещё крокодил. Ещё крокодил...

Ну, я закрепил руль, спустился в каюту, отпер ап-

¹ Генеральную уборочку; генеральная уборочка — особенно тщательная уборка.

² Самым — жаркий сухой ветер, несущий пыль, песок.

тэчку, достал порцію хіны, выхожу, а Фукс не унікається:

— Двадцать семь крокодилов, двадцать восемь крокодилов, тридцать крокодилов...

— Полно, Фукс, будет вам крокодилов считать! Сглотните-ка лучше, — говорю я.

И только шагнул, мне под ногу подвернулась какая-то гадина. Я попятился, поскользнулся, упал, хину рассыпал. Тут кто-то меня за палец цап! Ну, знаете, тут и я испугался, закричал. На крик выскочил Лом и только ступил на палубу, — слышу: тоже кричит.

А Фукс, как часы, считает:

— Сорок пять крокодилов... пятьдесят крокодилов...

Тут и испугаться недолго. Но я взял себя в руки, вскочил, чиркнул спичкой — и, поверите ли, вижу: действительно, полная палуба крокодилов. Крокодилычки мелкие, новорожденные и безопасные по существу, но всё-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уж не стал церемониться, взял швабру * и давай прямо за борт, в родную стихию.

А когда палуба несколько очистилась, я заинтересовался, откуда же это нашествие. И вижу — лезут из щели, из ящика. Ну, тогда я всё понял: нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодилы. А тут жарá, да ещё Фукс сверху улётся, высидел, вот они и ползли.

Установив причину чрезвычайного происшествия, я без труда избавился и от его последствий. Не стал даже ящик распаковывать. Провёл просто доску от той щели за борт — вроде мостика, и они полным ходом, как по конвейеру, один за одним так и лезли до самого Адена. А после уж, в Адене, вскрыли ящик, глядим — одни скорлупки остались... Да-с.

Устранив крокодилов и водворив порядок на судне, я несколько успокоился. Но ненадолго: судьба готовила мне новые испытания.

Мы шли вдоль берегов Эритреи. Лом спал в каюте, Фукс — на палубе. Ураган стих, всё предвещало спокойствие. Вдруг перед самым рассветом слышу где-то в море раздирающий душу крик.

— Все навёрх! Человек за бортом! — крикнул я. — Руль на борт, поворот оверштаг!

Экипаж мгновенно принимает необходимые меры: полетели в море спасательные средства — круги, шары, концы... и вот поднимают на борт потерпевшего.

Гляжу — унтер-офицер в мокром виде. Внешностью не блещет, однако отряхнулся, прокашлялся и взял под козырёк:

— Сержánt итальянской армии Джу́лико Бандитто к вашим услугам!

— Да какие уж тут услуги! — говорю я. — Скажите, дорогой мой, спасибо, что так обошлось, да расскажите, как вы сюда попали и что мне с вами делать.

— Прогуливаясь в нетрезвом виде, сдут ветром в море. Прошу вас, капитан, высадить меня в любом месте на итальянском берегу.

— Э, батенька, — говорю я, — далеко́нько же вас занесло! Италия-то вон где...

— Италия вездé, — перебил сержánt. — И здесь, — показывает направо, — Италия, и здесь, — показывает налево, — Италия.. Весь мир — Италия!

Ну, я спорить не стал. Думаю: «Хмель-то у него ещё не прошёл, так чего с пьяным человеком разговаривать?»

Опять же, пришлось принять во внимание, что в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над наро́дом и весь мир собирались к рукам прибрать. И достигли даже кое-чего: в Абиссинии, в Сомали, в Эритрее итальянский сапог в то время выше всего почитался. И невдомёк было этим джу́ликам и бандитам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесёт, что так, вверх сапогами, его и повесят...

Ну, а тогда ходил он ещё вверх головой и чужую землю топтал так же вот, как теперь янки Италию топчут. Да-с.

В общем, я возражать не стал. Думаю: «Разделаюсь поскорее с таким гостем, и то хорошо».

— Ладно, — говорю, — Италия так Италия. Куда вас поточнее-то? Сюда или туда?

— А вон, — говорит, — туда, к тем скалам, прошу вас.

Ну, я, ничего не подозревая, причаливаю к скали́стому берегу, подаю сходню. Тут мой сержánt опять берёт под козырёк:

— Благодарю вас, господин капитан. А теперь потрудитесь сойти с судна.

— Полноте, батенька, некогда мне, да и не к чему. Идите уж...

— Ах, так? — говорит он, достаёт свисток, и вдруг, понимаете, из-за скал налетает рота головорезов. Щёлк-щёлк! — и, гляжу, весь мой экипаж в наручниках, и я в том числе.

Схватили и повели по сильно пересечённой местности. Кругом скалы, горы, бесплодная почва... Ну, привели в лагерь, доложили. Мы стоим, ждём.

Наконец выходит полковник с тарелкой в руках; стоит, уплетает макароны.

— Ага, — говорит, — вторглись на итальянскую территорию. Всё ясно: судно конфисковать, людей поставить на полевые работы, о дальнейшем запросить Рим.

Ну, и погнали нас на работу. За день мы намучились, проголодались. Хорошо ещё, Фукс запустил руку в торбу к мулу, извлёк горсть овса — только и поели.

А к ночи приходит сержант Джулико. Пожалел всё-таки, отблагодарил за спасение: принёс тарелку макарон из своего пайка.

Неприятно принимать такие подачки, но голод, как говорится, не тётка. Я разделил макароны побратски, отведал. Лом — тот отсутствием аппетита никогда не страдал — набросился, а Фукс, смотрю, чванится: понюхал и нос воротит.

— Разве это макароны? — говорит он. — Это же скверная подделка. Ай, господин сержант, у вас здесь такой благодатный климат, а вы всякую дрянь едите и кукурузу сеете! Да здесь можно такую макаронную плантацию развести, что на всю Италию хватит! Вы доложите полковнику: я, если угодно, сделаю опытную посадочку. У меня и рассада есть — на судне осталась.

Я глаза вытаращил: до чего же врёт парень!

А Джулико ётот ўши развёсил и действительно побе-
жал докладывать. И что бы вы думали: отдали нас в
распоряжение Фукса, отвели ему участок, принесли с
«Беды» макарóны, кругом поставили караул. Сам
полковник пришёл.

— Сажайте, — говорит, — но смотрите: обмане-
те — шкуру спущу!

Я вижу — ётот действительно спустит, ну и решил
предостеречь Фукса.

— Бросьте вы ёто дело, — шепчу я, — ведь ниче-
го не выйдет, кроме неприятностей...

А он только рукой махнул:

— Будьте покойны, Христофор Бонифатьевич.
Только тихо!

И вот, понимаете, раскопали мы, не торопясь, гряд-
ки. Фукс на виду у всех наломал макарóны, посадил,

поливает. И представьте, через три дня взошли! Сперва этакие зелёные росточки, потом листочки...

Фукс ходит, окучивает, рассказывает итальянцам:

— Это вам не какая-нибудь дешёвая подделка, это натуральный продукт! Вот вырастут повыше, станут в рост человека, тогда вы их косите, листья обламываете на корм скоту, а стебли бросаете прямо в кастрюлю и получаете превосходное кушанье.

И поверили итальянцы. Да и я, признаться, поверил. Убедительно. Растут ведь. Факт! И вот этот полковник спрашивает:

— Нельзя ли засеять всё поле?

— Нет, почему же, можно, пожалуйста, — говорит Фукс, — только семенного материала маловато. А если ваши сеять, их надо спиртом поливать, иначе не взойдут.

— Ну что ж, мой молодцы польют, — говорит полковник и распорядился.

На другой день выкатили цистерну спирта, высыпали все макароны, что были, соорудили цепи, обмолотили, засеяли и пошли поливать. Но только, знаете, на поле немного попало, всё больше в рот солдатам. Вечером и полковник прибыл, тоже пригубил, и такое пошло веселье по всему лагерю: песни, шум, драки начались. А к ночи вошла луна, лагерь утих, только храп слышен по полю. А мы скорее на берег, на «Беду». Подняли паруса и пошли.

— Ну, — говорю, — Фукс, вам бы агрономом быть, а не матросом! Как это вы достигли такого совершенства? Ведь это чудо, чтобы макароны проросли.

— Никакого чуда, Христофор Бонифатьевич, просто ловкость рук, — отвечает Фукс. — У меня горсточка овса осталась в кармане, а с овсом не то что макароны — окурки и те взойдут.

Вот оно как. В общем, благополучно ускользнули. Ну, а на другой день я обогнул мыс Гвардафуй и пошёл прямо на юг.

ГЛАВА IX

О старых обычаях и полярных льдах

Океан встретил нас ровным пассатом. Идём день, друго́й. Вла́жный ве́тер не́сколько умеряет жару́, одна́ко про́чие при́знаки ука́зывают на пребыва́ние в тропи́ческой зо́не. Си́нее не́бо, со́лнце в зените, а гла́вное — лету́чие ры́бы. Замеча́тельно краси́вые ры́бки! Порха́ют над водо́й, как стреко́зы, и дразнят ду́шу ста́рого моря́ка. Неда́ром, зна́ете, лету́чая ры́ба — си́мвол океа́нского простора́.

Вот э́ти ры́бки, будь они́ нела́дны, воскресили во мне воспомина́ния ю́ности, пе́рвое пла́вание... Эква́тор...

Эква́тор, как вам изве́стно, ли́ния вообража́емая, одна́ко вполне́ опреде́ленная. Перехо́д её с да́вних пор сопровожда́ется небольшо́м самоде́ятельным спектаќлем на кора́бле: я́кобы морско́й бог Непту́н явля́ется на су́дно и по́сле непродолжи́тельной бесе́ды с капита́ном тут же, на па́лубе, купа́ет моря́ков, впе́рвые посе́тивших его́ владения́.

Я реши́л тря́хну́ть стари́ной и возроди́ть э́тот ста́рый обы́чай. Тем бо́лее, декора́ции несло́жные, костю́мы то́же — с э́той сторо́ны поста́новка тру́дностей не представля́ет. Но вот с актёрским соста́вом про́сто за́ррез. Я, зна́ете, еди́нственный быва́лый моря́к на су́дне, я же и капита́н, и во́лей-нево́лей мне же приходи́тся изобража́ть Непту́на.

Но я нашёл вы́ход: с утра́ приказа́л вы́ставить бо́чку с водо́й, зате́м сказа́лся больны́м и впло́ть до выздоровле́ния по всем пра́вилам сдал Ло́му кома́ндование су́дном. Лом вы́разил мне соболе́знование, одна́ко с удово́льствием заломил фура́жку на капита́нский мане́р и приказа́л Фу́ксу чи́стить ме́дные ча́сти.

А я за́перся в каю́те и занялся подгото́вкой: сде́лал бо́роду из шва́бры, сооруди́л трезу́бец, коро́ну, а

сзѣди прицепѣл хвост наподобіе рѣбьего. И дѣлжен без хвастовствѣ сказѣть: получилосѣ отличнѣ. Я, знѣете, посмотрѣл в зѣркало: ну, куда там — Нептѣн, да и тѣлько. Как живѣй!

И вот, когдѣ, по моѣм расчѣтам, «Бедѣ» пересеклѣ эквѣтор, я в пѣлном облачѣнии поднѣлся на пѣлубу...

Результѣт получилсѣ необычѣйный, но нѣсколько неожѣданный. Отсѣтствие предварѣтельной прорабѣтки спектѣкля и незнѣние стѣрых морскѣх обычаев напѣравили воображѣние моего экипѣжа в нежелѣтельную для менѣ стѣрону.

Я вѣшел.

Мой стѣрший помѣщник Лом гѣрдо стоял у штурвѣла, прѣстально вглядывѣясь в горизѣнт. Фукс, обливѣясь пѣтом, усѣрдно «дрѣил медѣшку»*. Летѣчие рѣбы по-прѣжнему порхѣли над волнѣми.

Спокѣйствие царѣло на пѣлубе кораблѣ, и мой вѣход в пѣрвый момѣнт остѣлся незамѣченным.

Ну, я рѣшил обратѣть на себѣ внимѣние: грѣзно стѣкнул трезѣбцем и зарычѣл. Тут ѣба онѣ встрепенѣлись и зѣмерли от изумлѣния. Наконѣц придѣя в себѣ, Лом нерѣшѣтельно шагнѣл мне навстрѣчу и смущѣнным гѣлосом произнѣс:

— Что с вѣми, Христофѣр Бонифѣтьевич?

Я ждал ѣтого вопрѣса и зарѣнее подготѣвил отвѣт в стихотвѣрной фѣрме:

Я Нептѣн — морскѣе чѣдо,
Мне подвлѣстна вся водѣ,
Рѣбы, вѣтры и судѣ.
Рапортѣйте мне: откѣда
И куда идѣт «Бедѣ»?

Тут лицѣ Лѣма вѣразило мгновѣнный испѣг, котѣрый затѣм перѣшел в отчѣянную рѣшѣмость. Лом брѣсѣлся, как леопѣрд, схватѣл менѣ своѣми рѣчѣщами и потѣщѣл к бѣчке.

— Поддержáть капитáна зá ноги! — скомáндовал он на ходу.

А когдá Фукс вы́полнил приказáние, Лом добавил нéсколько спокойнее:

— Старикá хватíл со́лнечный удар, необходимо освежить ему́ гóлову.

Я прóбовал отбивáться, прóбовал убеждáть их, что, соглáсно века́ми устанóвленным обы́чаям, не мне, а им слéдует купáться по слúчаю прохождéния эквáтора, но они́ не слúшали. И вот, понима́ете, приволокли́ меня́ к бóчке и приня́лись окуна́ть в во́ду.

Корóна моя́ размóкла, трезубец упáл. Положе́ние прискóрбное и почти́ безвы́ходное, но я собрáлся с

последними силами и в момент между двумя погружениями бодро командовал:

— Отставить макать капитана!

И, представьте себе, подействовало.

— Есть отставить макать капитана! — гаркнул Лом, вытянув руки по швам.

Я ухнул в воду... Одни ноги торчат. Мог бы и захлебнуться, да, хорошо, Фукс догадался: завалил бочку набок, вода вылилась, а я застрял. Сижу, как рак-отшельник, не могу отдышаться. Ну, потом оправился и вылез, тоже этак, рачьим манером, кормой вперед.

Вы сами понимаете, какой ущерб моему авторитету нанесло это событие. А тут ещё, как назло, мы потеряли пассат. Наступил мёртвый штиль, и безделье воцарилось на судне. И вот, знаете, как утро, Лом с Фуксом устраиваются на палубе, ноги под себя, потурецки, карты в руки и дуются¹ без отдыха.

Я посмотрел день, посмотрел другой и прекратил это дело. Я вообще-то противник азартных игр, а тут тем более, поскольку это увлечение угрожало срывом дисциплины. Ведь вы учтите: Фукс жульничает, каждый кон оставляет Лома дураком, да ещё подкидным! Какое уж тут уважение!

А с другой стороны, просто так запретить игру — умрут со скуки. А по мне, пусть уж лучше помощник дурак, чем покойник.

Тогда я предложил им шахматы. Это, как-никак, игра мудрецов, изоцряет ум, развивает стратегические способности. К тому же спокойный характер этой игры позволяет обставить её по-семейному.

И вот мы водрузили на палубе стол, вытащили самовар, над головой растянули тент² из паруса и в такой обстановке, за чашкой чая, с утра до ночи предавались бескровным поединкам.

Вот так однажды мы с Ломом засели с утра до

¹ Дуются (дуться) — здесь: играют увлечённо, с азартом.

² Тент — навес для защиты от солнечных лучей или дождя.

игрывать незаконченную партию. Жарá стояла убийственная, и Фукс, свободный от игры, полéz купаться.

Король Лóма беспомощно жался к уголку. Я ужé предвкушал сладость заслуженной победы, вдруг резкий крик за бортом нарушил ход моих мыслей. Взглянул — вижу, над водо́й шляпа Фúкса. (Он купался в головном уборе, опасаясь солнечного удара.) Отчаянно вопя, Фукс бьёт по воде руками и ногами, поднимает тучи брызг и со всей скоростью, которую позволяли развивать его ходовые качества, приближается к «Бедé». А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользит над водо́й спинной плавник огромной акулы.

Настигнув несчастного, акула перевернулась на спину, открыла свою страшную пасть, и я понял, что Фúксу пришёл конец. Не отдавая отчёта в своих действиях, я схватил со стола первое, что подвернулось под руку, и изо всей силы швырнул в морду морского хищника.

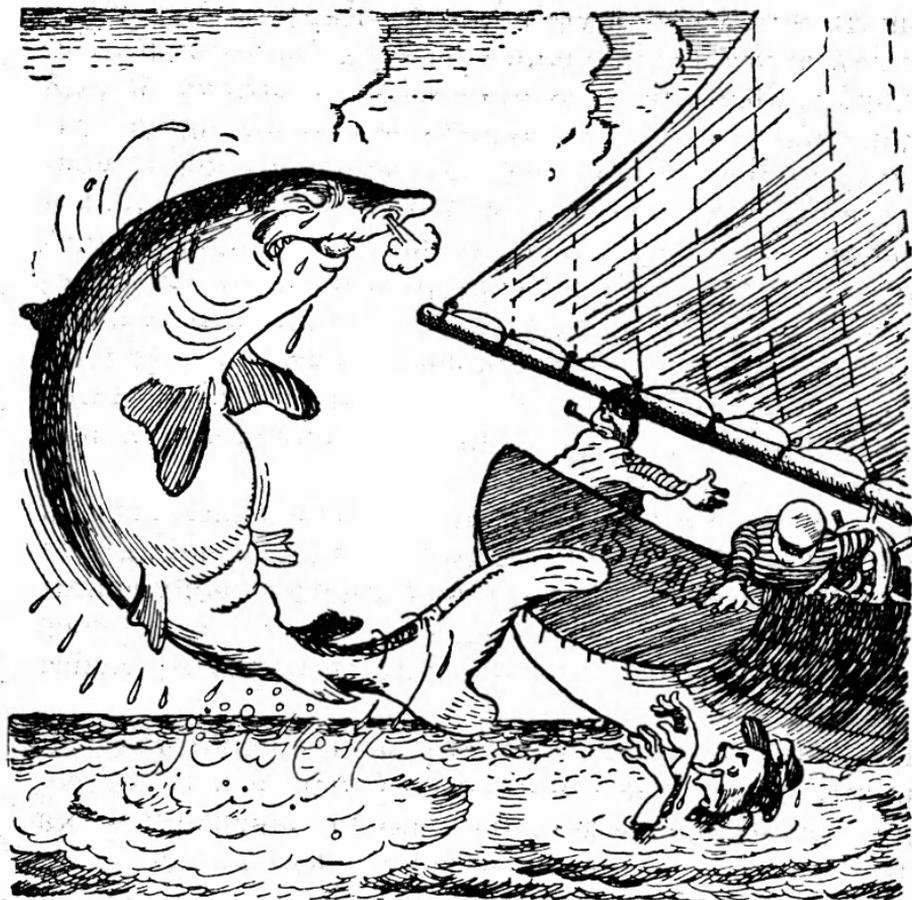
Результат получился разительный и необычайный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула заverteлась на месте. Она выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая челюсти, сквозь зубы отплывалась во все стороны.

Фукс тем временем благополучно добрался до судна, вскарабкался на борт и в изнеможении подсел к столу. Он пытался что-то сказать, но от волнения глотка его пересохла, и я поспешил налить ему чаю.

— Вам с лимонном? — спрашиваю. Протянул руку к блюдцу, а там нет ничего.

Тогда я всё понял. В минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку и решил участь Фúкса. Акулы, знаете, непривычны к кислому. Да что там акулы, вы сами, молодой человек, попробуйте лимон целиком — так скулы сведёт, что и рта не откроете.

Пришлось запретить купание. Запас лимоннов у

нас, правда, ещё сохранился, но ведь нельзя же рассчитывать, что всегда попадёшь так удачно. Да-с. Устроили душ на палубе, обливали друг друга из ведра, но ведь это всё полумеры, и жара замучила нас совершенно. Я даже несколько похудёл, и не знаю, чем бы всё кончилось, если бы в одно прекрасное утро не потянул наконец ветерок.

Изнурённый бездельем экипаж проявил необычную энергию. Мы мгновенно поставили паруса, и «Бедá», набирая ход, пошла дальше, на юг.

Вас, может быть, удивит взятое мною направление? Не удивляйтесь, взгляните на глобус: идти вокруг света вдоль экватора долго и трудно. Многих

мѣсяцев пути требует такой поход. У полюса же вы легко можете хоть пять раз в день обойти земную ось кругом, тем более что и дни там, на полюсе, бывають до шести мѣсяцев продолжительностью.

Вот мы и стремились к полюсу и с каждым днём спускались всё ниже. Прошли умеренные широты, приблизились к Полярному кругу. Тут уж, знаете, холодок даёт себя чувствовать. И море не то: вода серая, туманы, низкая облачность. На вахту выходишь в шубе, уши мёрзнут, на снастях сосульки.

Однако мы и не думали об отступлении. Напротив, пользуясь попутными ветрами, мы с каждым днём спускались всё ниже и ниже. Лёгкая зыбь не причиняла нам беспокойства, экипаж чувствовал себя отлично, и я с нетерпением ждал того момента, когда на горизонте откроется ледяной барьер загадочной Антарктики.

И вот однажды Фукс, обладавший орлиным зрением, неожиданно воскликнул:

— Земля на носу!

Я было подумал, у меня или у Лёма нос не в порядке. Провёл даже ладонью, утёрся. Нет, всё чисто.

А Фукс опять кричит:

— Земля на носу!

— Может, по носу земля? — говорю я. — Так вы, Фукс, так бы и говорили. Пора привикнуть. Но только не вижу я вашей земли...

— Так точно, по носу земля, — поправился Фукс. — Вон там, видите?

— Не вижу, признаться, — сказал я.

Но прошло ещё с полчаса — и что бы вы думали? Точно. Тут уж и я заметил тёмную полосу на горизонте, и Лом заметил. Действительно, похоже на землю.

— Молодец, Фукс, — говорю я, а сам беру бинокль, приглядёлся и вижу — ошибка! Не земля, а лёд. Огромный айсберг столовидной формы.

Ну, я взял курс прямо на него, и два часа спустя,

сверкая тысячами огней в лучах незаходящего солнца, айсберг встал у нас перед носом.

Точно стены хрустального замка, возвышались над морем голубые уступы. Холодом и мертвенным спокойствием веяло от ледяной горы. Зелёные волны с рокотом разбивались у её подножия. Нежные облака цеплялись за вершину.

Я немного художник в душе. Величественные картины природы волнуют меня до чрезвычайности. Скрестив руки на груди, я застыл от изумления, созерцая ледяную громаду.

И вот, откуда ни возьмись, тощий тюлень высунул из воды свою глупую морду, бесцеремонно вскарабкался по склону, развалился на льду и давай, понимаете, чесать бока!

— Пошёл вон, дурак! — крикнул я.

Думал — уйдёт, а он хоть бы что. Чешется, сопит, нарушает торжественную красоту картины.

Тут я не выдержал и совершил непростительный поступок, результатом которого едва не явилось бесславное окончание нашего похода.

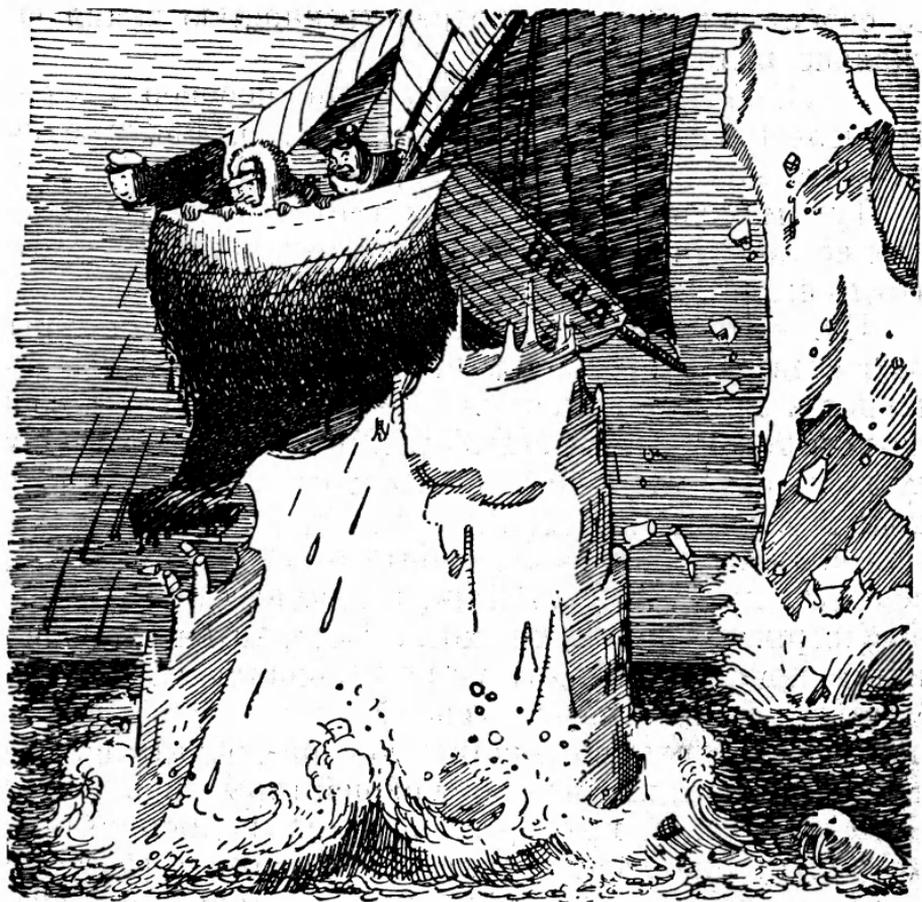
— Подать ружьё! — говорю я.

Фукс юркнул в каюту, вынес винтовку. Я прицелился... Бац!

И вдруг гора, казавшаяся незыблемой твердыней, со страшным грохотом раскололась пополам, море закипело под нами, осколки льда загремели по палубе. Айсберг перевернулся, подхватил «Беду», и мы чудесным образом оказались на самой верхушке ледяной горы.

Ну, потом стихии несколько успокоились. Успокоился и я, осмотрелся. Вижу — положение неважное: яхта застряла среди неровностей льда, села так, что и не сдвинешь, кругом неприветливый серый океан, а внизу, у подножия ледяной горы, болтается всё тот же тюлень-негодяй, смотрит на нас, ухмыляется самым наглым образом.

Экипаж, несколько смущённый всей этой истори-

ей, молчит. Ждёт, видимо, объяснений непонятного явления. И я решил блеснуть запасом познаний и тут же на льду провёл небольшую лекцию.

Ну, объяснил, что айсберг вообще опасный сосед для корабля, особенно в летнюю пору. Подтаёт подводная часть, нарушится равновесие, переместится центр тяжести, — и вся эта громадина держится, так сказать, на честном слове. И тут не то что выстрела, тут громкого кашля бывает достаточно, чтобы разрушилось всё это природное сооружение. И ничего удивительного нет, если айсберг переворачивается... Да.

Ну, экипаж выслушал с должным вниманием мой объяснения. Фукс промолчал из скромности, а Лом

со свойственной ему непосредственностью задал несколько неделикатный вопрос.

— Ладно, — говорит, — как он перевернулся — это дело прошлое, а вы, Христофор Бонифатьевич, скажите, как его назад переворачивать?

Тут, молодой человек, действительно подумал: как её переворачивать, такую громадину? А делать что-то надо. Не век же сидеть на льду!

Ну, я погрузился в размышления, стал обдумывать создавшееся положение, а Лом тем временем подошёл к делу несколько несерьёзно: переоценил свои силы и решил самостоятельно спустить яхту на воду. Взял, понимаете, топор, размахнулся и отколёл глыбу тонн в двести.

Он, видимо, хотел подрубить таким образом нашу ледяную подставку. Намёрение весьма похвальное, но совершенно необоснованное. Недостаточные познания в области точных наук не позволили Лому предугадать результаты его усилий.

А результаты получились как раз обратные. Как только глыбы отделились от нашей горы, гора, понятно, стала легче, приобрела некоторый дополнительный запас плавучести, всплыла. Словом, к тому времени, когда я выработал план действий, верхушка айсберга вместе с яхтой благодаря усилиям Лома поднялась ещё футов на сорок.

Тут Лом опомнился, раскаялся в своём легкомысленном поведении и со всем рвением, на которое был способен, принялся выполнять мои приказания.

А мой план был проще простого: мы поставили паруса, натянули шкоты * и вместе с айсбергом полным ходом пошли назад, на север, поближе к тропикам. И тюлень с нами отправился.

И вот, знаете, недели не прошло, наша ледышка стала таять, уменьшаться в размерах, потом в одно прекрасное утро хрустнула, сделала вторичный переворот, и «Бедя», как со стапеля *, мягко стала на воду. А тюлень, понимаете, оказался наверху, но не удер-

жа́лся, поскользну́лся и плюх мешко́м к нам на па́лубу! Я схвати́л его́ за шиво́рот, вы́сек ремне́м и отпусти́л. Пусть пла́вает.

А Лом тем вре́менем сде́лал поворо́т, «Беда́» сно́ва легла́ на курс «зю́йд», и мы второ́ично напра́вились к по́люсу.

ГЛАВА X,

в кото́рой чита́тель знако́мится с адмира́лом Куса́ки, а экипа́ж «Беда́» — с му́ками го́лода

Сно́ва се́рые облака́, туманы́, сно́ва шу́бы пришло́сь надеть...

И вот одна́жды в морозную погóду мы иде́м не спеша́. Вдруг как у́хнет! Взрыв не взрыв, гром не гром — не поймёшь.

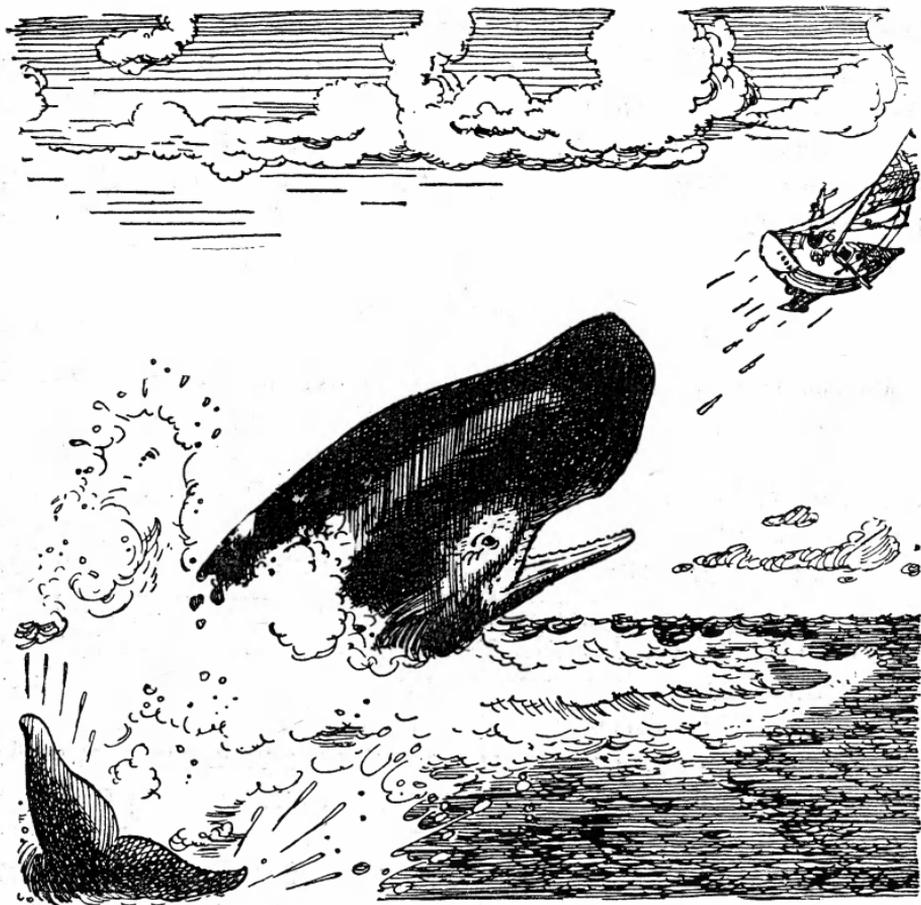
Подожда́ли, прислу́шались — тишина́, пото́м сно́ва: баба́х! И о́пять тишина́.

Я заинтересо́вался, заме́тил направле́ние и пове́л «Беда́» навстре́чу зага́дочному явле́нию.

И вот ви́дим: на горизóнте — подо́бие плаву́чей горы́. Подхо́дим. Нет, не гора́, прóсто о́блако тумана́. Вдруг из середи́ны его́ вздыма́ется столб воды́, фонтаном па́дает в мо́ре, при э́том глухо́й раска́т сно́ва разно́сится по океа́ну и сотряса́ет «Беда́» от кя́ля до клóтика *.

Страшно́ва́то ста́ло, но любопы́тство и стремле́ние обогати́ть нау́ку разга́дкой непоня́тного явле́ния победя́ли во мне чу́вство осто́рожности. Я встал в руль и вве́л судно́ в туман. Иду́, смотрю́ — сосу́льки с борто́в начина́ют па́дать, да и так заме́тно знача́тельное потепле́ние. Су́нул ру́ку за борт — вода́ то́лько что не кипи́т. А перед но́сом в тумане вырисóбывается не́что о́громное, вроде сундука́, и вдруг э́тот сунду́к: апхя́!

Ну, тогда́ я всё по́нял: кашало́т, понима́ете, заше́л из Ти́хого океа́на, простудя́лся во льдах Ю́жного по́-

люса, подхватил грипп, лежит тут и чихает. А раз так, неудивительно и нагревание воды: заболевания простудного характера обычно сопровождаются повышенной температурой.

Можно бы загарпунить этого кашалота, но неудобно пользоваться болезненным состоянием животного. Не в моих это принципах. Напротив, я взял на лопату хорошую порцию аспирина, нацелился, и, только хотел сунуть ему в пасть, вдруг, понимаете, налетел ветерок, подкатила волна. Ну и, знаете, промахнулся, не попал. Аспирин рассыпался и вместо рта да в дышло — в ноздри, так сказать.

Кашалот вздохнул, замер на секунду, зажмурил

глаза́ — и вдруг опять как чихнёт, да прямо на нас! Ну уж чихнул так чихнул! Яхта взвилась под самые облака́, потом пошла на снижение, перешла в штопор, и вдруг... хлоп!

От удара я потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — «Беда» лежит на боку́ на палубе огромного корабля́. Фукс запутался в снастях. Лом — тот и вообще вывалился от толчка́ и сидит тут же рядом, в несколько неудобной позе. А навстречу нам под защитой дальнобойных орудий шествует важной походкой небольшая группа господ, в чинах, судя по мундирам, не ниже адмиральских.

Я представился. Он, со своей стороны, объяснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания. И тут же на палубе učinили мне вопрос: кто, откуда, какие цели преследует мой поход, не встречал ли я китообразных, а если встречал, какие меры принял для защиты их от вымирания.

Ну, я рассказав своими словами: так, мол, и так, поход спортивный, кругосветный, встретил одного кашалота в болезненном состоянии и оказал посильную помощь, предписанную в таких случаях медициной.

Он выслушали, пошептались, поставили у яхты конвой и удалились на совещание. И мы сидим, ждём. тоже совещаемся.

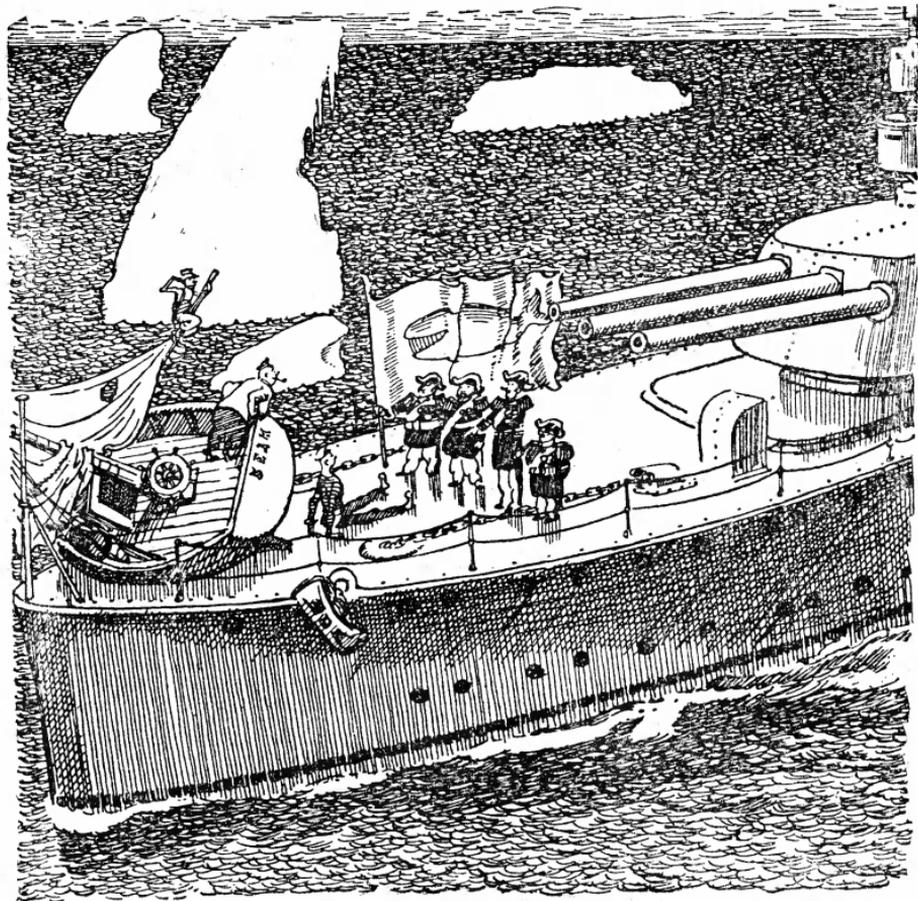
— Вынесут благодарность. Может, медаль дадут, — говорит Лом.

— Что медаль! — возражает Фукс. — По мне, лучше что-нибудь деньгами...

Ну, а я воздержался, промолчал.

Час так прошёл, два, три. Скучно стало. Я отправился туда, на совещание.пустили. Я сел в уголок и слушаю. А у них уже прения идут. Как раз, знаете, взял слово представитель одной восточной державы, адмирал Кусаки.

— Наша общая цель, — сказал он, — охрана ки-

тообразных от вымирания. Какие же средства есть у нас для достижения этой благородной цели? Вы все прекрасно знаете, господá, что единственным действительным средством является уничтожение китообразных, ибо с уничтожением их некому будет и вымирать. Теперь разберём случай, ставший предметом нашего обсуждения: капитан Врунгель, вопрос о котором стоит на повестке дня, как он сам признаёт, имел полную возможность уничтожить встреченного им кашалота. А что сделал этот жестокий человек? Он позорно отстранился от выполнения своего высокого долга и предоставил бедному животному вымирать сколько ему заблагорассудится! Можем ли мы

закрѣть глаза́ на тако́е преступлѣние? Мо́жем ли мы прой́ти ми́мо тако́го вопи́ющего ф́акта? Нет, господá, мы не мо́жем. Мы должнѣ наказáть престу́пника. Мы должнѣ отобрáть его́ сѹдно и передáть мо́им соотѣчественникам, котóрые чѣстно выполня́ют зада́чи на́шего комитѣта...

Тут переби́л его́ представите́ль друго́й держа́вы, запа́дной, вот то́лько фами́лию забы́л, — Гра́бентруп, ка́жется.

— Всѣ пра́вильно, — говорѣт он, — наказáть ну́жно, но то́лько господѣн адмирáл забы́л са́мое существе́нное: кашалóт, в отлѣчие от прóчих китообра́зных, облада́ет че́репом удлинѣнного стро́ения. Таки́м о́бразом, оскорби́в кашалóта, э́тот Вру́нгель оскорби́л всю ари́йскую ра́су. Так что же вы ду́маете, господá, ари́йцы потѣрпят э́то?

Ну, я уж и слѹшать да́льше не стал, ви́жу и так: попа́ли из огня́ да в по́лымя¹. Улизну́л тихо́нько, пошѣл к сво́им, доложи́л о результа́тах развѣдки. И гляжу́ — приуны́л мой экипа́ж. Сидя́т гру́стные, ждѹт решѣния ѹчасти.

Цѣлы́й день китолюби́вые адмирáлы спо́рили. Наконѣ́ц по́здно ве́чером ви́несли резолю́цию. Мы пригото́вились к са́мому хѹдшему и мы́сленно ужѣ распрощáлись с «Бедо́й», но опасѣния на́ши оказа́лись нѣсколько преждевре́менными. Решѣние ви́несли неопределѣ́нное: «Для изучѣ́ния вопро́са создáть специа́льную коми́ссию, а я́хту «Бедá» с экипа́жем вре́менно водвори́ть на одно́м из близлежа́щих необита́емых остро́вов».

Я, понятнó, заявѣл протѣ́ст, да что то́лку? Меня́ и не спросѣли. Подцепѣли кра́ном «Беду́», отпусти́ли на ска́лы; нас то́же вы́садили, по́дняли фла́ги, погудѣли и пошли́. Я ви́жу — дѣлать нѣчего. Прихо́дится подчиня́ться гру́бой си́ле и устраи́ваться по-береговóму,

¹ Попа́сть из огня́ да в по́лымя — ру́сская пословица, означа́ет: пыта́ясь найти́ вы́ход из трѹдного положѣ́ния, попа́сть в ещѣ бо́лее трѹдное.

с учётом создавшегося положения. А положение, надо вам сказать, отвратительное: яхта лежит на самом краю утёса, мачта торчит над морем, унылый прибой плещет у подножия скалы.

Ну, мы снарядились и пошли обследовать наш островок. Ходили, ходили — ничего хорошего не нашли. Всюду холодно, неудобно, одни скалы кругом.

Единственно с чем хорошо, так это с топливом. Уж не знаю откуда, только нанесло на этот островок обломков погибших кораблей.

А с другой стороны, нам и топливо ни к чему. Запасы у нас на исходе, кругом ни флоры, ни фауны, а камнями, сколько их ни вари, всё равно сыт не будешь.

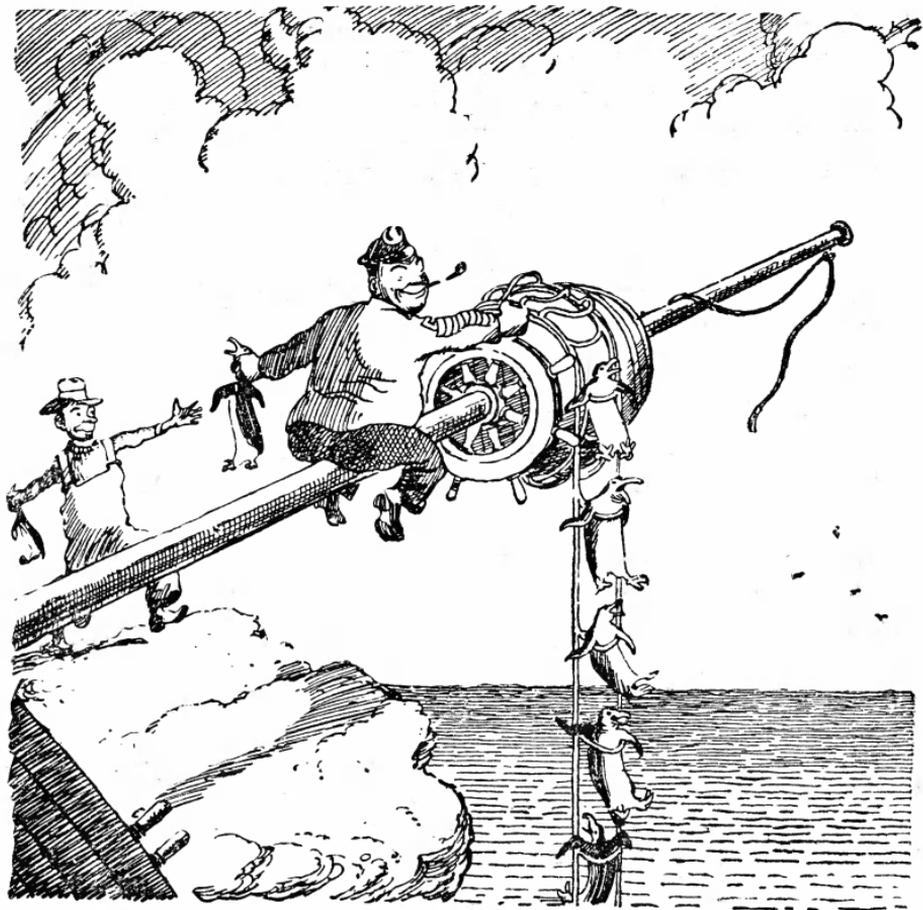
«Аппетит, — говорят, — приходит во время еды». Возможно. Но у меня в этом отношении несколько необычный организм. Когда голоден, только тогда и ощущаю присутствие аппетита.

В целях борьбы с этой ненормальностью я подтянул кушак потуже, терплю. Лом и Фукс тоже на голод жалуются. Пробовали рыбу ловить — не клюёт. Лом вспомнил, что в старину в таких случаях борщ из подмёток варили, достал штормовые сапоги, два дня варил — никакого результата. Да и понятно, знаете: в былые-то времена сапоги из волчьей кожи делали, а у нас вся штормовая одежда из синтетического каучука. Конечно, в дождь, в сырую погоду оно удобнее — не промокает, а что касается кулинарных качеств такой обуви, прямо нужно сказать: ни вкуса у неё, ни питательности.

Ну и, понятно, скучновато стало. Ходим мы вокруг нашей яхты, смотрим на горизонт и друг на друга поглядываем. Призрак голодной смерти встаёт перед нами. По ночам преследуют кошмары...

И вот однажды смотрю — подходит к нашему островку льдина. А на льдине пингвины. Выстроились в одну шеренгу, как на смотрю, кланяются.

Я тоже поклонился. А сам думаю: как бы с вами,

господá пингвины, познакомьтесь поближе? Бóрег тут круто́й, не спустишься, а пингвины, как их ни мани́, са́ми не прилетя́т. Кры́лья-то у них бутафо́рские, так, бо́льше для фо́рмы. А с друго́й сторо́ны, и упусти́ть жа́лко: пти́чки жи́рные, упита́нные, так и про́сятся на жарко́е.

Вста́ли мы на краю́ утёса и смо́трим на них с вожде́нием. Льди́на э́та уткну́лась в наш о́стров, пра́мо под ма́чтой. Пингви́ны загалде́ли, то́пают нога́ми, ма́шут кры́льями, то́же смо́трят на нас.

И вот, зна́ете, я поразмы́слил немно́жко, сде́лал необходи́мые расче́ты в уме́ и реши́л сооруди́ть э́такую маши́ну — пингви́ноподъёмник, что ли.

Ну, взяли пустую бочку, прибили к ней запасный штурвал, продолбили дырку в дне, насадили на мачту, а сверху перекинули штормтрапы, связанные бесконечной лентой. Опробовал я это сооружение на холостом ходу. Вижу — должно работать. Вот только приманки нет. Кто их знает, чем эти птички интересуются... Спустил ботинок — ноль внимания. Спустил зеркало — результат тот же. Шарф, мясорубку пробовали — ничего не помогает.

И тут меня осенило.

Я вспомнил — висит у нас в каюте картинка «Разварной судак под польским соусом». Это мне один художник подарил. Очень натуральное изображение. И вот, знаете, спустил я эту картинку на шнурке. Пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины. Передний сунул голову в трап, тянется дальше — к судаку. Только просунул плавники, я крутанул бочку... Один есть!

И так-то славно дело пошло! Я сижу на мачте верхом, кручу бочку одной рукой, другой снимаю с конвейера готовую продукцию, передаю Фуксу, тот Лому, а Лом считает, записывает и выпускает на берег. Часа за три весь остров заселили.

Да. Ну закончили пингинозаготовку, и совсем другому жизнь пошла. Пингвины бродят по скалам, кругом птичий гомон, суета... Шумно, весело... Лом оживился, подвязал фартук, собрался стряпать. Первого пингвина зажарили на вертеле, и мы тут же, стоя, отведали, заморили червячка¹. Потом стали помогать Лому, натаскали дров целую гору. Он отобрал что посуше, развел костёр. Ну, доложу вам, и костёр! Дым столбом, как из вулкана, скалы раскались, только не светятся. Тут на вершине острова был небольшой ледничок, так он от жары растаял, понимаете, разогрелся — получилось этакое кипящее озеро. Ну, я решил воспользоваться и устроить бань-

¹ Заморили червячка — поели немного, чтобы заглушить голод.

ку. Сперва постирали, развесили одежду для просушки, а сами сидим паримся. И тут я недосмотрел. Не следовало бы особенно увлекаться. Антарктика, как-никак. Погода там неустойчивая, нужно бы учесть это, а я пренебрег, сам ещё дровишек подкинул. Я люблю, знаете, баньку погорячее. Тут вскоре и результат последовал.

Скалы горячие, не ступишь. Жар пошёл кверху, гудит, как в трубе. И, понятно, нарушилось равновесие воздушных масс. Со всех сторон налетели холодные атмосферные течения, нагнало тучи, хлынуло. Вдруг как грянет!

ГЛАВА XI,

в которой Врунгель расстаётся со своим кораблём и со своим старшим помощником

Оглушённый и ослеплённый, я не сразу пришёл в себя. Потом очнулся, смотрю — пол-острова вместе с яхтой как не бывало. Только пар идёт. Кругом бушуют ветры, носится клочьями туман, море кипит и варёные рыбки плавают. Не выдержал раскалённый гранит быстрого охлаждения, треснул и разлетелся. Лом, бедняга, видимо, погиб в катастрофе, и судно погибло. Словом, конец мечтам. А Фукс — тот выкрутился. Смотрю, вцепился в какую-то доску и кружится на ней в водовороте.

Ну, тут, знаете, и я — раз-раз сажёнками! — подплыл к подходящей дощечке, улёгся и жду. Потом море несколько утихло и ветер спал. Мы с Фуксом понабрали варёной рыбы до полного груза, сколько доски выдержали, сблизились друг с другом и отделись на волю стихии. Я свернулся калачиком на доске, ноги и руки подобрал, лежусь. И Фукс так же устроился. Плывём рядышком по воле волн в неизвестном направлении, перекликаемся:

— Хау ду-ю-дү¹, Фукс? Как у вас?

¹ Английское приветствие: «Как вы себя чувствуете?»

— Олл райт¹, Христофóр Бонифáтьевич! Всё в порядке!

В порядке-то в порядке, но всё-таки, доложу вам, печальное это было плавание. Холодно, голодно и тревожно. Во-первых, неизвестно, куда вынесет, да и вынесет ли куда? А во-вторых, тут и акулы могут быть, так что лежи на доске, не двигайся. А начнёшь маневрировать — привлечёшь внимание хищников. Налетят — и не заметишь, как руки или ноги недосчитается.

Да. Ну, плывём так в праздности и в унынии.

¹ Всё в порядке (англ.).

День пльвём, два пльвём... Потóm я со счёту сбйл-ся. Календаря с собой нё было, и мы с Фúксом для контрóля кáждый отдёльно дни счита́ли, а по утра́м сверялись друг с дру́гом.

И вот одна́жды в ясную ночь Фукс спал, а я, удру-чённый бессóнницей, реши́л произвести́ наблюдёния. Конёчно, без приборóв, без таблиц стéпень то́чности тако́го определёния весьма́ относительна, но одно́ мне удалóсь установить безусловно: как раз в ёту ночь мы пересекли́ ли́нию дат.

Вы, навёрное, слы́хали, молодóй человек, что мо́ре в ётом мёсте ничегó осóбенного не представля́ет и са́мую ли́нию уви́деть мо́жно то́лько на кáрте. Но для удо́бства плáвания как раз тут продёльвают не́которые фо́кусы с календарём: при плáвании с за́пада на востóк два дня счита́ют тем же числóm, а при плáвании с востóка на за́пад продёльвают обратное дёй-ствие — оди́н день во́все пропуска́ют и вмёсто «за́втра» счита́ют сра́зу «послезáвтра».

И вот у́тром я бужу́ Фúкса и по́сле взаимных при-вётствий говорю́ ему́:

— Вы имейте в виду́, Фукс, что у нас сегóдня — за́втра.

Он на меня́ глаза́ вы́тарашил. Не соглаша́ется.

— Что вы, — говорит, — Христофо́р Бонифа́тьевич! В чём, в чём, а в арифме́тике вы меня́ не собьёте.

Ну, я попыта́лся объясни́ть ему́.

— Ви́дите ли, — говорю́, — арифме́тика тут ни при чём. В плáвании слéдует руководствоваться астроно́мией. Вы вот ночь спáли, а я тем вре́менем по Ры́бам произвёл определёние.

— Я, — кричи́т Фукс, — то́же при по́мощи гаст-ронóмии, по ры́бам! Вчера́ у меня́ три ры́бы бы́ло, а сегóдня одна́ ры́бина и хвост... А у меня́ паёк то́чный: полторы́ ры́бы в день.

Ну, ви́жу, — явное недоразумёние. Я имёл в виду́ созвёздие Ры́б, а Фукс не расслы́шал полови́ны и по-своёму по́нял. Я попыта́лся ему́ объясни́ть.

— Вот, — кричú, — Фукс! Смотрите: что у вас прýмо над головóй?

— Шляпа.

— Да не шляпа, — говорю. — Сам вы шляпа! Зенит у вас над головóй.

— Ничегó у меня не зенит! — кричит Фукс. — А у вас ёсли зенит, вы не тревожьтесь, ёто бывáет от гóлода.

— Лáдно, — говорю, — под váми что?

— Подо мной доскá.

— Да нет, — говорю я, — не доскá, а надир... *

— Нет, моя глáдкаая...

Слóвом, вижу, так ничегó не вýдет. Лáдно, дýмаю, дай я с другóй сторонý подойдú к вопросу.

— Фукс, — кричú, — как по-вашему, каковá приближительно широтá нáшего мёста?

Другóй бы, бóлее просвещённый в науках слýшатель прикинул бы на глазóк, определил бы широтý по счислению; ну сказáл бы там: сóрок пять градусов зюйд... А Фукс четвертями измёрил свою дóску:

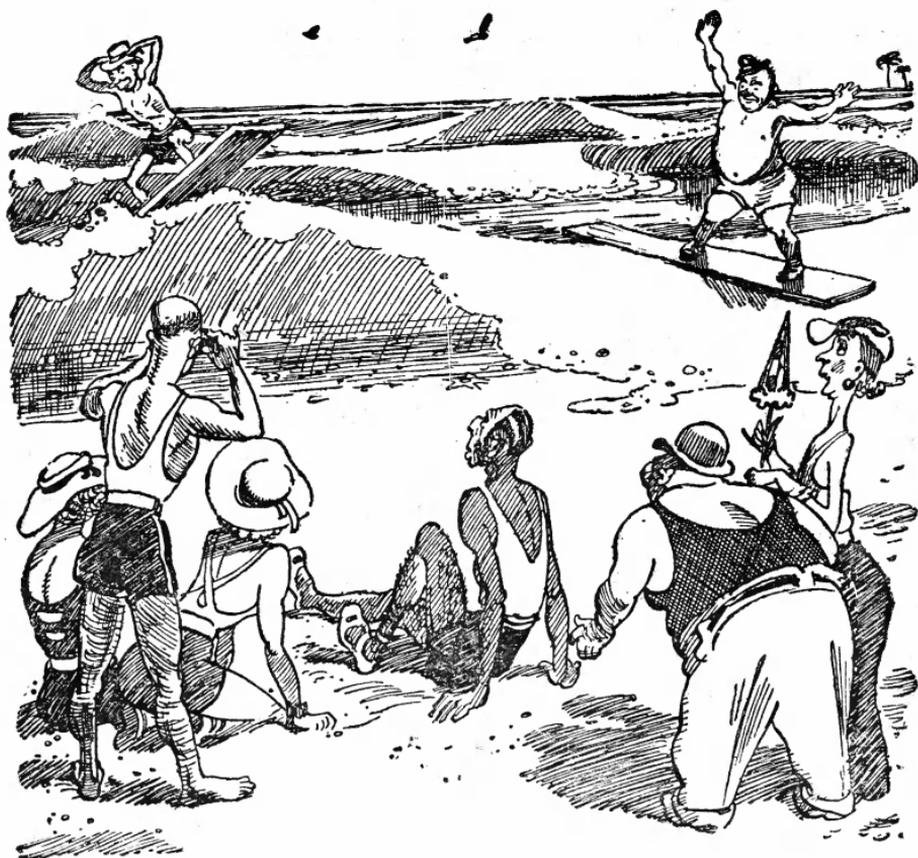
— Сантимётров сóрок пять бóдет!

Слóвом, я пóнял: ничегó из моих лéкций не вýдет. Обстанóвка не та. Да и не до лéкций, признáться. Ну, и, чтóбы не возбуждáть бесцельных спóров, я приказáл совсём прекратитъ счёт дней. Если вýнесет куда, спасёмся, там нам скáжут и день и числó, а здесь, в мóре, по существý, безразлично, когдá тобóй акула полáкомится: вчера ёли послезáвтра, трётъего числá ёли шестóго.

Слóвом, дóлго ли, кóротно ли, как говорётся, плýли мы, плýли, и вот однáжды я просыпáюсь, гляжý — землjá на горизóнте. По очертáниям — бóдто Сándвичевы островá. К вёчеру подошли поближе, — так и есть: Гавáи.

Удáчно, знáете. Прекрáсное ёто местёчко. В старину, прáвда, здесь бýло не óчень спокойно: ктó-то когó-то тут ел. Капитáна Кúка вот съели...

Ну, а тепёрь-то давнó уж тузёмцы вýмерли, бё-

лым есть некого, а белых есть некому, так что тихо. А в остальном здесь рай земной: богатая растительность, ананасы, бананы, пальмы. А главное — пляж Уайкики. Со всего мира туда собираются купальщики. Там приборь замечательный. На его волнах местные жители, стоя на досках, катались.

Конечно, это тоже когда-то было... Но всё-таки, знаете, молодцы: стоя! А мы что? Лежим барахтаемся, как котята. Мне даже неловко стало. И вот я выпрямился во весь рост, руки расставил, и представьте — удержался. Отлично удержался!

Тогда и Фукс на своей доске встал. Держится за шляпу, чтобы не слетела, балансирует. И вот таким манером, наподобие морских полубогов, мы несёмся

в буруна́х, в бры́згах пены. Бе́рег бли́же, бли́же, вот волна́ ло́пнула, рассу́палась, а мы, как на сала́зках, так и вы́катились на пляж.

ГЛАВА XII,

в кото́рой Вру́нгель и Фу́кс даю́т небольшо́й ко́нцерт, а зате́м то́ропя́тся в Брази́лию

На бере́гу нас оку́жи́ли ка́кие-то да́чники в ку́пальных ко́стюмах. Смо́трят, аплоди́руют, фотогра́фируют, а у нас, призна́ться, вид са́мый жа́лкий. Уж о́чень ка́к-то непривы́чно без фо́рмы и без зна́ков разли́чия. Так неудо́бно, что я реши́л скрыть своё́ и́мя и положе́ние и оста́ться, так сказа́ть, инко́гнито...

Да. Ну, приложи́л па́льцы к губа́м, показываю́ Фу́ксу же́стом: молчи́те, мол. Но ка́к-то неуда́чно, неловко́ э́то у меня́ получи́лось, врёде возду́шного поцелу́я... На бере́гу но́вый взрыв восто́рга, аплодисме́нты, все крича́т:

— Бра́во! Ви́ват!

А я ниче́го не понима́ю, одна́ко де́лаю вид, бу́дто во́все и не удивле́н, молчу́, а сам жду́, что да́льше бу́дет.

Тут подхо́дит како́й-то парене́к в пиджа́чке и начина́ет объясня́ть пуб́лике:

— Вот, мол, хотя́ и существу́ет распро́странённое мнё́ние, бу́дто тузе́мцы Са́ндвичевых остро́вов со вре́мен цивилиза́ции вы́мерли, одна́ко э́то неверно́. Ди́ре́кция пля́жей Уайки́ки, стремя́сь доста́вить удо́вольствие пуб́лике, отыска́ла двух живы́х гава́йцев, кото́рые то́лько что проде́монстри́ровали прекра́сный вид стары́нного национа́льного спо́рта.

Я слу́шаю, молчу́, и Фу́кс молчи́т. Э́тот, в пиджа́чке, то́же помолча́л, пото́м прока́шлялся и поше́л че́сать, как по кни́жке:

— Тузе́мцы Са́ндвичевых остро́вов, гава́йцы, и́ли кана́ки, как их ещё́ называ́ют, отлича́ются стро́йным

телосложением, мягким характером и природными музыкальными способностями...

Я на себя это описание примерил, вижу — что-то не то. Ну, характер действительно у меня мягкий, а что касается сложения и музыкальных способностей — это уж он напрасно... Я хотел было возразить, но смолчал. А он не унимается, продолжает:

— Сегодня вечером эти канакки дадут концерт на гавайских гитарах. Билеты продаются в кассе летнего театра, цены умеренные, в фойе танцы, буфет, прохладительные напитки...

Да. Ну, он ещё поговорил, потом берёт нас под руки, отвёл в сторону, спрашивает:

— Ну как?

— Да ничего, — отвечаю я, — благодарю вас.

— Вот и прекрасно! А где вы остановились, позвольте поинтересоваться?

— Пока, — говорю, — в Тихом океане, а что дальше будет, не знаю. Не нравится мне, признаться...

— Ну что вы! — возражает он. — «Тихий океан» — первоклассная гостиница. Уверяю вас. А сейчас, простите, пора уже ехать, через полчаса начало.

И вот, знаете, усадил он нас в машину, повёз куда-то. Там нам дали гитары, украсили цветами, вывели на эстраду, раздёрнули занавес...

Ну, я вижу, нужно петь. А что петь? Я, как назло, смутился, все песни забыл. И Фукс — на что третий парень, а тоже растерялся, смотрит на меня, шепчет:

— Запевайте, Христофор Бонифатьевич, я подтяну.

Посидели мы минут десять, молчим. А публика в зале волнуется, негодует — того и гляди, начнётся скандал. Ну, я закрыл глаза, думаю: «Эх, будь что будет...» Ударил по струнам и басом:

Сидела птичка на лугу...

А что дальше петь, и не знаю.

Хорошо, Фукс выручил — подтянул:

Подкралась к ней корова...

А тут уж мы оба, хором:

Ухватила за ногу.

Птичка, будь здорова!..

И, представьте, бурные аплодисменты сорвали¹.
Потом вышел на эстраду конференсье.

— Вот, — говорит, — эта старинная туземная песня, слова которой говорят о забытом способе охоты

¹ Сорвали (сорвать аплодисменты) — здесь: заслужили одобрение публики.

на птиц, как нельзя́ лучше отража́ет смысл гава́йской му́зыки...

Да. Ну, пото́м ещё на «бис» спéли, раскла́нялись и пошл́и в конто́ру. Там уплати́ли нам за выступле́ние. Вы́шли мы, а куда́ итти́? И пошл́и мы наза́д, к мо́рю. Все́-таки, как-ника́к, родна́я стихия́, да и косто́мы у нас для пля́жа са́мые подходя́щие.

Иде́м по песочку. На пля́же ни души́. По́здно уже́. Пото́м ви́дим — каки́е-то дво́е все́-таки сидя́т. Мы подошл́и к ним, разгово́рились. Они́ на поря́дки жа́луются.

— Че́рт зна́ет что тако́е! — гово́рят. — Мы арти́сты, подписа́ли контра́кт изобража́ть здесь гава́йцев. Ме́сяц це́лый учи́лись на до́сках по́ морю э́здить, пе́сни разучи́ли, а вот, са́ми ви́дите...

Тут я все́ по́нял. Хотéл бы́ло объясни́ться, вдруг, понима́ете, ве́тер швырну́л мне по́д ноги обры́вок газéты. А я давнёнько газéты в рука́х не держа́л. Не погнуша́лся, подобра́л. Встал под фонаре́м и углуби́лся в чтéние. И, пове́рите ли, смотре́ю — фотогра́фия, на фотогра́фии — мой ста́рший помо́щник Лом, тут же «Беда́» и траги́ческое описа́ние круше́ния у берего́в Брази́лии. И о Фу́ксе и обо мне не́сколько слов. Да каки́е ещё слова́! Я да́же слезу́ пусти́л — до чего́ трогате́льно: «Отва́жные морепла́ватели...», «Пропа́ли бе́з вести...».

Да. И тут же ря́дом в газéте объявлéние:

«По́льзуйтесь возду́шным сообщéнием тихоокеа́нских ли́ний. Регуля́рные ре́йсы в Шта́ты и в Брази́лию».

— Вот что, Фу́кс, — гово́рю я: — пойд́ите-ка купи́те билéты на самолёт в Брази́лию да закажи́те что́нибудь из оде́жды. Мне ките́ль и шинéль, а себе́ — по усмотрéнию.

Фу́кс рад стара́ться, умча́лся, а я тут, на пля́же, оста́лся — э́тих фальши́вых гава́йцев развлека́ть... А то пойд́ут ещё в теа́тр, вы́яснится все́ э́то де́ло, сканда́л полу́чится, задёржка, неприятности...

— Послушайте, — предлагаю я, — день у вас всё равно пропал, так, чем здесь сидеть, возьмём лучше лодочку да покатаемся. Смотрите — погода какая, тепло, луна светит...

Ну, и уговорил. А тут и Фукс вернулся, докладывает об успехах:

— Костюмы заказал, нынче же будут готовы, а вот с билетами, Христофор Бонифатьевич, худо. Взял один билет на завтрашний вечер, а больше и нет, все места проданы...

— Ладно, — говорю я, — мы это положение после обдумаем, а сейчас поедem покатаемся.

Ну, взяли лодочку и поехали. И так славно показались! Ночь катались, весь день катались, осмотрели все окрестности и вернулись как раз вовремя: два часа до отлёта самолёта осталось. Распрощались мы с этими артистами, побежали к портному, а он, негодяй, запил, что ли, но только ничего не сшил.

Я, знаете, возвысил голос, отчитываю его, а он только руками разводит.

— Помилуйте, — говорит, — я же вас вчера ждал, вчера бы и приходили, а сегодня у меня ничего не готово.

Я вижу — проку не будет с такой логикой.

— Давайте, — заявляю, — что есть. Не в трусах же мне лететь, в самом деле!

Ну, он порылся в шкафу, достаёт макинтош.

— Вот, — говорит, — только и осталось из готового. Это мне прошлый год один джентльмен заказал, да что-то не берёт.

Я посмотрел — материал добротный и покрой модный.

— Ладно, — говорю, — я беру. Получайте, сколько следует. — Забрал макинтош и пошёл.

— Вы бы, — советует Фукс, — его всё-таки примерили. А то вдруг не впору.

Ну, я вижу, дельный совет. Встал тут же в тени баньяна, развернул обновку, накинул. Смотрю, пони-

маёте, но́вое несча́стье: тот джентльме́н, зака́зчик, и́ли был вдво́е вы́ше меня́, и́ли на рост шил, уж и не знаю́. То́лько на мне его́ макинто́ш не́сколько стра́нно си́дит.

И де́лать не́чего. Наза́д нести́ — всё равно́ ниче́го не подберёшь, снizu отрёзати́ — уж о́чень некрасиво́ полу́чится, в самолёт в тако́м ви́де, чего́ до́брого, не пу́стят, а так носи́ть — э́то и ша́гу не стúпишь, в по́лах запúтаешься. Но придúмывать что́-то ну́жно, да поскорее́, а то самолёт улетит, билёт пропаде́т, и во́ все здесь застряне́шь.

И тут, знаёте, Фу́кс, молоде́ц, не растеря́лся.

— О, — говори́т, — да ве́дь э́то же замеча́тельно!

Мы в этом макинтоше по одному билету вдвоём улетим. Только разрешите, присядьте немножечко... Так... Подставьте плечи...

Ну, и, знаете, взгромоздился на меня, напаялил это пальтишко, застегнул на все пуговицы, одёрнул.

— А теперь, — говорит, — полный вперёд, да поскорее, а то что-то нами полисмен интересуется.

Пошли.

Пришли в аэропорт, к самолёту. Фукс предъявил билет, нас провели, показали место. Ну, уселись кое-как, — собственно, я уселся, а Фукс стоит на сиденье и головой подпирает потолок.

Я посмотрел в щёлочку, вижу — и остальные пас-

сажіры на местáх. Всегó, крóме нас, пять человек. В самолёте чистотá, зеркалá, различные удобства, публіка врóде прилічная...

Потóм заревéли мото́ры, самолёт разбежа́лся, хлоп, хлоп по водé, подня́лся. Летім, ночь кругóм. В не́бе звёзды. Мото́ры реву́т, а в остальнóм всё споко́йно. Пассажи́ры усну́ли, я то́же вздремну́л, оди́н Фукс бо́дрствует во всей кабіне.

До утра́ так пролетéли, а ўтром просну́лись. Я смóтрю в свою́ щёлочку, прислу́шиваюсь — в кабіне за́мётное оживлéние, все ліпнут к óкнам, показываю́т друг дру́гу и, сýдя по поведéнию, любóются ви́дами Кордильéр. Фукс то́же склоні́лся к окну́, а я во́лей обстоя́тельств прину́ждён пропуска́ть такое́ рéдкое зрéлище и сидéть в темнотé, как како́й-нибудь пре-стúпник в тюрьме́.

И так, знаéте, обі́дно ста́ло и скúчно! Я сам себя́ утешáю: дúмаю, пусть смóтрят на здоро́вье, а я найду́ занятие. Достáл тру́бочку, набі́л, закури́л, задумал-ся. Вдруг слы́шу — пáника в кабіне. Пассажи́ры повскака́ли с мест, крича́т, и ча́ще други́х раздаётся сло́во «пожа́р».

Я чу́вствую, Фукс меня́ бьёт пята́ками по бока́м, как осла́. Я его́ ущипну́л, а сам вы́глянул посмот-рéть... и всё по́нял. Дым от моéй тру́бки валі́т изо всех отве́рстий и действітельно создаёт впечатлéние пожа́ра.

ГЛАВА XIII,

в котóрой Вру́нгель лóвко расправл́ется с уда́вом и шьёт себе́ но́вый ките́ль

Я скорéе вы́тряс пéпел, тру́бку — в карма́н, прижа́л ого́нь каблукóм. Сижú, молчу́. А тут лётчик про-су́нул го́лову в кабіну, и я не́сколько восприя́нул ду́хом. Все́-таки, дúмаю, бывáлый человек, навéрное, не в такие́ передёлки попада́л — не теря́лся, успоко́ит их, и всё ула́дится... А он, предста́вьте, и сам стру́сил.

Смотрю, побледнел, áхнул, ухватился за какой-то рычаг... Трах! Ну, затём шум моторов утих, только слышно — ветер свистит. Потом хлопнуло где-то вверху, как из пушки, кабина вздрогнула, рванулась и тихо стала приземляться.

Пассажиры недоумевают, а я сразу догадался, в чём дело. Теперь-то этим никого не удивишь. А в то время это было последнее слово техники¹: устроили такое приспособление на самолётах. Называется «Ступай вниз». Если какая авария — взрыв, пожар или крыло отвалится, — лётчик одним движением от-

¹ Последнее слово техники — последняя техническая новинка; новое изобретение.

деляет кабіну, и она́ самостоятельно опуска́ется на парашю́те. Полёзное приспособле́ние, что и говори́ть, но в да́нном слу́чае приме́ние его́ бы́ло я́вно преждевре́менным.

В друго́й обстано́вке я бы поспо́рил с лётчи́ком, указа́л бы ему́ на оши́бку, но тут, са́ми понима́ете, де́лать не́чего. Самолёт леті́т да́льше, по генера́льному ку́рсу, то́лько кры́лья сверка́ют. Мы, не торопя́сь, сади́мся всё ни́же. Дым от тру́бки не́сколько рассе́ялся, но пассажи́ры и не ду́мают успока́иваться. Напро́тив смотрю́ — волне́ние растёт, перехо́дит в ти́хую па́нику, и Фу́кс нервни́чает: то́го и гляди́, вскочит с ме́ста.

Оди́н я сохрани́л споко́йствие и сообража́ю: рейс, коне́чно, прёрван, биле́ты да́льше неде́йствительны, но оди́н из нас, как ни верти́, всё равно́ «за́яц»¹, и при поса́дке придётс́я дава́ть объясне́ния. А э́то нежела́тельно. Нача́нутся рассу́бы, по́иски виновато́го, предста́вят де́ло так, что я причи́на ава́рии, а тогда́ и не разде́лаешься.

И я, зна́ете, реши́л прики́нуться посторо́нним. А тут и моме́нт са́мый подхо́дящий: внима́ние у пассажи́ров осла́блено, ка́ждый ду́мает о себе́, мно́гие во́се лишы́лись чувств, и как раз над на́ми люк в потоло́ке кабі́ны...

Вам, молодой́ челове́к, не приходи́лось пла́вать по Амазо́нке?.. Нет. Вот и прекра́сно, и не стреми́тесь. Не реко́менду́ю.

А мне, зна́ете, пришло́сь.

Вы́лезли мы с Фу́ксом через люк, осмо́трелись. Ви́дим — под нога́ми река́, кабі́на спуска́ется ни́же... ни́же... Сели́.

Ну, я склони́лся над лю́ком, кричу́:

— Добро́ пожа́ловать, господа́! Рад приве́тствовать вас в столь ди́ких и недо́ступных ме́стах.

Тут и пассажи́ры ста́ли вылезáть пооди́ночке. Ви́дят — поса́дка соверши́лась благополу́чно, ста́ли успока́иваться, смо́трят на нас во все глаза́. Ну, я ви́-

¹ За́яц — здесь: безбиле́тный пассажи́р.

жу, настал момент взаимных представлений. Вы сами понимаете, правду я сказать не могу, приходится изворачиваться.

— Так вот, — говорю, — господá: я, разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую тут с научной целью. А это мой слуга и проводник индеец Фукс. Будем знакомы. Я здесь обжился, привык. Уж вы позволите мне считать вас своими гостями.

— Пожалуйста, пожалуйста! — отвечают они. — Очень приятно.

А сам вижу — не верят. Косятся на нас... Да и понятно: какой уж профессор в трусиках? Я чувствую, нужно их занять разговором, сказать что-нибудь значительное, отвлечь внимание.

— Простите, — спрашиваю, — а здесь все бывшие?

Они переглянулись, потом кто-то заявляет:

— Был ещё один высокий джентльмен.

— Был, был, — подтвердили другие, — он ещё загорелся...

— Ах, вот как! Особенно интересно... Ну-ка, Фукс, — говорю, — спуститесь вниз, посмотрите, не нужна ли помощь пострадавшему.

Фукс залез в кабину, потом вылезает и подаёт щепотку пепла: вот, мол, всё, что осталось.

— Ах, — говорю я, — какое несчастье! Высокий джентльмен, видимо, сгорел дотла. Ну что ж поделаешь, мир праху его... А теперь, господá, давайте вытаскиваем парашют, он ещё пригодится.

Ну, разобрали стропы, тянем, как невод. Я команду:

— Раз, два, взяли! Вира * помалу...

Вижу, они стараются, но с непривычки дело плохо идёт.

Вдруг смотрю — побросали стропы, бегут назад — на корму, так сказать, столпились там и дрожат от страха. Фукс, тот вообще нырнул в люк, выглядывает

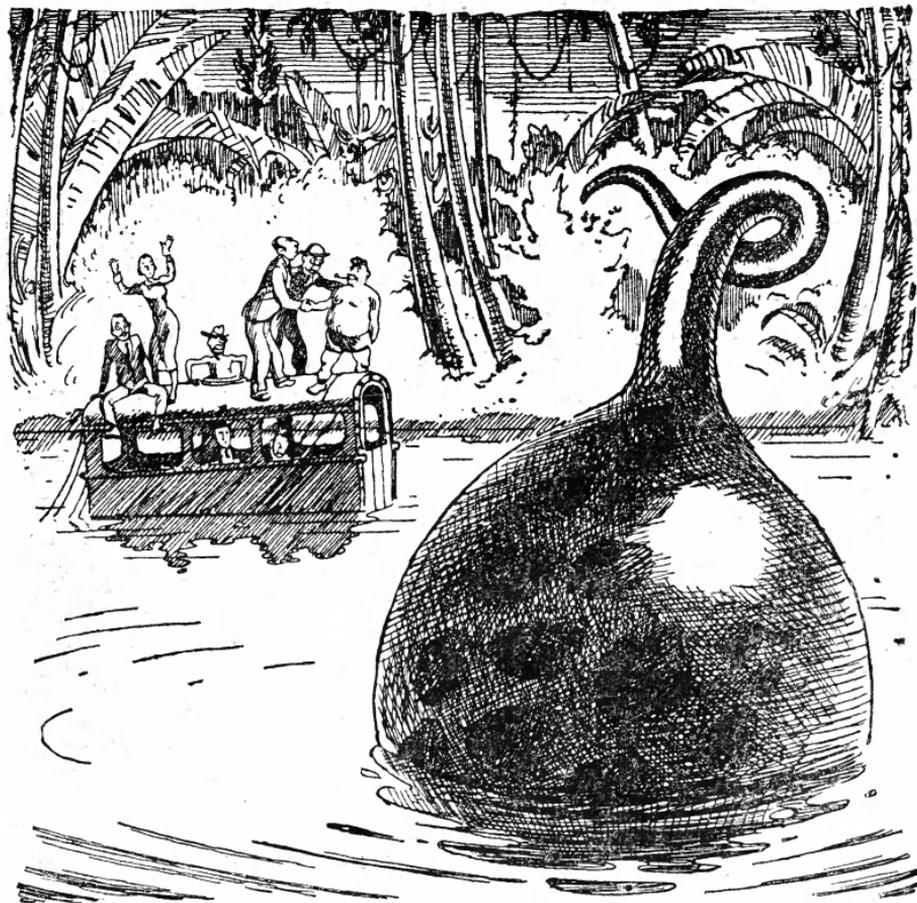
оттуда, показывает на парашют. А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

— Ай, мама!

Ну, я обернулся и вижу — действительно «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. Свернулся клубком, как в гнезде, смотрит на нас, выбирает жертву.

А у меня никакого оружия, одна трубка в зубах...

— Фукс, — кричу я, — подайте-ка что-нибудь потяжелее!

Тот вы́сунулся из лю́ка, подаёт какой-то сна́ряд. Я прики́нул — ничего́, увёсистая шту́чка.

— Дава́йте ещё! — кричу́, а сам встал на изго́товку, наце́лился...

И уда́в то́же наце́лился. Рази́нул пасть, как пеще́ру... Я размахну́лся — и пра́мо туда́!

Да то́лько что уда́ву така́я пустяко́вина? Прогло́тил, понима́ете, как ни в чём не быва́ло, да́же не по́морщился. Я второ́й сна́ряд туда́ же, он и его́ прогло́тил. Я броси́лся к лю́ку, кричу́ Фу́ксу:

— Дава́йте скорее́ всё, что есть!

Вдруг слы́шу за спиной́ стра́шное шипе́ние.

Оберну́лся, гляжу́ — уда́в раздува́ется, шипи́т, из па́сти хлещет пёна...

«Ну, — ду́маю, — сейча́с бро́сится!»

А он, предста́вьте, вме́сто э́того неожжде́нно нырну́л и пропа́л.

Мы все за́мерли, ждём. Мину́та прохо́дит, втора́я. Пассажи́ры на корме́ начина́ют шевелиться, шепчутся. Вдруг э́та ба́рышня о́пять стано́вится в ту же пози́цию и — на всю Амазо́нку:

— Ма́ма!..

И вот ви́дим — всплыва́ет над водо́й не́что: блестя́щий балло́н о́громных разме́ров, чуде́вищной фо́рмы, весьма́ оригина́льной окра́ски. И всё, зна́ете, пухнет, пухнет...

Вот, ду́маю, но́вое де́ло! Чему́ бы э́то быть? Да́же стра́шно ста́ло. Потом́ смотрю́ — у э́того балло́на живо́й хвост. Бьёт по воде́ и так и э́так... Я как уви́дел хвост, так всё и по́нял: снаря́ды-то э́ти бы́ли огнетуши́телями. Ну, встрéтились в пищево́де пресмыка́ющегося, столкну́лись там, сту́кнулись друг о дру́га, разряди́лись и накача́ли уда́ва пёной. Там, зна́ете, како́е давлéние, в огнетуши́телях! Вот и разду́лась змея́, приобрела́ изли́шний запáс плаву́чести, чу́вствует, что де́ло дрянь, хо́чет нырну́ть, а живо́т не пуска́ет...

У меня́ страх как руко́й сня́ло. Я подошёл к лю́ку.

— Давáйте, — говорю́, — Фу́кс, выходите́ навёрх. Опáсность миновáла.

Фу́кс вы́лез, любу́ется небывáлым зрели́щем, а пассажи́ры, как услы́шали, что бо́яться не́чего, бро́сились поздравля́ть друг дру́га, жмут мне ру́ки. То́лько и слы́шно:

— Спаси́бо, профе́ссор доро́гой! Как э́то вы э́го?

— Да что! — отвеча́ю я. — Здесь, на Амазо́нке, ко всему́ приви́кнешь. Уда́в — э́то пустяки́, то ли ещё бывáет...

Ну и, зна́ете, по́сле э́того слúчая мой авторите́т укрепи́лся. А тут, к сча́стью, и с костю́мами де́ло

уладилось. У ба́рышни этой нашлась коробочка с рукоде́лием. Я взял иго́лку, сшил себе́ ките́ль из парашю́та. Матери́ал прекра́сный, а вме́сто пу́говиц я болты́ примени́л, отвинти́л от каби́ны. Ниче́го получи́лось, про́чно и краси́во, то́лько вот без га́ечного ключа́ не разде́нешься. Ну, да э́то ведь ме́лочь, при-вы́кнуть мо́жно. А Фу́ксу гото́вый комбинезо́н нашли́ в аварийном запáсе, то́чь-в-то́чь как был у него́, то́лько понове́е.

Пото́м паруси́шки сооруди́ли, ма́чту поста́вили, сде́лали ру́ль. Пассажи́ры сто́ят ва́хту, плывём, лóвим ры́бку, друго́й раз и черепа́хи попада́ются. Э́та ба́рышня стря́пать вы́училась... В о́бщем, так бы ни-че́го, вот то́лько су́дно неприспо́бленное: ва́лкое *, и ход у него́ нева́жный.

Да. Ну, плывём все́-таки, продвига́емся кое-ка́к на восток, к берега́м А́тлантики. Ме́сяца полтора́ так плы́ли. И че́го то́лько не посмотре́лись по доро́ге — и обезья́н, и лиа́н, и каучу́ковых дере́вьев!.. Для любо-зна́тельного путеше́ственника, коне́чно, интере́сно, но тяжело́. Пря́мо скажу́: тяжело́!

Тут и воо́бще-то кли́мат не о́чень завидный, а мы ещё́ в дождли́вое вре́мя попа́ли. Па́рит, как в ба́не, день и ночь тумáны, жа́ра, круго́м комарьё́ тучами; хоро́шо ещё́, лихора́дку никто́ не схвати́л.

ГЛАВА XIV,

в нача́ле кото́рой Вру́нгель стано́вится же́ртвой вероло́мства, а в конце́ сно́ва попада́ет на «Беду́»

Наконе́ц все́-таки при́были в порт Пара́. Прича́лили, вы́садились. Городи́шко, по сове́сти говоря́, нева́жный, та́к себе́ городи́шко. Грязно́, пы́льно, жа́ра, по у́лицам соба́ки бро́дят. Но по́сле де́брей лесо́в Амазо́нки и э́то в не́котором ро́де оча́г культу́ры. Хо́тя и то сказа́ть — культу́ра там не́сколько своеобра́з-

ная: народ свирепый, воинственный, все с ножами, с револьверами, по улице пройти страшно...

Да. Ну, побрились мы, почились после тяжёлого похода. Спутники наши распрощались, сели на пароходы и разъехались кто куда. Хотели и мы с Фуксом поскорее отсюда выбраться, да ничего не вышло: без документов не выпускают. Ну, застряли мы с ним, как раки на мелі, на чужом берегу, без крова, без определённых занятий, без средств к существованию. Думали работёнку какую найти — куда там! Только и есть вакансии¹ на резиновых плантациях, но это опять надо на Амазонку, а мы уже там побывали, по второму разу что-то не тянет.

Побродили по городу туда-сюда и уселись на бульварчике под пальмой обсудить положение.

Вдруг подходит полицейский и приглашает нас к губернатору. Это, конечно, лестно, но я не любитель всех этих официальных приёмов и встреч с высокопоставленными особами. Да тут ничего не подделаешь: приглашают — значит, надо идти.

Ну, приходим. Смотрим — сидит в ванне такая туша с веером в руках, фыркает, как бегемот, плескается, сопит. А по бокам — два адъютанта в парадной форме.

— Вы, — спрашивает губернатор, — кто такие, откуда?

Я в общих чертах обрисовал положение, объяснил, как это всё получилось, представился.

— Это, — говорю, — мой матрос Фукс, нанят в Калé, а я капитан Врунгель. Слыхали, наверное?

Губернатор, как услышал, ахнул, ухнул в ванну совсем с головой, веер свой уронил, пускает пузыри, захлёбывается, чуть не погіб. Спасибо, адъютанты не дали потонуть, спасли. Ну, он отдышался, прокашлялся, побагровел.

— Как, — говорит, — капитан Врунгель? Тот самый? Это что же теперь будет? Беспорядки, пожар,

¹ Вакансии; вакансия — незанятая должность; здесь: рабба.

революция, выговор по службе?.. Ну, знаете, конечно, восхищён вашим мужеством и ничего не имею против вас лично, но как лицо официальное приказываю вам немедленно покинуть вверенную мне территорию и к сему препятствий чинить не буду... Адъютант, выдайте капитану разрешение на выезд.

Адъютант рад стараться, моментально сочинил бумагу, шлёпнул печать, подаёт. А мне только того и надо. Я поклонился, взял под козырёк.

— Спасибо, — говорю, — ваше превосходительство! Весьма признателен за любезность. Совершенно удовлетворён вашими распоряжениями. Разрешите откланяться?

Повернулся и вышел. Пошёл и Фукс за мной. Идём прямо к пристани. Вдруг слышу — сзади какой-то шум, топот. Я обернулся, смотрю — человек сорок в штатском, в широкополых шляпах, в сапогах, с ножами, с ручными пулемётами, бегут за нами, пылят, обливаются потом.

— Вон он, вон он! — кричат.

Гляжу — за нами охотятся. Мгновенно взвесил соотношение сил и вижу — делать нечего, надо бежать. Ну, побежали... Добежали до какой-то будочки. Я изнемог, остановился дух перевести, сердце так и колотится — устал. А как же... и возраст и жар. А Фукс — тому хоть бы что, он лёгок был на ходу. Однако, смотрю, и он опечален событиями, побледнел, глаза бегают. Потом вдруг повеселел и так фамильярно хлопает меня по спине.

— Ну, — говорят, — капитан, стойте здесь. Я один побегу, а вас не тронут.

И пустился, только пятки сверкают.

Такого поступка я от него, признаться, не ожидал, расстроился даже. Эх, думаю, будь что будет... Одно спасение — лезть на пальму. Полёз. А эта орава всё ближе. Я обернулся, смотрю — народ дородный, свирепый, невоспитанный. Ну и струхнул, признаться. Так напугался, что даже слабость почувствовал. Ви-

жу — конец пришёл. «Уж скорей бы», — думаю. Вцепился в пальму, повис, замер и вот слышу — они уже здесь, рядом, сопят, топчутся. И разговоры слышу: из разговоров я понял, что это за народ. Я-то думал, бандиты, разбойники, охотники за скальпами, а оказалось — просто жандармы, только переодётые. Не знаю, жарá ли повлияла или другая какая причина, но губернатор, оказывается, спохватился, пожалел о своей любезности и приказал нас разыскать и линчевать на всякий случай.

Только, вижу, медлят они с этим делом. Минуту жду, десять минут. Не трóгают. У меня уже руки устали, дрожат, вот-вот сорвусь, упадú. Ладно, думаю,

всё равно один конец. Ну, и слез с пальмы... И, представьте, не тронули. Постоял, подождал — не трогают. Пошёл не спеша — не трогают, расступились даже, как от огня.

Ну, тогда побрёл я опять на бульвар, сел под той пальмой, где мы с Фуксом сидели, и задремал. Да так задремал, что не заметил, как и ночь прошла. А утром на рассвете явился Фукс, разбудил меня, поприветствовал.

— Видите, капитан, — говорит, — не тронули вас.

— Да почему, объясните?

— А вот! — смеётся он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакатик: череп с молнией, две кости и подпись: «Не трогать — смертельно!»

Где уж он этот плакатик подцепил, не берусь вам сказать, но надо думать, что в той будке, на бульваре, трансформатор стоял. Иначе откуда бы...

Да-с. Ну, посмеялись мы, побеседовали. Фукс, оказывается, времени зря не терял — взял билеты на пароход. А на пристани я предъявил свой пропуск, и нас отпустили без разговоров. Даже каюту предоставили и счастливого пути пожелали.

Мы расположились по-барски и отправились в Рио-де-Жанейро пассажирами.

Прибыли благополучно, высадились. Навели справки.

Оказывается, «Беду» тут, недалеко, выбросило на берег. Повредило, конечно, но Лом показал себя молодцом, всё привёл в порядок, поставил судно в стапель, а сам зажил отшельником. Всё ждал распоряжений, а мне, вы сами понимаете, распорядиться было трудненько.

Ну, мы с Фуксом наняли местный экипаж — такую корзинку на колёсах, — подхлестнули волёв, поехали. Едем по берегу и наблюдаем печальную, но поучительную картину местных нравов: человек двести негров таскают кофе и сахар со склада на берег и прямо мешками в воду: бултых, бултых! В море не

водá, а сирóп. Кругóм мýхи, пчёлы. Мы засмотрéлись. Полюбопытствовáли, что ёто за стрáнное развлечёние такóе. Нам объясни́ли, что цёны на сáхар нízкие, товáры девáть нёкуда, ну и такým вот óбразом исправля́ют эконóмику, поднима́ют ўровень жízни. Сло́вом, мол, всё нормáльно, и инáче ничегó не подéлаешь. Да. Поёхали мы дáльше. И вот вíдим — нáша красáвица «Бедá» сто́ит на бережку́, ждёт твёрдой командíрской руки́, а ря́дом какóй-то верзýла разгýливает. Чíстый разбо́йник: шля́па, как зóнтик, на боку́ косáрь, штаны́ с бахромóй. Увидáл нас — брóсился. Ох, дýмаю, зарéжет!

Но не зарéзал, нет. Это Лом, о́казывается, обжёл-ся здесь, наря́дился по мёстной мóде.

Ну, встрéтились, расцеловáлись, поплáкали дáже. Вечерóк поболта́ли: он о сво́их злоключёниях расска-зáл, мы — о сво́их.

А с утра́ вы́шибли кли́нья из-под кйля, спусти́ли яхту нá воду, по́дняли флаг. Я, призна́ться, дáже сле-зý пусти́л. Ведь ёто, молóдой человек, большáя рáдость — очутíться на родно́й пáлубе! А ещё бóльшая рáдость, что дéло продолжáется. Мóжно двíгаться смéло в дальне́йший путь. Тóлько и остáлось — отхóд офóрмить.

Ну, уж ёто я взял на себя́. Прихожý к нача́льнику пор́та, «командáнте дель бáхия» по-йхнему, по́дал бу-ма́ги.

И вот ётот командáнте, как уви́дел меня́, срáзу на-дýлся, как жáба, и принялся крича́ть:

— Ах, так ёто вы капитáн «Беды́»? Стýдно, молóдой человек! Тут сплошны́е доно́сы на вас. Вот адми-рáл Кусáки жáлуется: какóй-то óстров вы там разру́шили, кашалóта обидели... и губернáтор сообщáет: самовóльно поки́нули порт Парá...

— Как же так, — говорю́, — самовóльно? По-звóльте, — и подаю́ свой про́пуск.

А он и смотре́ть не стал.

— Нет, — говорíт, — не позво́лю. Ничегó не по-

звóлю! Одни́ неприятности из-за вас... убира́йтесь вон!.. — Потóм как гáркнет: — Лейтенáнт! Загрузи́ть я́хту «Беда́» пескóм впло́ть до по́лногo потоплéния!

Ну, я ушёл. Заторопи́лся на сýдно. Прихожу́. А там ужé и песóк привезли́, и како́й-то чиновник кру́тится, распоряжа́ется.

— Это ва́шу я́хту прика́зано загрузи́ть пескóм? Так вы, — говори́т, — не беспоко́йтесь, я не задержу́, в одну́ минутку сде́лаем...

Ну, призна́ться, я думал, что тут-то навернякá ко-не́ц. Потóнет я́хта, потóм доставáй... Но, предста́вьте, и тут сумéл испо́льзовать обстоя́тельства в благо-приятном смы́сле.

— Сто́йте, молодóй челове́к! — кричу́ я. — Вы ка-

кѣм пескѣм хотѣте грузѣть? Вѣдь мнѣ надо сахѣрным, пѣрвый сорт.

— Ах, вот как! — говорѣтъ он. — Ну что ж, пожа-луйста, сѣю минутку.

И, знѣете, те же нѣгры побежѣли, как муравѣи, загрузѣли яхту, забѣли трюм, надстрѣйки, на пѣлубу навалѣли сахѣр, прѣмо в мешкѣх.

«Бѣда» моя, беднѣжка, садѣтся глѣбже, глѣбже, потѣм — буль-буль-буль... И глядѣм — тѣлько мѣчты торчѣтъ. А потѣм и мѣчты скрѣлись.

Лом с Фѣксом в гѣре глядѣтъ на гѣбель роднѣго сѣдна, у обѣих слѣзы на глазѣх, а я, напрѣтив, в отличном настроѣнии. Приказѣлъ разбѣть лѣгерь тут на берѣгу. Пѣжили мы три дня, а на четвѣртый сахѣр растѣял, смѣтрим — яхта нѣша всплывѣет не торопѣсь. Ну, мы еѣ почѣстили, помѣли, пѣдняли парусѣ и пошлѣ.

Тѣлько вѣшли, смѣтрю — на бѣрег бежѣтъ командѣнте с саблѣй на боку, кричѣтъ:

— Не позволѣю!

А рѣдом вприпрѣжку старѣй знакомѣй, адмирѣлъ Кусѣки, тѣже ругѣется:

— Рѣзве ѣто рабѣта, господѣн командѣнте? За такую рабѣту, пожалуйста, дѣньги обрѣтно.

«Ну, — я дѣмаю, — ругѣйтесь себѣ на здорѣвье». Помахѣлъ им рѣчкой, развернулѣся и пошѣлъ пѣльным хѣдом.

ГЛАВА XV,

в котѣрой адмирѣлъ Кусѣки пытѣется поступѣть на «Бѣду» матрѣсом.

Из Бразѣлии наш путь лежѣлъ дѣльше на зѣпад. Но через матерѣк, сѣми понимѣете, не пойдѣшь, и пришлѣсь уклонѣться к югу. Я проложѣлъ курс, растѣвил вѣхты и пошѣлъ. Шли в ѣтот раз прѣкрасно. Вѣтерѣк дул, как по закѣзу, из-под нѣса бурунѣ, за кормѣй дорѣжка, парусѣ звѣнѣтъ, снасти обтѣянуты. Миль по двѣсти за сѣтки отсчѣтывали, а сѣми сложѣ рѣки

сидели. Лом с Фуксом обленились совсем, дисциплина начала падать, и я решил занять экипаж судовыми работами.

— Ну-ка, — говорю, — Лом, довольно вам загорать. Займитесь-ка медными частями. Надрайте так, чтобы огнём горело.

Да. Ну, сказал. Лом козырнул: есть, мол.

Натёр кирпичá, берёт тряпку, и пошла работа.

Только я спустился в каюту вздремнуть, слышу — беспокойство на палубе. Вскочил, бросился к трапу, а навстречу Фукс. Блédный, дрожит.

— Пожаáлуйста, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, на палубу. У нас, ка́жется, пожа́р.

Выскочил я. Смотрю — и вправду: горит палуба в двух местах. А Лом как ни в чём не бывало сидит чуть поодаль от очагов огня и драит медную уточку. Только я пригляделся, смотрю — и тут палуба вспыхнула.

Я, знаете, растерялся даже.

— Лом, — кричу, — объясните, в чём дело?

А тот встаёт, берёт под козырёк и спокойно так рапортует:

— Согласно вашему приказанию, драю медные части так, чтобы огнём горело. Какие последуют распоряжения?

Я было хотел разнести Лома, да вовремя сдержался. Вижу — сам виноват. А как же, знаете, — писатель или, там, артист может, конечно, позволить себе некоторые вольности в выражениях, а у нас в морском деле — точность прежде всего. Нам стихи писать некогда. Отдаёшь распоряжение — думай, что говоришь, а то попадёшь на такого, как Лом, — человек он внимательный, аккуратный, привык исполнять команду в буквальном значении, к тому же и силушка у него богатырская, — так, знаете, и до аварии недалеко.

Ну, вижу, нужно исправлять последствия своей ошибки. И распорядился мигом:

— Отста́вить дра́ить ме́дные ча́сти! Пробо́ить пожа́рную трево́гу!

Фукс броса́ется к ко́локолу. Лом, со́гласно расписа́нию трево́ги, остаётся у ме́ста возникнове́ния пожа́ра, а я в руле́. Звону́ мно́го, а то́лку ника́кого. Ого́нь ши́рится. Горит, как фа́кел. Того́ и гляди́, до парусо́в дойдёт. Ну, я ви́жу, де́ло дрянь. Разверну́лся круго́м, стал про́тив ве́тра. И помогло́, зна́ете. Сду́ло ого́нь. Он у нас за кормо́й поболта́лся э́таким о́гненным шле́йфом, оборва́лся и пога́с. Фукс успоко́ился. И Лом по́нял, что перестара́лся. Да́-с.

Ну, а зате́м легли́ на пре́жний курс, замени́ли дефе́ктные ча́сти па́лубы, без дальне́йших приключе́ний обогну́ли мыс Горн, прошли́ ми́мо Но́вой Зеландии и благополучно́ при́были в Си́дней, в Австра́лию.

И вот, предста́вьте, подходи́м к порто́вой стёнке и ко́го встреча́ем? Ду́маете, кенгуру́, утконо́са, стра́уса-э́му? Нет! Подва́ливаем. Смотрю́ — на бере́гу толпа́, а в толпе́, в пе́рвом ряду́, — адмира́л Куса́ки со́бственной персо́ной.

Как он туда́ попа́л, отку́да, заче́м — че́рт его́ зна́ет! Одно́ несомне́нно, что э́то и́менно он. Мне, признаю́сь, ста́ло неприятно́ и да́же, зна́ете, ка́к-то не по себе́.

Ну, подошли́, ста́ли. Адмира́л затеря́лся в толпе́. А я, как то́лько по́дали сходни́, так срáзу на бе́рег, в порт. Предста́вился вла́стям, доложи́л о прибы́тии, побесе́довал с чино́вниками. Сперва́, как полага́ется, о пого́де, о здоро́вье, о ме́стных новостя́х, а пото́м ме́жду разгово́ром заки́дываю́ у́дочку: мо́жет, ду́маю, уда́тся узнáть, что тут э́тот Куса́ки де́лает и какую́ ещё па́кость гото́вит.

Чино́вники, одна́ко, ниче́го не сказа́ли, сосла́лись на неосведомле́нность. Ну, я поболта́л с ни́ми ещё и отпра́вился пря́мо к капита́ну пор́та. Поздоро́вался и объясни́лся начистоту́: меня́, мол, оди́н япо́нский адмира́л пресле́дует.

— Оди́н? — говори́т тот. — Ну, мой доро́гой, вам

повезло. Я сам от этих японских адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не приказано ни помогать, ни противодействовать. Чем другим рад служить. Не угодно ли виски с лимонадом? Обедать ко мне пожалуйста, сигару, может быть, выкурите? А с адмиралом вы как-нибудь сами улаживайте...

Да-с. Слово, вижу — неприятная история. Сейчас, конечно, японский адмирал для нас не фигура. Да, по правде сказать, мы их и тогда-то не больно боялись, но всё-таки, знаете, дела с ними иметь, прямо скажем, не очень любил.

Вот я вам про Италию имел случай рассказать. Там заправили мечтали всю Африку к рукам прибрать, пол-Европы, четверть Азии. А на востоке японские боёре (самураи по-ихнему) так же вот размечтались — подай им весь Китай, всю Сибирь, пол-Америки...

Вообще-то, конечно, мечтать никому не заказано. Полёзно даже порой пофантазировать. Но, когда такой вот фантазёр нацепит погоны да сядет на боевом корабле у заряженной пушки — тут и неприятность может случиться... Размечтается да прицелится, прицелится да бабахнет. Хорошо, как промахнется. А ну, как попадёт? Да тут такое может случиться, что к ночи лучше и не вспоминать!

Вот поэтому мы и старались таких фантазёров стороной обходить. Но прямо скажу — не всегда это нам удавалось. Такие упрямые среди них попадались мечтатели, что другой раз и не отвяжешься. Вот и мне такой достался — господин Кусаки, адмирал. Как встретились тогда в китолюбивом комитете, так и прицепился, как репей.

И, конечно, не только в мои дела адмиралы эти нос совали. Им до всего было дело: там стравить¹ кого с кем, там обобратить под шумок, там пошарить, там

¹ Стравить — здесь: посорить.

понюхать для интереса: где нефтью пахнет, где рыбой, где золотом?.. И, конечно, не мы одни понимаем это. Но там на этих фантазеров сквозь пальцы смотрели — не помогали и не препятствовали. Берегли, так сказать, для обеспечения взаимной безопасности.

Да-с. Ну, это я вам могу объяснить, а с капитаном порта такой разговор неуместен. Поблагодарил я его, распрощался. Так и ушёл ни с чем и мер принять не сумел.

Вернулся на яхту, сел чайку попить. И вот смотрю — поднимается на борт маленький человек, по всем признакам японский кули. В худеньком пиджачишке, с корзиночкой в руках. Робко так подходит и объясняет, что тут, в Австралии, погибает с голоду, и просится на службу матросом. Да так настойчиво.

— Пойдёте, — говорят, — по Тихому океану, там тайфуны, туманы, неисследованные течения... Не справитесь. Возьмите, капитан! Я моряк, я вам буду полезен. Я и прачкой могу быть, и парикмахером. Я на все руки...

— Ладно, — говорю, — зайдите через час, я подумаю.

Ушёл он. А ровно через час, смотрю, посольская машина останавливается невдалеке.

Ну, я взял бинóкль и вижу — вылезает оттуда мой японец, берёт корзиночку и не спеша направляется к судну. Кланяется этак почтительно и опять ту же песню:

— Возьмите... Не справитесь...

— Вот что, — говорю: — убедили вы меня. Вижу сам, что придётся брать матроса. Но только не вас, молодой человек.

— Почему же?

— Да так, знаете, цвет лица у вас очень неестественный. У меня на этот счёт взгляды несколько устаревшие, но вполне определённые: по мне, если уж брать арапа, так чёрного. Негра взял бы, папуаса взял бы, а вас, уж не обижайтесь, — не возьму.

— Ну что ж, — говорит он, — раз так, ничего не поделаешь. Простите, что я вас побеспокоил.

Поклонился и пошёл. Вскоре и мы собрались прогуляться. Привели в порядок одежду, побрились, причесались. Яхту прибрали, каюту заперли. Идём все втроем по улице, наблюдаем различные проявления местного быта. Интересно, знаете, в чужой стране. Вдруг смотрим — странная картина: сидит чистильщик-негр, а перед ним на корточках — наш японец. И этот негр его начищает чёрной ваксой. Да как! Там, знаете, чистильщики квалифицированные, из-под щёток искры летят... Ну, мы сделали вид, будто нам ни к чему, прошли мимо, отвернулись даже. А вечером

пришли на судно — Фукс с Ломом утомились, а я остался на вахте, жду, знаете, того негра; думаю, как бы его встретить получше.

Вдруг подаёт мне пакет от капитана порта. Оказывается, скучает старик, приглашает на завтра составить партию в гольф. Я, признаться, даже и не знал, что это за игра. Но, думаю, черт с ним. Пусть проиграю, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу...

Словом, ответил, что согласен, и стал собираться.

Разбудил Лома, спрашиваю:

— Что нужно для гольфа?

Он подумал, потом говорит:

— По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры и больше ничего. Есть у меня рукава от старой тельняшки. Возьмите, если хотите.

Я взял, примерил. Брюки надел с напуском, китель подколол булавками в талии, и превосходно получилось: такой бравый спортсмен — чемпион, да и только.

Но для спокойствия я всё-таки заглянул в руководство по гольфу, ознакомился. Вижу, игра-то самая пустяковая: мяч гонять по полю от ямки к ямке. Кто меньше ударов сделает, тот и выиграл. Но одними гетрами тут не отделаешься: нужны разные палки, клюшки, дубинки — чем бить, и ещё помощник-мальчик нужен — таскать всё это хозяйство.

Ну, пошли мы с Ломом искать снаряжение. Весь Сидней насквозь прошли — ничего подходящего. В одной лавочке нашли хлысты, да тонкие, в другой нам полицейские дубинки предложили. Ну, да эти мне как-то не по руке¹.

А дело уже к ночи. Лунa светит. Этакie тайственные тени ложатся вдоль дороги. Я уж отчаялся. Где тут искать? Разве सूчьев наломать?

И вот, видим — сад с высокой оградой и за оградой — различные деревья. Лом меня посадил, перелезли, идём меж кустов.

¹ Не по руке — здесь: не подходят, неудобны.

Вдруг смотрю — крадётся негр, верзила, и под мышкой тащит целый ворох палок для гольфа. Точь-в-точь такие, как в руководстве показаны.

— Эй, любезный, — кричу я, — не уступите ли мне свой спортивный инвентарь?

Но он либо не понял, либо от неожиданности — только гикнул страшным голосом, схватил дубинку, взмахнул над головой — и на нас... Я, скажу не стыдясь, испугался. Но тут Лом выручил: сгрёб его в охапку и зашвырнул на дерево. Пока он слезал, я подобрал эти палки, рассматриваю, вижу — точь-в-точь, как в руководстве изображены. А работа какая! Я, знаете, просто размечтался, глядя, да тут Лом меня вывел из задумчивости.

— Пошли, — говорит, — Христофóр Бонифáтьевич, домóй, а то что-то сыро здесь, как бы не простудíлись.

Ну, перелéзли снова через ограда, вышли, вернóлись на судно. Я успокоился: костюм есть, клюшки есть, тепёрь одíн мáльчик остáлся... Да вот совесть ещё нéсколько неспокойна: неудобно человекa ни с того ни с сего так обездóливать. Но, с друго́й сторо́ны, он сам пёрвый напáл, да и клюшки эти мне всёго на денёк нужны — в арёнду, так сказа́ть... Слово́м, с инвентарём де́ло кое-как утряслóсь.

А с мáльчиком ещё лóчше уладилось: у́тром, чем свет, слы́шу — кто-то зовет смире́нным го́лосом:

— Мáсса капитáн, а мáсса капитáн!

Я вы́глянул.

— Я, — говорю, — капитáн, заходите. Чем могу́ служить?

И ви́жу: приятель, вчера́шний япо́нец, со́бственной персо́ной, но уже́ под ви́дом черноко́жего. Я-то его маскиро́вку ви́дел, а то бы и не узна́л — до того́ он лóвко свою́ нару́жность обрабо́тал: причёска-пермане́нт под кара́куль, физионо́мия до блёска начи́щена, на но́гах солóменные та́почки и сítцевые брjúки в полóску.

— Вам, — говорит, — мáсса капитáн, я слы́шал, негр-матрós ну́жен.

— Да, — говорю, — ну́жен, то́лько не матрós, а бой¹ для го́льфа. Вот тебе́ клюшки, забира́й да пойдём...

Пошли. Капитáн пор́та меня́ уже́ ждал. Усе́лись мы с ним в маши́ну. Проёхали с час.

— Ну, — говорит мой партнё́р, — начнём, пожа́луй? Уж вы, наде́юсь, как джентльме́н не обманете меня́ в счёте?

Он уложи́л свой мя́чик в я́мку, размахну́лся, уда́рил. Уда́рил и я. У него́ прýмо пошло́, а у меня́ в сто́рону. Ну, и загна́л я свой мяч к чёрту на рога́. Кру-

¹ Мáльчик для услóг (англ.).

гóm кусты́, овра́ги, буера́ки, ме́стность, что и гово́рить, живопи́сная, одна́ко си́льно пересече́нная. Негр мой изму́чился, да и понятно: па́лки тяжёлые, жа́ра, духота́. С него́ пот гра́дом, в три ручья́, и, зна́ете, весь его́ грим поплы́л, ва́кса раста́яла, и он уж не на не́гра, а на зе́бру стал похо́ж: вся физионо́мия жёлтая с чёрным, в поло́ску. Уста́л и я, призна́ться. И вот ви́жу — ручей́ течёт, а там ручьи́ ре́дкость.

— Дава́й-ка, — говорю́, — вот здесь отдохне́м, побесе́дуем. Тебя́ зва́ть-то как?

— Том, ма́сса капита́н.

— Дядя́ Том, зна́чит. Ну, ну. Пойде́м-ка, дядя́ Том, умбе́мся.

— Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу¹.

— А, — говорю, — ну, раз табу, как хочешь. А то бы умылся. Смотри-ка, ты весь полинял.

Не нужно бы мне этого говорить, да уж сорвалось, не воротишь. А он промолчал, только глазами сверкнул и уселся, будто палки перекладывает.

А я к ручью. Вода холодная, чистая — хрусталь. Освежаюсь, фёркаю, как бегемот. Потом обернулся, смотрю — он крадётся, и самая тяжёлая дубинка в руке. Я было крикнул на него, да вижу — поздно. Он, знаете, размахнулся — и в меня этой дубинкой. Попал бы — и череп долбой. Но я не растерялся: бултых в воду!

Потом выглянул, вижу — он стоит, зубы оскалил, глаза горят, как у тигра, вот-вот бросится...

Вдруг что-то сверху хлоп его по причёске! Он так и сел. Я подбегаю, ищю избавителя — нет никого, только дубинка эта лежит... Поднял я её, осмотрел, вижу — вместо фирменной марки на ней туземный святой изображён. Ну, тут я понял: вместо ключек для гольфа я вчера бумеранги у папуаса отобрал. А бумеранг, знаете, какое оружие? Им без промаху надо бить, а промахнулся — смотри в оба, а то вернётся и как раз вот так хлопнет по черепу. Да.

Ну, осмотрел я дядю Тома. Слышу — пульс есть: значит, не смертельно. Взял его за ноги и потащил в тень. Тут, понимаете, у него из кармана вываливаются какие-то бумажки. Я подобрал, вижу — визитные карточки. Ну, читаю, и что бы вы думали? Чёрным по белому так и написано:

ХАМУРА КУСАКИ
АДМИРАЛ

«Вот ты, — думаю, — где, голубчик! Ну, лежи, отдохни, а мне некогда, игру надо продолжать, а то партнёр обидится».

Да. Ну, пошёл дальше, гоню мяч и сам не рад, что

¹ Табу — запрет.

связа́лся с э́тим го́льфом, но отступáть не в моём ха́рактере. Бью, счита́ю уда́ры. Тяжелёнько, зна́ете. С помо́шником ещё́ тудá-сюда́, а одному́ прóсто за́ррез: уда́рить на́до поси́льнее, и мяч отыска́ть, и па́лки тащи́ть. Но́ги но́ют, ру́ки не слу́шаются. В о́бщем и це́лом получа́ется, что не я мяч гоню́, а он меня́. Ну, и загна́л: круго́м боло́тце, осóка, кака́я-то рёчка те́чёт, ко́чки на берегу́...

«Так, — ду́маю, — сейча́с до рёчки догоню́, отдохну́, искупа́юсь».

Размахну́лся, уда́рил. Вдруг все э́ти ко́чки повска́кали и дава́й пры́гать...

Это, ока́зывается, не ко́чки бы́ли, а ста́до кенгуру́. Ви́димо, испугáлись — и врассыпну́ю. А мяч мой одной кенгури́хе со всего́ разма́ху в су́мку. Она́ взвизгнула да как припу́стит... И хвостом и нога́ми рабо́тает. Пере́дними ла́пами де́ржится за су́мку и ми́мо меня́ прыг, прыг...

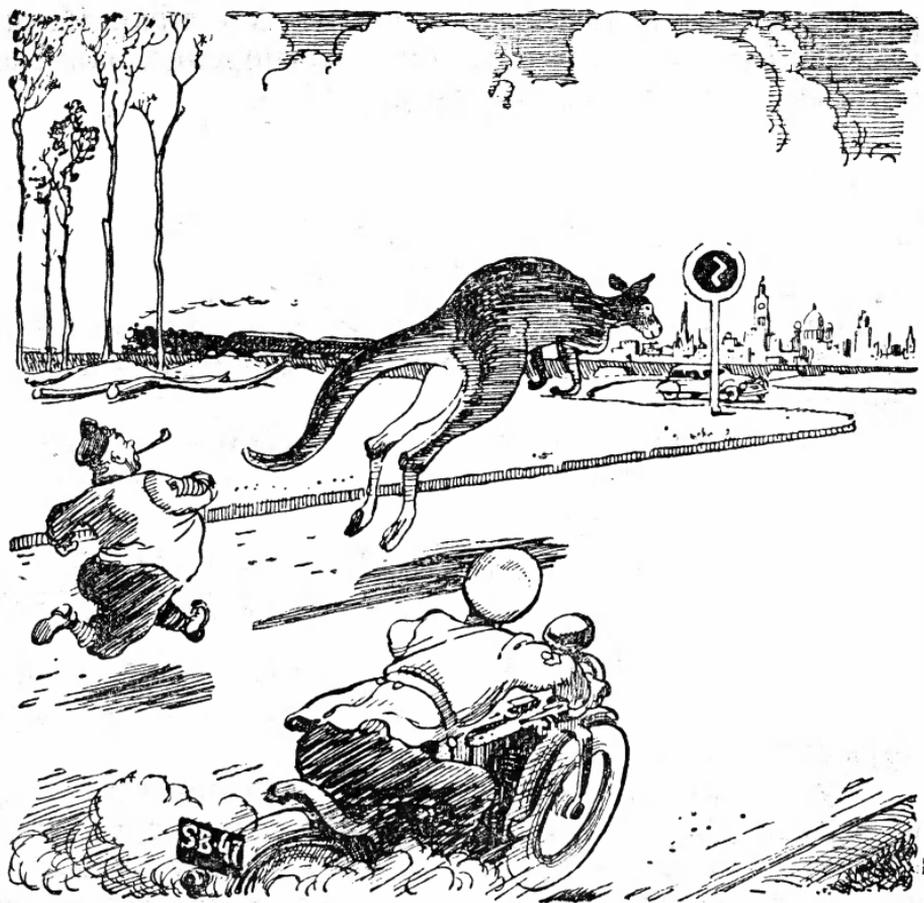
Ну, что тут де́лать? Я бро́сил па́лки — и за ней. Нельзя́ же мяч потеря́ть!

И така́я получ́илась ска́чка с препя́тствиями, что до сих пор вспо́мнить ве́село.

Су́чья под нога́ми хруста́ют, ка́мни разлета́ются... Я уста́л, но не сдаю́сь, не выпуска́ю её́ из по́ля зрёния. Она́ присядет отдохну́ть, и я присяду; она́ в путь, и я в путь...

И вот живóтное, зна́ете, растеря́лось, сбилось с ку́рса от стра́ха. Ей бы в ча́шу, в кусты́, а она́ на чи́стое ме́сто, на шоссе́, пря́мо к Сиднею́.

Вот уж и го́род ви́дно, сейча́с у́лицы начну́тся. Наро́д на нас смóтрит, кричи́т, полице́йский на мотоци́кле го́нится, засвисте́л... Тут, ви́димо испугáвшись, живóтное де́лает э́такую фигу́ру в во́здухе, наподобие ме́ртвой পে́тли. Мяч мой выска́кивает из су́мки, я броса́юсь за ним, наклоня́юсь и в ту же секунду получа́ю чувстви́тельный толчо́к пони́же спины́. Ну, доложу́ вам, и ощущёние! Пря́мо, как говори́тся, «ни встать, ни сесть».

Но я всё-таки встал, отряхнулся. Тут народ кругом: сочувствуют, предлагают помощь, а мне не помощь, мне палка нужна: мяч тут, и ямка уже недалёко, а бить нечем. Ну, и сжалился один джентльмен, дал свою тросточку. На восемьдесят третьем ударе я закончил игру.

Капитан порта просто разахался.

— Поразительный, — говорит, — результат! Вы подумайте: такой трудный участок, и неужели всего восемьдесят четыре удара?

— Так точно, — отвечаю я, — восемьдесят три, не больше, не меньше...

А про кенгуру я умолчал. В руководстве о кенгу-

ру́ ничегó не скáзано, в прáвилах игры́ — тóже. И выхóдит, что е́сли живóтное непреднаме́ренно оказа́ло по́мощь, так э́то уж, зна́ете, его́ де́ло.

ГЛАВА XVI

О дикаря́х

Поговори́ли мы с капита́ном пор́та о ме́стных новостя́х, о достопримеча́тельностях. Он меня́ в музе́й пригласи́л. Пошли́.

Там действите́льно есть что посмотре́ть: моде́ль утконо́са в натура́льную величину́, соба́ка динго, портре́т капита́на Ку́ка...

Но то́лько я задержу́ внима́ние на како́й-нибудь дета́ли, мой спúтник тя́нет меня́ за рука́в и да́льше влечёт.

— Идёмте, — говори́т, — я вам са́мое гла́вное покажу́: живо́й экспона́т, вождь дикаре́й в по́лном вооружёнии, о́собенно интере́сно...

Ну, вхо́дим в зал. Там сде́лан э́такий заго́нчик, вро́де как в зоопáрке, и разгу́ливает здоро́вный папу́ас с удиви́тельной причёской на голове́... Уви́дел нас, изда́л воинственны́й во́зглас, взмахну́л дуби́нкой над голово́й... Я бы́ло попя́тился. А пото́м вспо́мнил тех арти́стов в Гонолу́лу и, по прáвде сказа́ть, согреши́л. «И э́тот, — ду́маю, — тóже, наве́рное, арти́ст». Ну и реши́л расспроси́ть потихо́ньку, без свиде́телей, как э́то он до тако́й жи́зни доше́л.

Распро́щался пове́жливее с капита́ном.

— Спаси́бо, — говори́ю, — за компа́нию, о́чень здесь интере́сно. Но вас я не сме́ю задержива́ть, а сам, с ва́шего позво́ления, ещё посмотре́ю...

И оста́лись мы с папу́асом наедине́. Разговори́лись.

— А вы, — спра́шиваю, — призна́йтесь, настоя́щий папу́ас и́ли так?

— Ну, что вы, — отвеча́ет тот, — са́мый настоя́-

ший, сын вождя, учился в Оксфорде, в Англии. Окончил университет с золотой медалью, защитил диссертацию, получил звание доктора прав, вернулся на родину... А тут работы по специальности нет... Жить не на что, вот и поступил сюда...

— Вот как! И хорошо зарабатываете?

— Да нет, — отвечает он, — не хватает. Ночью ещё по совместительству городской сад стерегую. Там лучше платят и работа полегче. Тут тихо. Вот только вчера какие-то дикари напали, отняли бумеранги. Сегодня не знал, с чем и на службу идти. Хорошо, догадался: у меня со студенческих лет набор палок для

гольфа остáлся, с нými и пошёл. И ничегó, не замечáет пúблика...

Да. Ну, распрощáлись. Тут бы мóжно и покíнуть Австралию, но у меня остáлся долг чéсти, так сказáть: вернúть ору́жие вождю папуáсов и посмотрéть, что с моим адмирáлом.

И вот, знáете, снаряди́лись мы по-походному, яхту сдали под надзóр портóвых властéй, а сáми отпра́вились все втроём.

Идём в глубь страны́ по следáм недавних собы́тий, читаём кнóгу прирóды: вот здесь я за кенгуру́ гна́лся, вот здесь ручéй, здесь бумерáнг лежáл, здесь сам Кусáки... Одна́ко нет ни тогó, ни другóго. А здесь я послéдние пáлки брóсил. Но и тут, знáете, пúсто. Как корóва языкóм слизну́ла.

Ну, побродíли, обыска́ли всё кругóм. Тот же результа́т. Тóлько с дорóги сбíлись. В мóре-то я хорошó ориентíруюсь, а на сúше, бывáет, и заблужúсь. А тут кругóм пусты́ня — ориентíров нет. К томú же жарá и гóлод... Фукс с Лóмом рóпщут потихóньку, а я креплюсь: положéние обя́зывает, как ни говорíte. Да.

Недéли три так бродíли. Измúчились, похудéли. И сáми не рáды, что пошли́, да тепéрь уж дéлать нéчего... И вот, знáете, одна́жды разби́ли мы бивуáк, прилегли́ отдохну́ть, а жарá — как в ба́не. Ну, и разморíло, засну́ли все.

Не знáю, скóлько уж я проспáл, но тóлько слы́шу сквозь сон: шум, возня́, воинственны́е крíки. Просну́лся, подрáл глаза́, гляжу́ — Фукс тут, под кустóм, спит крéпким сном, как младéнец, а Лóма нет. Посмотрéл кругóм — нигдé нет. Ну, тогда́ беру́ бинóкль, осмáтриваю горизóнт и ви́жу — мой стáрший помóщник Лом сидít у кострá, а кругóм, понимáете, дикарí и, сúдя по поведéнию, едят моего́ стáршего помóщника.

Что дéлать? Я тогда́ склáдываю ладóни рúпором и во всё гóрло кричу́:

— Отста́вить есть моего́ ста́ршего помо́щника!

Крикнул и жду...

И вот, повер́ите ли, молодóй человек, слы́шу, как э́хо, доно́сится отве́т:

— Есть отста́вить есть ва́шего ста́ршего помо́щника!

И действительно, смотрю́ — отста́вили. Загаси́ли, закида́ли свой костёр, подня́лись и все вме́сте направ́ляются к нам.

Ну, встрети́лись, погово́рили, вы́яснили недоразу́мение. Оказа́лось, папу́асы с се́верного бе́рега. У них тут и дере́вня была́ недалекó, и мо́ре тут же, а Ло́ма о́нй во́все и не собира́лись есть. Напрóтив, угости́ть нас хоте́ли, а Лом их угово́рил пода́льше от биву́ака костёр разложи́ть: бо́ялся потрево́жить наш сон. Да.

Ну, подкрепи́лись мы. О́нй спра́шивают:

— Куда́, отку́да, с каки́ми це́лями?

Я объ́ясни́л, что хо́дим по стране́ и скупа́ем ме́стное ору́жие стары́нных образцо́в для коллэ́кции.

— А, — гово́рят, — кста́ти попа́ли. Вообще́-то у нас э́того добра́ не быва́ет. Это хозяйство́ мы давнó в Аме́рику вы́везли, а са́ми на винто́вки перешли́. Но сейча́с случа́йно есть небольшо́я па́ртия бумера́нгов...

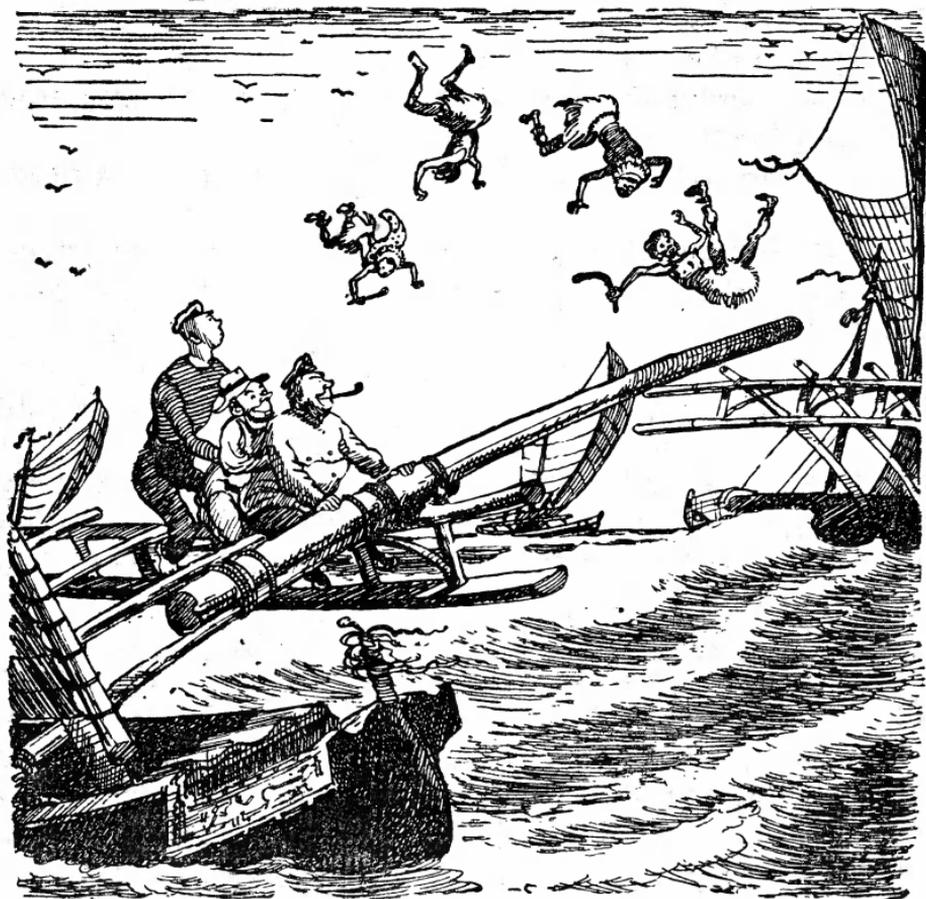
Ну, и отпра́вились мы в дере́вню. Притащи́ли о́нй э́ти бумера́нги. Я как гля́нул, так срáзу и узна́л свой спорты́вные доспе́хи.

— Отку́да э́то у вас? — спра́шиваю.

— А э́то, — отве́чают о́нй, — о́дин посторо́нный негр принёс. Он сейча́с поступи́л военным сове́тником к на́шему вождю́. Но то́лько его́ сейча́с нет, и вождя́ нет — о́нй в сосе́днюю дере́вню пошли́, обсу́жда́ют там план похода́.

Ну, я по́нял, что мой война́ственный адмира́л здесь скопа́лся, и ви́жу — на́до уходи́ть подобра́-поздору́ву.

— Послу́шайте, — спра́шиваю, — а где у вас бли́жайшая доро́га в Си́дней, и́ли в Ме́льбурн, и́ли вообще́ куда́-нибудь?

— А ёто, — отвечаю́т они́, — то́лько мо́рем. По су́ше и далеко́ и тру́дно, заблуди́тесь. Если хоте́те, мо́жете здесь пиро́гу * зафрахтова́ть. Ве́тры сейча́с хоро́шие, в два дня доберё́тесь.

Я вы́брал посу́дину. И страна́ная, доложу́ вам, посу́дина оказа́лась. Па́рус врёде кулька́, ма́чта — как рога́тина, а сбо́ку за бо́ртом — не́что врёде скаме́ечки. Если све́жий ве́тер, так не в ло́дке на́до сиде́ть, а на ётой скаме́ечке как раз. Мне, призна́ться, на тако́м су́дне ни ра́зу не приходи́лось пла́вать, хоть я в па́русном де́ле и не новичо́к. Но тут де́лать не́чего, ка́книбудь, ду́маю, спра́влюсь.

Погрузи́л бумера́нги, взял запáсов на доро́гу, раз-

местыл экипаж. Я в рулѣ, Лом с Фўксом за бортом, вмѣсто балласта. Пóдняли парусá и пошлї.

Тóлько отошлї, смотрю — за нáми в погóню цѣлый флот. Впередї большáя пирóга, а на носу у неѣ — мой странствующий рыцáрь: сам адмирáл Кусáки в фóрме папуáсского вождя.

Я вїжу — догонят. А сдаваться, знáете, неинтересно. Если бы однї папуáсы, с нїми бы я сговорїлся — всѣ-таки австралїйцы, нарóд культурный, — а этот... кто его знáет? Попадѣшься вот так — живьѣм сожрѣт... Слóвом, вїжу, как ни вертїсь, а нáдо принимáть сражѣние.

Ну, взвѣсил обстанóвку и решїл так: вступáть в бой, проливать кровь — к чему этó? Дáй-ка лúчше я их искупаю. Такїм войкам пѣрвое дѣло — гóлову освежїть. А тут вѣтер боковой, крѣпкий, команда у них вся за бортом, на скамѣечках. Так что обстанóвка сáмая благоприятная. Ну и е́сли сдѣлать этакїй штырь подлиннѣе да бы́стро развернúться...

Слóвом, в две минуты переоборúдовал сúдно, сдѣлал поворóт и пóльным ходом пошѣл на сблизѣние. Идѣм на контркúрсах *. Блїже, блїже... Я чуть влево берú руля и, знáете, как метлой смѣл балласт с флагманской пирóги, со вторóй, с трѣтьей... Смотрю — не мóре кругом, а суп с фрикадѣлками. Плывúт папуáсы, барáхтаются, смею́тся — так раскупáлись, что и вылезáть не хотя́т.

Одїн Кусáки недовóлен: вскарáбкался на пирóгу, кричїт, сѣрдится, фы́ркает... А я, знáете, просемафóрил ему: «С лёгким паром», — развернулсá и пошѣл назáд в Сїдней.

А там, в Сїднее, возвратїл бумерáнги владельцу, попрощáлся с партнёром по гóльфу, пóднял флаг.

Ну конечно, провожáющие бы́ли, принесли фрúкты, пирóжные на дорóгу. Я поблагодарїл, отдал швартóвы *, пóднял парусá и пошѣл.

ГЛАВА XVII,

в которой Лом вновь покидает судно

На этот раз неудачно всё получилось. Едва миновали берега Новой Гвиней, нас нагнал тайфун чудовищной силы. «Бедá», как чайка, метáлась по волнам. Нырнёт, выскочит, снова нырнёт... Горы воды падают на палубу. Снасти стóнут. Ну что вы хотите — тайфун!

Вдруг яхта, как волчок, закрутилась на месте, а секунду спустя ветер совершенно затих. Лом и Фукс, незнакомые с коварством тайфуна, облегчённо вздохнули. Ну, а я понял, в чём дело, и, признаться, пришёл в большое расстройство. Попали в самый центр урагана. Тут, знаете, добра не жди.

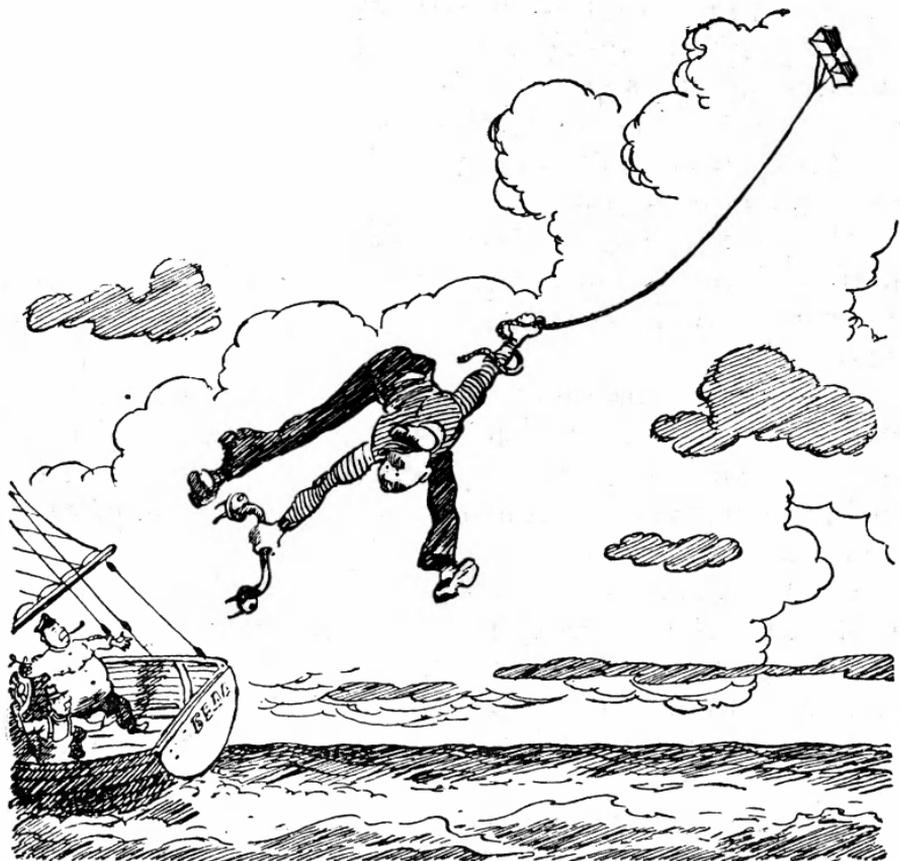
Ну и началось. После непродолжительного затишья ветер снова засвистал, как тысяча чертей, паруса лопнули со страшным треском, мачта согнулась, как удочка, переломилась пополам, и весь рангоут вместе с такелажем полетёл за борт. В общем, потрепало нас, как надо.

А когда разъярённый океан несколько успокоился, я вышел на палубу и осмотрелся. Разрушения были огромны и непоправимы. Запасные паруса и концы, правда, хранились у нас в трюме, но на одних парусах без мачт, сами понимаете, не пойдёшь. И тут, вдали от больших океанских дорог, нас ждала страшная участь: мы годами могли болтаться среди океана. А это, знаете, перспектива не из приятных.

Угроза медленной смерти нависла над нами, и, как всегда в таких случаях, я вспомнил свою долгую жизнь, своё милое детство.

И вот, представьте себе, воспоминание это далó мне ключ к спасению.

Ещё будучи мальчиком, я любил клéить и запускать воздушных змеев. Ну, и, вспомнив об этом прекрасном занятии, я воспрянул духом. Змей! Бумажный змей — вот спасение!

Корзины от прощальных подношений пошли на каркас. Ну, а потом мы сварили клейстер, собрали всё бумажное, что было на судне — газеты, книжки, разную коммерческую корреспонденцию, — и принялись клеить. И скажу вам не хвастаясь: змей получился на славу. Уж кто-кто, а я-то в этом деле специалист. Ну, а когда высохло это сооружение, мы выбрали канат подлиннее, выждали ветерок, запустили...

И ничего, знаете, прекрасно потянуло, пошла наша яхта и снова стала слушать руля.

Я развернул карту, выбираю место, куда зайти для ремонта. Вдруг слышу странные какие-то звуки. Потрескивает что-то на палубе. Встревоженный, поднимаюсь и вижу страшную картину: конец, на кото-

ром держáлся наш змей, зацепился за бра́шпиль и к момéнту моего́ прихода́ перетёрся и, как говорится, на волоскѣ дѣржится.

— Аврál! Все навѣрх! — скомáндовал я.

Лом и Фукс вѣсочили на пáлубу. Стоя́т, ждут моих распоря́жений.

Но распоря́диться бѣло нелегко́. Тут, са́ми понима́ете, ну́жно бы наложи́ть у́зел. Но вѣтер усилился, канáт натяну́лся, как струна́, а струну́, зна́ете, не завяжешь.

И я уже́ думал — всё ко́нчено. Но тут исполíнская сила Лóма нашлá надлежа́щее применѣние. Он, понима́ете, хватáется одной́ рукой́ за канáт, друго́й за скобу́ на пáлубе, напряга́ет бицепсы. На канáте появля́ется слабина́...

— Так держáть, не отпуска́ть ни в ко́ем слúчае! — скомáндовал я, а сам стал накладыва́ть у́зел.

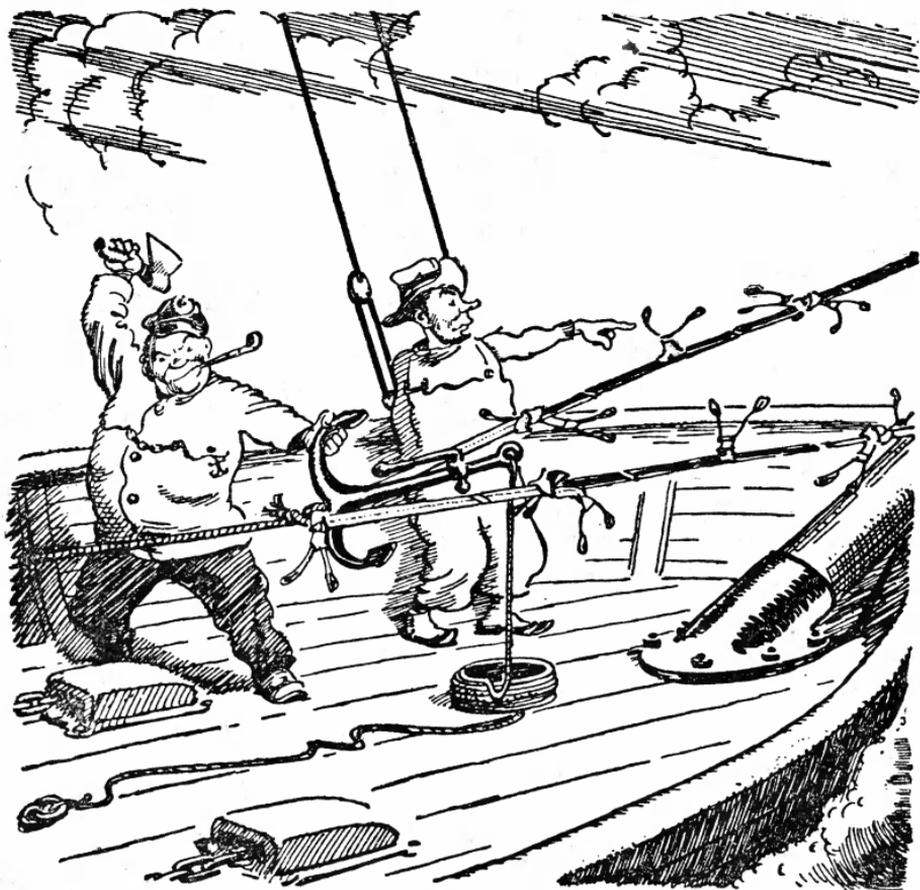
Но тут вдруг неожидáнно шквал налетáет на нас с кормы́, змей рвану́лся, скоба́ вѣлетела из пáлубы, как морковка из грáдки, и Лом взвился в облака́, едва́ успѣв крикнуть:

— Есть так держáть!

Ошеломлённые, мы с Фúксом посмотре́ли вслед. А Лóма уже́ и не видно́ совсѣм. Мелькну́ла в облака́х чѣрная то́чка, и наш хра́брый товарищ поки́нул нас среди́ океáна...

Наконец я пришёл в себя́, взгляну́л на ко́мпас, заметил направлѣние, оцени́л на глаз пого́ду. И, дол́жен сказа́ть, вѣводы получи́лись нева́жные: све́жий вѣтер си́лой в шесть ба́ллов со ско́ростью двадцати́ пяти миль в час уноси́л моего́ ста́ршего помощника́ к берега́м Страны́ Восходя́щего Со́лнца. Мы же сно́ва беспомощно́ болта́лись по волна́м, лишѣнные дви́гателя и управлѣния.

Я расстро́ился, ушёл с го́ря спать и, то́лько немно́го забы́лся, слы́шу — Фукс меня́ будит. Ну, я протѣр глаза́, поднима́юсь и, поверите ли, ви́жу: корáлловый о́стров справа́ по кúрсу. Всё как полага́ется: пáльмы,

лагуна... Тут, знаете, ёсли пристать, можно и парусишки кое-как соорудить. Словом, фортуна, как говорится, нам улыбнулась, но, увы, улыбка-то эта оказалась фальшивой.

Посудите сами: ветерок гонит нас не спеша, вот мы поравнялись с островом, вот он рядом, рукой подать... Но ведь это только так говорится, а поди-ка найди руку в двести сажёней... Словом, ясно: пронёсит мимо.

Другой бы на моём месте растерялся, но я, знаете, не такой. Морская практика рекомендует в подобных случаях забрасывать на берег якорь на конце. Рукой, конечно, не бросишь: тут нужна пúшка или ракета. Ну, понятно, я бросаюсь в каюту, ищú указанные

предмѣты, перерыл, перекопал всё — нет, понимаѣете, ни ракет, ни пушки: недосмотрѣл, не захватил при отпавлѣнии. Лѣзут под руки всё больше предмѣты туалѣта: галстуки, подтяжки... Из них, знаѣете, пушки не сдѣлаешь.

Но тут вновь небольшая экскурсія в прошлое подсказала мне план дальнѣйших дѣйствій.

Я, видите ли, не могу сказать, чтобы в дѣтстве отличался примѣрным поведѣнием. Напрѣотив, с общепрізнанной точки зрѣнія, я хотя хулиганом и не был, но озорником был, не скрою. И такой инструмент, как рогатка, никогда не покидал моего кармана... Да.

Вспомнил я это дѣло, и меня как осенило: пушку, конечно, из подтяжек не соорудишь, а рогатку — почему же? И вот я хватаю шесть пар тугих резиновых подтяжек и устраиваю на палубе такую рогатку увеличенных размѣров.

Ну, а дальше понятнo: заряжаю её небольшим якорем, затѣм мы вмѣсте с Фуксом лебѣдкой натягиваем её потуже. Я командую:

— Вниманіе!

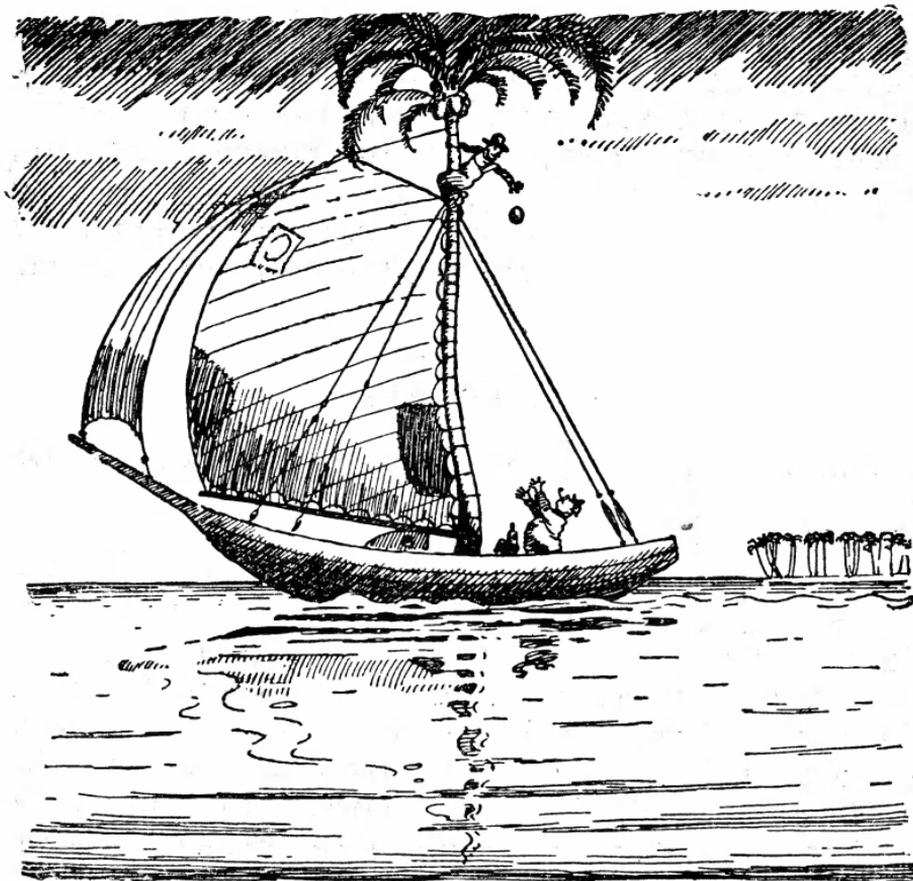
Затѣм обрубаю конѣц, и якорь взвивается, унося с собой тонкий, но прочный канат. И вижу — порядок! Якорь взял ¹.

А полчаса спустя мы уже были на берегу, и наши топоры звенѣли, нарушая торжественную тишину дѣвственного лѣса.

Конечно, тяжелѣнко пришлѣсь вдвоѣм, но справились. Отлично справились.

Тайфун потрепал нас изрядно, пришлѣсь, знаѣете, заново проконопатить борта, просмолить всю яхту, а главное, поставитъ нѣвый рангоут и такелаж. Пришлѣсь потрудиться на славу. Но затѣ всё поправили. А с мачтой так просто прекрасно у нас уладилось: выбрали небольшую стройную пальмочку, выкопали вмѣсте с корнями, да так и поставили целиком. Сверху укрепили, как полагаѣтся, вантами *, а внизу,

¹ Якорь взял — якорь крѣпко зацепился.

в трюме, вместо балласта насыпали земли, полили, и, знаете, принялась наша мачта.

Ну, потом скройли парусá, сшили, подняли и пошли.

Управлять судном с таким вооружением, конечно, несколько непривычно, но зато есть и удобства: листья над головой шумят, зелень ласкает глаз... Потом плоды на пальме созрели, и так это приятно, знаете: стойшь на вахте, жарá, мучает жáжда, но стоит вам несколько подняться по мачте — и в руке у вас молодой кокосовый орех, полный свежего молока. Прямо не яхта, а плавучая плантация...

Да. Идем так, поправляемся на фруктовой диете,

дёржим курс к мѣсту предполагаемой посадки Лóма. День идём, два идём. И вот на трѣтій день по носу у нас открылась земля. В бинóкль вѣдно: порт, входнѣе знáки, гóрод на берегу... Зайтí бы, конѣчно, недúрно, но я, знáете, воздержáлся, не пошёл. Там вообще-то иностранцев не óчень лáсково тогда принимáли, а у меня, тем бóлее, личныe счёты с господíном Кусáки. Ну егó к свíньям!

ГЛАВА XVIII

Сáмая печáльная, так как в ней «Бедá» гíбнет, на ýтот раз уже безвозвратнó

Вот я и пошёл сторóнкой. Идú. День прошёл — ничегó, а к нóчи пал тумán. Такóй тумán — ничегó не вѣдно, хоть глаз выколи. Со всех сторóн сигнáлы, гудкí, сирены воóют, звонят колоколá... Тревожно, но затó, знáете, вѣсело. Да тóлько недóлго продолжáлось ýто веселье. Слышу, летит на нас быстроходное сúдно. Приглядѣлся, вѣжу — минонóсец на пóльном ходу. Я — прáво на борт. Смотрю, и он прáво на борт. Я влево, и он влево...

И вот, понимáете, стрáшный удáр, бортá затрещáли, водá хлынула на пáлубу, и «Бедá», рассечённая пополам, стáла мѣдленно погружáться в пучíну.

Ну, вѣжу, конѣц!

— Фукс, — говорю я, — берите спасáтельный круг и плывите прýмо на вест. Здесь недалекó.

— А вы? — спрашивает Фукс.

— А мне, — говорю, — нéкогда. Вот зáпись нýжно сдѣлать в журнáле, с сúдным попрощáться, а глáвное, мне тудá не по дорóге...

— И мне, Христофóр Бонифáтьевич, тóже не по дорóге. Не тýнет меня тудá.

— Напрáсно, Фукс, — возражáю я, — там всё-таки бѣрег, разлíчные красóты, свящённая горá Фузйáма...

— Да что красóты! — отмахну́лся Фукс. — Там с го́лоду но́ги протя́нешь. Рабо́ты не найдёшь, а по ста́рой специа́льности, по ка́рточной ча́сти, мы прóтив них никуда́ не годи́мся. Обдеру́т, как ли́пку, по́ миру пу́стят. Уж я лу́чше с ва́ми.

И так меня́ трóнула э́та ве́рность, что я ощути́л прили́в сил. «Эх, — ду́маю, — ра́но панихи́ду петь!» Осмотрéл разме́ры повреждéний, достáл топо́р.

— Авра́л! — кома́ндую. — Все на́вэрх! Сна́сти долóй, руби́ть ма́чту!

Фукс рад стара́ться. Таку́ю эне́ргию прояви́л, что я прóсто удиви́лся. Да и то сказа́ть: лома́ть — не де́лать, душа́ не боли́т.

Ну, и не успéли мы оглянúться, па́льма на́ша уже́ за бо́ртом. Фукс пры́гнул тудá, я ему́ переда́л кое-ка́кие це́нности. Бро́сил спаса́тельный круг, ко́мпас вме́сте с накто́узом *, па́ру ве́сел, анкеро́к * во́ды, из гардеро́ба кое-что...

А сам всё на па́лубе, на «Бедé». И вот чу́вствую, настаёт последняя мину́та: корма́ взды́билась, ко́рпус погружа́ется, сейча́с нырнёт...

У меня́ слéзы бры́знули из глаз... И тут, зна́ете, я хватаю́ топо́р и со́бственной руко́й вырубáю кормо́вую до́ску с б́уквами...

Ну, а затéм в во́ду — и к Фу́ксу на па́льму. Са-жу́сь верхо́м и наблюдаю́, как океа́н поглоща́ет оста́тки моего́ многострада́льного су́дна.

И Фукс наблюдаёт. И ви́жу — у него́ то́же слéзы на глаза́х.

Я протяну́л ему́ ру́ку.

— Ничего́, — говорю́, — не уныва́йте, мы ещё́ с ва́ми поплывём. То ли ещё́ бывáет...

Да. Ну, зна́ете, посмотре́ли ещё́ на то ме́сто, где во́лны сомкну́лись над су́дном, и ста́ли устраи́ваться. И, предста́вьте, устро́ились не без удо́бств.

Конéчно, по́сле я́хты чу́вствуется не́который недо-ста́ток комфо́рта, но всё же са́мое необходи́мое бы́ло у нас. Установи́ли ко́мпас, сооруди́ли кое-ка́к пару-

сйшко из старой тельняшки, спасательный круг на ветку повесили, а кормовую доску я вместо письменного стола приспособил.

В общем, всё хорошо, только ногам мокро.

И вот однажды видим — сзади, за кормой, дымок. Я уж думал — опять тот миноносец, но оказалось, что это просто «купец» — бродячий пароход под английским флагом. Я не хотел просить помощи: как-нибудь, думаю, сам доберусь. Но тут так получилось.

Я, как заметил судно, сейчас же достал письменные принадлежности и стал делать соответствующую запись в вахтенном журнале. А капитан этого парохода, со своей стороны, заметив нас, взял подзорную трубу и, понятно, обнаружил не совсем блестящее по-

ложение нашего судна, если можно назвать судном подобное сооружение.

Но он всё же сомневался, идти ли на помощь, поскольку мы не проявляли признаков паники и не подавали соответствующих сигналов...

Вот тут-то, понимаете, обстоятельства и сложились так, что он неожиданно изменил своё решение.

Я, видите ли, как раз в это время закончил запись и поставил свой временный стол, так сказать, стоймя. И вот буквы блеснули. Капитан увидел слово «Бедá» и принял его за призыв на помощь или за сигнал бедствия, что ли. Ну, повернул к нам, а полчаса спустя нас уже подняли на борт и мы с капитаном за чаркой рома обсуждали этот забавный случай...

Да. Пальму я ему подарил, он её в салоне приказал поставить, вёсла, компас тоже отдал, а себе оставил круг и кормовую надпись. Всё-таки, знаете, память.

Ну, посидели. Он рассказal, что идёт в Канаду за лесом, потом о новостях поговорили, потом он ушёл, а я остался ещё почитать свежие новости.

Сижу, перелистываю газеты. Ну, что там в газетах! Больше всё объявления, картинки, сплетни, всякая дезинформация...¹ И вдруг — заголовок на всю страницу: «Налёт с воздуха... Преступник бежал!»

Я заинтересовался, понятно. Читаю и вижу — весь этот шум из-за Лóма. Он, оказывается, на своём змее снизился возле самой Фузиймы. Тут, конечно, собралась толпа, змея разорвали в клочья, разобрали на память.

А змей-то ведь был из газет! Ну и взялась за это дело полиция. Обвинили Лóма в незаконном провозе запрещённой литературы. Я не знаю, чем бы это кончилось, но тут, к счастью, небо покрылось тучами, раздались глухие подземные удары... Толпу охватила паника, и все разбежались в ужасе.

¹ Дезинформация — намеренно неправильное освещение событий.

На склоне священной горы только и остались мой старший помощник Лом и чины японской полиции.

Стоят, смотрят друг на друга. Земля под ними колеблется... Это, конечно, необычное состояние для поверхности нашей планеты, и у многих оно вызывает различные проявления страха. Но Лом — он, знаете, всю жизнь на борту, привык к качке... Ну, и не сумел надлежащим образом оценить грозную силу происходящего, пошел не спеша вверх по склону горы. А тут, понимаете, как это говорится, «земля развезлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней. А затем всё покрылось хлопьями сажи и мраком неизвестности.

Полиция потеряла следы Лома и теперь ищет его. Но тщетно.

ГЛАВА XIX,

в концé котóрой неожíданно появля́ется Лом и поёт про себя́

Вот, со́бственно, и всё, что я узна́л из газёт. Но, зна́ете, и э́того достáточно, чтóбы расстрóиться. И так не слáдко. Шутка ли! Сýдно потеря́л, а тут ещё това́рищ и помо́щик попа́л в такую́ истóрию. Была́ бы яхта, плю́нул бы на Куса́ки, пошёл бы выруча́ть Ло́ма. А тепе́рь жди, пока́ приде́м в порт назна́чения. И оттúда на́до ка́к-то выбра́ться, и в ка́ссе у нас с Фúксом не гу́сто, и парохо́д иде́т ме́ленно.

Я — к капита́ну.

— Нельзя́ ли, — говорю́, — прибáвить хо́ду?

— Рад бы, — отвеча́ет тот, — да у меня́ кочегáров ма́ло, не справля́ются, еле́ пар де́ржат.

Ну, зна́ете, я подумáл, с Фúксом посове́товался, отдохну́ли ещё́ денёк, и наняли́сь кочегáрами. Жа́лованье, коне́чно, небольшо́е, но, во-пе́рвых, на стол не тра́тится, а во-вторы́х, за рабо́той всё-таки не так ску́чно, да и парохо́д скорее́ пойдёт...

Ста́ли на ва́хту.

Спецóвки там не даю́т, а у нас то́лько и оста́лось, что на себе́. Разде́лись, в це́лях эконо́мии оста́лись в одних труса́х. Это, впро́чем, и лу́чше: жарá там в кочегáрке. А вот с обу́вью пло́хо. Под нога́ми уго́ль, горя́чий шлак, разу́ться — жа́рко, а обу́ться — жа́лко, послед́ние боти́нки погу́бишь.

Но мы, зна́ете, не растеря́лись: взяли́ четы́ре ве́дра, на́лили воды́, и та́к-то сла́вно получи́лось! Стои́шь в них, в ве́драх-то, как в кало́шах, а е́сли уголёк ка́кой упаде́т, то́лько «пшик» — и всё тут!

Я в кочегáрке справля́лся легко́, мне не вперво́й, а Фу́кс, ви́жу, сдаёт. Наби́л по́лную то́пку, уго́ль спёкся коро́й, он его́ ковыря́ет лопáтой.

— Эх, — говорю́, — ра́зве здесь лопáтой что сде́лаешь? Здесь подломáть на́до. Где лом?

И вот, пове́рите ли, слы́шу — за спиной́ кто́-то глúхо так:

— Есть Лом к вашим услугам!

Обернулся, смотрю — из кучи угля вылезает мой старший помощник Лом: тощий, чёрный, небритый, но всё же Лом собственной персоной. Я, знаете, так и сел от неожиданности!..

Ну, понятно, расцеловались. Фукс даже всплакнул. Дочистили втроём топки, уселись, и Лом рассказывал о своих злоключениях.

В газете о нём всё верно писали, кроме налёта и злого умысла. Какой там налёт — просто ветром занесло. Да. Ну, а когда колебания почвы прекратились, он спустился в город. Идёт, боится, оглядывается по

сторонám. И куда ни посмотри́ — полицéйский, куда ни поверни́сь — шпик...

Мо́жет, е́сли бы он сохрани́л споко́йствие, удало́сь бы проскользну́ть незаме́тно, но тут сто́лько нёрвных потрясе́ний — ну и сдрéйфил па́рень, стал прибавля́ть ша́гу и сам не заме́тил, как пусти́лся бего́м.

Бежи́т, оглядывается. А за ним бегу́т шпикí, жанда́рмы, полицéйские, мальчи́шки, соба́ки, рíкши, авто-моби́ли... Крик, гам, то́пот...

Ну, и куда́ тут подáться? Он, зна́ете, вниз, к мо́рю. Забра́лся в уго́льную га́вань, закопа́лся в уго́ль и сиди́т. А тут как раз э́тот парохо́д стал под погру́зку. Гру́зят там по кана́тной доро́ге: цепля́ют пра́мо ковшо́м, ско́лько захва́тят, а над парохо́дом ковш опро-ки́дывается.

Вот, зна́ете, и захвати́ло Ло́ма. То́лько он очну́лся, хоте́л вы́скочить из ковша́, ду́мал, зна́ете, о́пять его́ лобят, а ковш у́же поёхал, пото́м переверну́лся, а Лом да́же а́хнуть не успе́л — и хлоп в бу́нker! *

Пощу́пал ру́ки, но́ги — всё це́ло; уйти́ не́куда, дыша́ть есть чем... Ну и реши́л испо́льзовать вы́нужденное безде́йствие — вы́спаться хороше́нко.

Закопа́лся в уго́ль и засну́л. Так и спал, пока́ не услы́шал моёй кома́нды.

Да. В о́бщем, всё к лу́чшему получи́лось. Экипа́ж «Бе́ды» о́пять соедини́лся, и мы ста́ли стро́ить пла́ны возвра́щения. Тут и ва́хта подошла́ к концу́, и вот я поразмы́слил: мы-то с Фу́ксом попа́ли на парохо́д за-ко́нным порядко́м, как потерпе́вшие бе́дствие, а Лом — во-пе́рвых, за́яц, а во-вторы́х, вро́де бе́глого престу́пника. Кто его́ зна́ет, э́того капита́на? Пока́ по-хоро́шему — и он хоро́ш, а узна́ет об э́той исто́рии, вы́даст Ло́ма вла́стям, а пото́м выруча́й его́! Слово́м, я посо-ветова́л.

— Сиди́те, — говорю́, — тут. Вы тепе́рь приви́кли. Поку́шать мы вам принесём, а ва́хту вме́сте бу́дем сто́ять. Оно́ и нам полéгче — всё-таки три́дцать три процéнта эконо́мии сил. Да так и безопа́снее бу́дет.

Ну, Лом согласился без споров.

— Только, — говорит, — скучновато будет. Там темно, а я теперь выспался. Не знаю, чем заняться.

— Ну, — возражаю я, — это можно придумать. Стихи хорошо в темноте сочинять, или вот попробуйте до миллиона считать — это очень помогает от бессоницы...

— А можно петь, Христофор Бонифатьевич? — спрашивает он.

— Да как вам сказать... — говорю. — Особенно я не рекомендовал бы, но, если нравится — пойте, только про себя.

Да. Ну, достояли вахту. Сменились. Лом назад в бункер полёз, мы с Фуксом — на палубу. Вдруг, смотрю, вылетают кочегары как ошпаренные.

Я спрашиваю:

— Что случилось?

— Да там, — отвечают они, — в бункере, какая-то нечисть завелась. Воет, как сирена, а что воет — непонятно.

Ну, я понял сразу.

— Постойте, — говорю, — я спущусь, выясню, в чём там дело.

Спускаюсь, слышу — действительно, звуки ужасные: мелодия несколько неопределённая, и слова не очень складные, но голос, голос... Не знаю, как вам и передать. Я раз на Цейлоне слышал, как слоны трубят, так то было райское пение.

Да. Прислушался я и понял, что это Лом поёт. Ну, полёз в бункер, хотел отчитать его за несоблюдение осторожности. И, пока лез, догадался, что сам виноват: опять, знаете, неточно отдал распоряжение. Всегда у меня с Ломом на этой почве недоразумения.

Лёзу и слышу:

Я старший помощник

С корвета * «Бедя».

Его поглотила

Морская вода.

И вот я тепёрь
На чужом кораблѣ,
Сижú, как преступник,
На жѣстком углѣ...

И ничего, знаёте, не скажешь: действительно про себя поёт, всё верно... Вот только насчёт корвета он, конечно, несколько преувеличил. Какой там корвет!.. А впрочем, это своего рода украшение речи. В песне это допускается. В рапорте, в рейсовом донесении, в грузовом акте, конечно, такая неточность неуместна, а в песне — почему же? Хотя дредноутом назови, только солиднее звучать будет.

Я всё-таки Лóма остановил.

— Вы, — говорю, — не так меня поняли, дорогой. Вы лучше про нас пойте, только чтобы никто не слышал. А то как бы неприятностей не вышло.

Ну, замолчал он, согласился.

— Верно, — говорит, — вы разрешили, а я не подумал. Не стану я больше петь, я уж лучше посчитаю...

Вылез я, успокоил кочегаров. Объяснил, что, мол, это в топке огонь гудел. Это и механик подтвердил.

— Бывает, — говорит, — такое явление.

ГЛАВА XX,

в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках, а Врунгель практически проверяет законы алгебры

И вот наконец прибыли мы в Канаду. Мы с Фуксом сошли, распрощались с капитаном, а ночью и Лóма контрабандным порядком переправили на берег. Сели в тихой таверне¹, обсудили положение и соображаем, как дальше добираться. Маршрут нас не смущал. Решили так: из Канады в Аляску, из Аляски через Берингов пролив на Чукотку, а там мы дома, там уж как-нибудь...

¹ Таверне; таверна — кабачок, трактир, закусовая.

В этой части план утвердили.

А вот средства передвижения заставили призадуматься. Тут зимой, знаете, реки стали, снег кругом, железных дорог нет, на автомобиле не проедешь. Пароходом — это надо ждать до весны...

Мы посоветовались и решили купить нарты, ну и там что попадет — оленя или собак. Разошлись промыслять кто куда...

Я за нартами отправился, Лом пошел искать оленя, а Фукс взялся собак достать.

Нарты мне попались прочные, красивые, удобные. Лом несколько меньше преуспел. Привел пятнистого оленя средней упитанности. Тут его специалисты осмотрели, освидетельствовали и дали характеристику: по рогам, мол, олень первого класса, а по ногам — ниже среднего: копыта узкие.

Ну, мы реши́ли попрóбовать. Запрягли́. Не везёт олень. По снóгу ещё кое-как, а на́ реку, на лёд вы́шли — наш олень ша́гу ступи́ть не мо́жет. Но́ги так и разъезжа́ются.

Я ви́жу — на́до бы подкова́ть его́, да подко́в нет.

И тут, зна́ете, пригоді́лась кормова́я доска́. Неда́ром я её, зна́чит, вёз. Отвинти́ли мы от неё ме́дные бу́квы и те́ми же шуру́пами кое-как оленю́ к копы́там приспособи́ли. И помогло́, зна́ете, но пло́хо. Пра́вда, дрейф у оле́на стал поменьше́, а хо́да всё равно́ не прибави́лось. Лени́вая скоти́на попа́лась!

Тут Фукс пришёл со своёй поку́пкой. Привёл э́дакую небольшо́ую соба́чку с о́строй мо́рдочкой. По аттеста́ту соба́чка — призово́й вожа́к, передово́й. Ну, мы её и реши́ли запряга́ть по специа́льности, вперёдсмотря́щим, так сказа́ть.

Но э́то легко́ сказа́ть. С оленем-то мы спра́вились сра́зу: напя́лили ему́ вме́сто хомута́ спаса́тельный круг (то́же и круг пригоді́лся, как ви́дите; в хоро́шем хозяйстве всё в де́ло пойдёт). А соба́ка, зна́ете, не даётся, куса́ется, ска́лит зу́бы. Поди́-ка запряги́ такую́!

Ну, кое-как всё-таки обра́тали. Сооруди́ли ей ду́гу, ввели́ насильно́ в огло́бли, отпусти́ли...

Ну, доложу́ я вам, и нача́лось представле́ние! Олень бьёт копы́тами, потряса́ет рога́ми, соба́ка во́ет, и живóтные, предста́вьте, дово́льно ре́зво пята́тся за́дом.

Я уже́ хоте́л так, за́дним хо́дом, и отпра́вляться, но для о́пыта реши́л их места́ми поменя́ть. Хотя́ и говори́тся, что от перестанóвки слага́емых результа́т не меня́ется, но э́то, зна́ете, в а́лгебре, а тут совсе́м друго́е де́ло.

Ну, перестави́ли, перепрягли́.

И что бы вы ду́мали? Припусти́л наш олень и́ноходью¹, то́лько пята́ки сверка́ют.

¹ Иноходью; и́ноходь — о́собый бег, при кото́ром живóтное выбра́сывает вперёд обе пра́вые но́ги, пото́м обе ле́вые.

И собака — за ним. Лязгает зубами, подвываёт, однако тоже тянет, как паровоз.

Мы с Лóмом едва на нарты сумели вскочить, а Фукс — тот только и успел ухватиться за верёвку. С полмили так и проехался, вроде штормового якоря.

Ну, доложу я вам, и гонка досталась! Лаг * я с собой не взял, да и пользоваться им на льду затруднительно. Однако, судя по береговым предметам, скорость у нас была потрясающая. Селения мелькают, пронóсятся, как в тумане, нарты прыгают по льду, в ушах свистит.

У оленя пар из ноздрей, копыта сверкают и так это лóвко печатают: «Б-Е-Д-А», как на машинке.

И собáчка старáется, скулёт, подвывает, язык на стóрону сверну́ла, одна́ко то́же не отстаёт.

Слóвом, не успели оглянúться — граница Аляски. Тут полицéйские с винтовками, с фла́гами...

Я, знáете, решил притормозить: неудобно пересекáть границу без соблюденiя формáльностей. Кричú: — Мáлый ход, сто́й!

Кудá там! Олénь мой не смóтрит, не слúшает, не сётся как заводно́й.

Тут одiн шериф взмахнул платкóм, другiе дáли залп... Я думал — конéц, одна́ко вижу — всё благополúчно. Понеслись дáльше. И минúт этак через пять обгоняем упряжку, потóм ещё две упряжки, потóм я ужé и считáть перестáл — стóльких пообгоняли. Те торóпятся, а я рад бы потiше éхать, да не могу́ удержáть свою пáру... И вот открывáется форт Юкóн за поворо́том. Там нарóд столпiлся на льду. Мáшут, кричáт, палáют в вóздух. Стóлько нарóду собралось, что не вы́держал лёд, провалился.

Толпá раздалась к берегáм, а у нас прýмо по носу огрóмная полынья, и мы с опáсной скóростью приближáемся прýмо к ней. Я вижу — дéло плóхо. Ну и решилсá: накренил нáрты нáбок, оглóбли сломáлись, я — хлоп в снег со всем экипáжем, а олénь мой с разгóна прýмо в вóду, и с собáкой, со всем.

Могли бы и утонúть, да спасáтельный круг не дал. Смотрю — плáвают, фýркают, отдувáются...

Тут благожелáтели из пúблики принесли аркáн, зачáлили олénя за рогá, потянúли... И представьте, хвалёные рогá благородного живóтного отделились без всякого трудá, а из-под них вы́глянули корóтенькие рóжки, на манёр корóвьих! Ну, эти, к счáстью, прóчно держáлись. За них вы́ташили всю упряжку на лёд. Олénь мой встряхнулсá, полизáл в ноздрях, да как замычит жáлобно, как корóва!

Я приглядéлся, вижу — корóва и есть, тóлько без хвостá. Обманúли Лóма в Канáде. И понятнó, почему наш олénь танцевáл без подкóв, как корóва на

льду. А вот откúда у него несвóйственная этому жи-
вóтному рёзвость взялась, я не сразу пóнял.

Однако специалисты-собáчники и это мне разъяс-
нили. Фукс тóже, окáзывается, попал впросák: ему
вместо собáки молодóго волчóнка подсúнули.

И вот замéйте, как интересно: волчóнок сам по
себе как собáка ничегó не стоит — дрянь, а не собá-
ка; корóва самá по себе не олень, а вместе как
слáвно получилась. Вот тут закóн álгебры как раз по-
дошёл: мýнус на мýнус даёт плюс, как говоритcя.

Да. Ну, когда нéсколько улеглись страсти, вы-
яснилась и причíна столь торжéственной встрéчи.
У них там в этот день была зímняя гóнка, и мы не дý-
мали, не гадали, а вышло так, что пёрвое мéсто за-
няли.

ГЛАВА XXI,

в котóрой адмирáл Кусáки сам помогает Врúнгелю выпутаться из весьма
затруднительного положéния

Дня три мы гостíли в Юкóне, самí отдохнóли, да-
ли живóтным отдохнуть. Нам как гостя́м предоста́ви-
ли пóлную свобóду, тóлько взяли подпíску, что мы
никуда из дóма отлучáться не бóдем, и для вёрности
двух детектíвов¹ поставили у крыльцá. Ну, а потóм
запрягли мы свой нáрты и трóнулись в путь. Юкóн
пролетéли стрелóй, вы́брались в Бёрингов пролив и
взяли курс пря́мо на Чукóтку. До óстрова Лаврентия
хорошо проёхали, а тут получилась задёржка. Под-
нялся шторм, взломáло льды, и мы перед трéщиной
застряли, как на мелí.

Разб́или ледóвый лагерь под торóсом *. Ждём, ко-
гда льды сойдóтся. Так бы онó ничегó, торопíться нам
осóбенно нёкуда, и с питáнием благополúчно: по до-
ро́ге мы запаслись мясцóm, ры́бкой, морóжеными
ры́бчиками. Ну, опя́ть же и от корóвы молочкó. Сло-

¹ Детектíвов (детектíв) — сýщиков.

вом, с голоду не погибли бы, а вот с холодом туго пришлось. Сидим, прижались друг к другу, дрожим. Особенно Фукс страдал: борода у него обмерзла, вся в сосульках, ноет парень, жалуется. Лом тоже держится из последних сил... Да...

Ну, я вижу, надо что-то придумывать. Сижу, размышляю о различных способах отопления. Дрова, уголь, керосин — это всё нам не подходит... Ну, вспомнил: как-то я был в цирке, там один гипнотизёр пристальным взглядом воду кипятит.

Вот бы, думаю, мне так! Воля у меня могучая, железная воля. Почему не попробовать? Устоялся на льдину — не кипит, не тает даже... Ну, я понял, что всё это ерунда, обман, просто цирковой номер. Ловкость рук или, проще сказать, фокус... И только это слово вспомнил, блестящая идея зародилась в извилинах моего мозга.

Я схватил топор, выбрал подходящую глыбу льда, разметил, обработал соответствующим образом и возвращаюсь к нашему лагерю:

— А ну-ка, товарищи, помогите мне установить фокус.

Лом поднялся, ворчит:

— Удивляюсь я на вас, Христофор Бонифатьевич! Тут впору в сосульку обратиться, а вы ещё фокусами развлекаетесь!

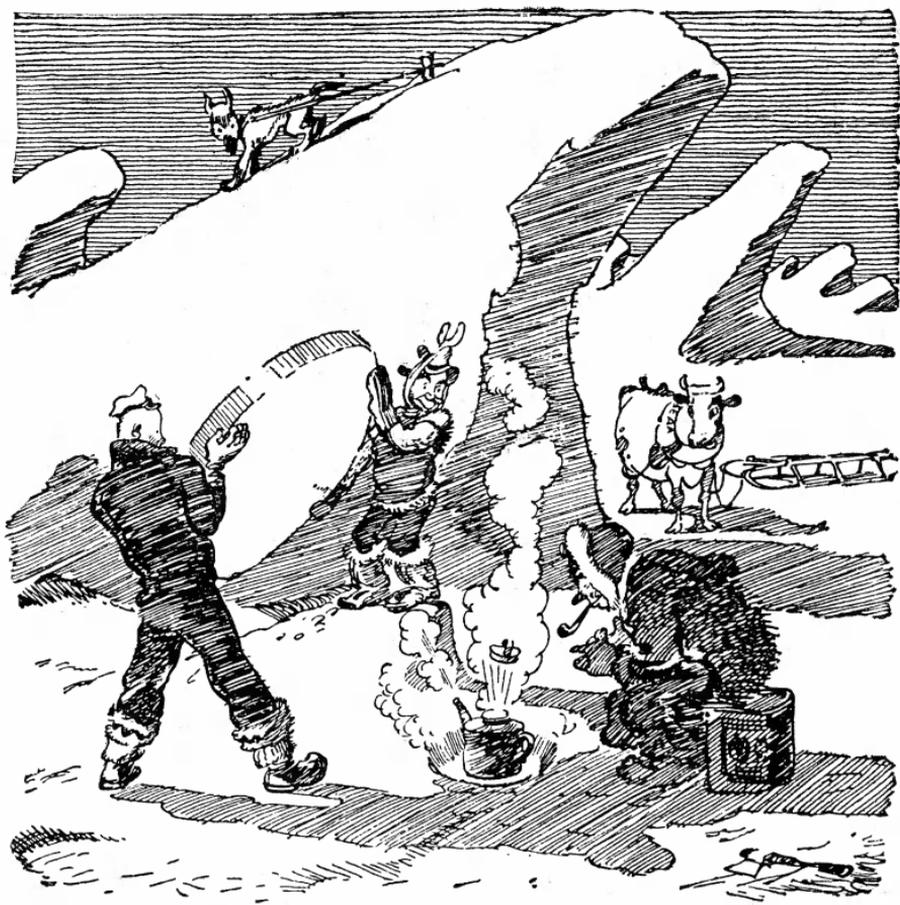
Фукс тоже ропщет:

— Фокусы-покусы! В Красном море я в одних трусиках купался, и то было жарко, а тут три пары недель — всё равно никак не согреюсь. Вот это фокус так фокус!

Ну, я прикрикнул на них:

— Отставить неуместные разговоры! Слушать команду! Поднять эту ледышку! Так держать! Пять градусов влево! Ещё левее...

И вот, знаете, подняли творение моих рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лёд, глядим — так и буравит, только пар свистит. Навели на

чайник — мгновенно закипел, даже крышка взлетела. Вот каким образом и холод одолели. Живём. Привыкать стали, обжились так, что и уезжать не хотелось. Болка пеммиканом кормим, корову сеном. Сами тоже сыты, не голодаём. А тут и льды сошлись.

Запрягли мы своих рысаков в последний раз и помчались прямым курсом на Петропавловск.

Прибыли, высадились. Представились местным властям. Ну, должен сказать, приняли нас великолепно. Тут, знаете, за нашим походом следили по газетам, последнее время беспокоились, и, когда я рассказал, кто мы, нас, как родных, обласкали: кормят, ухаживают, по гостям водят. Корову мы расковали, сдали в колхоз по акту, волчонка ребятам в школу

подари́ли для живо́го уголка... Да что рассказы́ывать... Век бы там гостить, так и то ма́ло.

Но тут, зна́ете, весна́ подошла́, сломало́ льды, и мы затоскова́ли по мо́рю. Как утро — на бе́рег. Когда́ на охóту — морже́й постреля́ть, а то и прóсто так — посмотре́ть на океа́н.

И вот одна́жды выхо́дим все втроём, прогу́ливаемся. Фукс на со́пку полёз. Вдруг слы́шу — кричи́т стра́шным го́лосом:

— Христофо́р Бонифа́тьевич, «Беда́»!

Я ду́мал, что случи́лось: и́ли там ка́мнем но́гу придави́ло, и́ли медве́дя встрети́л, — ма́ло ли что! Бро́сился на по́мощь, Лом то́же полёз. А Фукс всё кричи́т:

— «Беда́», «Беда́»!

Взобрали́сь мы к нему́ и, предста́вьте, действите́льно ви́дим — идёт «Беда́» под все́ми паруса́ми.

Ну, бро́сились в го́род. А там уже́ гото́вятся к встрече... Мы на при́стань. Нас пропусти́ли, ниче́го. Одна́ко смóтрят уже́ не́сколько недовере́чиво.

Я ниче́го не понима́ю. Как же так, че́рт возьми́! Ведь на мои́х глаза́х «Беда́» пошла́ ко дну. Да что глаза́ — глаза́ и обману́ть мо́гут. Но ведь есть соотве́тствующая за́пись в ва́хтенном журна́ле. А ведь э́то, как-ника́к, докуме́нт, бума́га. И Фукс свиде́тель, а выхо́дит так, что я дезерти́ровал, что ли, с су́дна в мину́ту опа́сности. «Ну, — ду́маю, — подойду́т побли́же, разберёмся».

А подошла́ яхта — и во́все ста́ло непоня́тно. Смотрю́ — за руле́м стои́т Лом, тут же ря́дом — Фукс, шкóтовым. А у ма́чты — я и кома́ндую подхо́дом.

«Да тако́го — ду́маю, — не мо́жет быть! Мо́жет быть, э́то не я?» Пригляде́лся: нет, я. Тогда́ на бере́гу не я: Пошу́пал живо́т: нет, и на бере́гу врёде я. «Что же э́то, — ду́маю, — раздво́ение ли́чности, что ли? Да нет, ерунда́ всё э́то, прóсто сон мне присни́лся...»

— Лом, — говорю́, — ну-ка, ущипни́те меня́.

А Лом то́же сам не свой.

Однако, знаете, ущипнул, постарался так, что я не сдержался, вскрикнул даже...

Тут внимание собравшихся обратилось на меня, на Лома, на Фукса. Обступили нас.

— Ну, — говорят, — капитан, может быть, вы объясните создавшееся положение?

А «Бедá» между тем подходит по всем правилам. Вот, знаете, кранцы* выложили. Дали выброску*, пристаёт. Вот этот двойник мой раскланивается, берёт под козырёк.

— Разрешите, — говорит, — представиться: капитан дальнего плавания Врунгель с командой. Заканчивая кругосветный спортивный поход, прибыл в порт Петропавловск-Камчатский...

Публіка на пристани кричіт «ура́», а я, знаєте, так ничегó и не понима́ю.

Нужно вам сказа́ть, что я ни в каку́ю чертовщину не ве́рю, но тут пришло́сь призадума́ться. А как же, понима́ете? Стои́т передо мной живо́е привиде́ние и разговáривает са́мым наха́льным о́бразом.

А гла́вное, я в дура́цком положéнии. Вро́де э́такого мистифика́тора и́ли самозва́нца... «Ну ла́дно, — ду́маю, — поглядим, что да́льше бу́дет».

И вот, зна́ете сходи́т они́ на бе́рег. Я стремлю́сь вья́снить положéние, пробира́юсь к ним, но меня́ оттира́ют, и слы́шу: тому́ Вру́нгелю расска́зывают, что тут е́сть уже́ оди́н Вру́нгель с кома́ндой.

Он остано́вился, осмо́трелся кругóм и вдруг за-явля́ет:

— Ерунда́! Не мо́жет быть ника́кого Вру́нгеля: я его́ сам потопи́л в Ти́хом океа́не.

Я как услы́шал, так срáзу всё по́нял. Ви́жу, понима́ете, ста́рый прія́тель, мечта́тель адмира́л, госпо́дин Ха́мура Ку́саки под меня́ рабо́тает.

Ну, пробі́лся я со своёй кома́ндой, подхо́жу вплотну́ю к нему́.

— Здра́вствуйте, — говорю́, — адмира́л! Как до-еха́ли?

Он растеря́лся, молчи́т. А тут Лом подступи́л, да как размахне́тся — и Ло́ма но́мер два оди́м богаты́рским уда́ром пове́рг на́земь. Тот упáл, и гляди́м — у него́ вме́сто ног ходу́ли торча́т из брюк.

Тут Фу́кс осмеле́л, подлете́л к Фу́ксу но́мер два, вцепи́лся ему́ в бо́роду и оторва́л ра́зом.

Ло́му-то с Фу́ксом хорошо́: у одно́го рост, у друго́го борода́, а у меня́ ника́ких характе́рных прізна́ков... «Чем же, — ду́маю, — мне́-то свое́го дво́йника до́нять?»

И вот, пока́ ду́мал, он сам придума́л лу́чше меня́. Ви́дит, де́ло дрянь, достаёт ко́ртик, хвата́ет двумя́ рука́ми — раз-ра́з! — и распоро́л живо́т на́крест... Характе́ры, са́мый самура́йский аттракцио́н... Я да́же за-

жму́рился. Не могу́ я, молодóй человек, на такие ве́щи хладнокрóвно смотре́ть. Так с закрýтыми глаза́ми и стою́, жду.

Вдруг слы́шу — наро́д на берегу́ тихо́нько посме́ивается, пото́м погро́мче, а там и хóхот пошёл. Тогда́ я открýл глаза́ — и о́пять ниче́го не понима́ю: тепло́, со́лнце све́тит, и не́бо чи́стое, а отку́да-то вро́де снег идёт.

Ну, пригляде́лся, ви́жу — двойни́к мой заме́тно поху́дёл, одна́ко жив, а на животе́ у него́ зия́ет о́грóмная ра́на и из неё пух летíт по все́му бе́регу...

Тут, зна́ете, ко́ртик у него́ отобра́ли, взяли́ под бе́лые ру́ки дово́льно ве́жливо и повели́. И кома́нду его́

повелі. А мы не успели опомниться, смóтрим — ка-
чают нас.

Ну, покачали, успокоились, выяснили отношения,
потом пошли яхту осматривать.

Я вижу — не моя яхта, однако очень похожа. Не
обошел бы я на своей весь мир — сам мог бы перепу-
тать. Да. Ну, заприходовали эту посудину, как полага-
ется, а на другой день и пароход пришел.

Распрощались мы. Потом я с Фуксом уехал и вот,
видите, до сих пор жив, здоров и молод душой. Фукс
исправился, поступил на кинофабрику злодеев иг-
рать: у него внешность для этого подходящая. А Лом
там остался, командовать этой яхтой.

Вскоре я от него письмо получил. Писал он, что
ничего, справляется, и яхта неплохо ходит. Конечно,
эта «Бедá» не «Бедá». Ну, да это не беда, всё-таки
плавает... Да.

Вот так-то, молодой человек. А вы говорите, что я
не плавал! Я, батенька мой, плавал, да еще как пла-
вал! Вот, знаете, стар стал, память слабеет, а то бы я
вам рассказal, как я плавал.

ГЛАВА XXII,

дополнительная, без которой иной читатель мог бы и обойтись

До позднего вечера сидел я тогда и слушал, бо-
ясь проронить слово. А когда Врунгель закончил свой
необыкновенный рассказ, я спросил почтительно и
скромно:

— А что, Христофор Бонифатьевич, если бы за-
писать эту историю? Так сказать, в назидание¹ по-
томству и вообще...

— Ну что же, — ответил он, подумав, — запиши-
те, пожалуй. Мне скрывать нечего, правду не ута-
ишь... Пишите, голубчик, а как закончите, я просмо-
рю и поправлю, если что не так...

¹ В назидание; назидание — поучение, наставление.

В ту же ночь я сел за работу, и вскоре объёмистый труд, начисто переписанный крупным почерком, лежал у Врунгеля на столе.

Христофор Бонифатьевич внимательно просмотрел мои записки, кое-где сделал незначительные, но весьма ценные поправки, а через два дня, возвращая мне рукопись, сказал несколько огорчённо:

— Записали вы всё правильно, слово в слово... Вот только с вами-то я по-своёйски говорил, как моряк с моряком, а иной попадётся бестолковый читатель и, может случиться, не так поймёт. У меня у самого в молодости презабавный был случай: я ещё тогда только-только на море пришёл, юнгой¹ плавал. И вот стояли мы как-то на якоре... Штурман был у нас — серьёзный такой человек, не дай бог. Собрался он на берег. Прыгнул в шлюпку и кричит мне:

— Эй, малый, травь кошку, да живо!

Я услышал и ушам не верю: у нас на судне кот был сибирский. Пушистый, мордастый, и хвост, как у лисы. Такой ласковый да умный, только что не говорит. И вдруг его травить! За что? Да и чем травить, опять же? Я в этом смысле спросил у штурмана... Ну и выдрали меня тогда — как говорится, линьков* отвёдал. Да-с... Вот я и боюсь: станут люди читать, напугают в терминологии, и тут такая может получиться двусмысленность, что я перед читателем представлю в нежелательном виде. Так что уж вы, батенька, потрудитесь: все морские слова в отдельный список, по порядку русского алфавита, подберите и мне представьте. А я на досуге займусь, обдумаю это дело и дам свои объяснения.

Я не преминул выполнить это указание и вскоре представил Врунгелю небольшой список, слов в шестьдесят. Он просмотрел, обещал к утру написать объяснения, потом попросил неделю сроку, потом заявил, что раньше чем через месяц не управится, а

¹ Юнгой; юнга — мальчик-подросток на корабле, который готовится стать матросом

когда год спустя я как-то напомнил об этом злополучном словаре, Христофор Бонифатьевич рассердился не на шутку, обозвал меня мальчишкой и дал понять, что дело это серьезное и торопиться с ним не следует.

Так и вышла книжка без словаря. И ничего, читали люди и, в общем, кажется, правильно все понимали.

Но вот недавно, когда готовилось новое издание «Приключений капитана Врунгеля», Христофор Бонифатьевич вызвал меня и торжественно передал свой последний научный труд.

Мы тщательно изучили эту интересную работу и, оценив её по достоинству, решили напечатать полностью.

РАССУЖДЕНИЕ

капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля о морской терминологии

Мною и другими наблюдателями неоднократно было замечено, что человек, вдоволь испивший соленой влаги из бездонной чаши океана, поражается странной болезнью, в результате которой со временем наполовину теряет бесценный дар человеческой речи.

Такой человек вместо слов родного языка, вполне точно обозначающих тот или иной предмет, применяет вокáбулы¹ столь загэйливые, что порой с личностью, не заражённой этой болезнью, уже и объяснить не может. Когда же такая личность в непонимании разводит руками, больной глядит на неё с презрением и жалостью.

В ранней молодости недуг этот поразил и меня. И сколь настойчиво ни пытался я излечиться, меры, принятые мною, не принесли желанного исцеления.

По сей день в ыстрел для меня не громкий звук

¹ Вокáбулы — иностранные слова.

огнестрѣльного ору́жия, а ранго́утное дѣрево, поставленное перпендикулярно к борту; бесѣдка — не уютная садовая постройка, а весьма неудобное, шаткое висячее сидѣнье; ко́шка в моём представлении, хотя́ и имѣет от трёх до четырёх лап, является отнюдь не домашним живóтным, но ма́леньким шлюпочным якорем.

С друго́й стороны́, е́сли, выходя́ из дому, я спускаю́сь по лѣстнице, на бульва́ре отдыхаю на скаме́йке, а придя́ домой, разогрева́ю чай на плитѣ, то, сто́ит мне попа́сть на сýдно (хотя́ бы и мы́сленно), э́ти предме́ты срáзу превраща́ются в трап, ба́нку и ка́мбуз соотвѣтственно.

Поразмы́слив над э́тим, я реши́лся бы́ло во́все изгна́ть все морские те́рмины из своего́ лексико́на¹, замени́в их те́ми слова́ми, кото́рые с да́вних пор существую́т в обы́чном на́шем живóм языке́.

Результáт, одна́ко, получи́лся весьма́ нежелáтельный: пѣрвая же лѣкция, прочítaнная мною́ в соотвѣтствии с прѣнятым решѣнием, доставила́ много́ ненужных огорчѣний как мне, так и мо́им слýшателям.

Начáть с того́, что лѣкция э́та продолжа́лась втрóе до́льше прóтив обы́чной, йбо оказа́лось, что в морскомъ языке́ есть немáло те́рминов, во́все не имѣющих замены́. Я же, не жела́я отступáть от прѣнятого решѣния, ка́ждый раз пыта́лся замени́ть э́ти те́рмины их пространными толковáниями. Так, к примѣру, вмѣсто слова́ рѣя я ка́ждый раз говори́л: «кргу́лая дѣревянная ба́лка, не́сколько утолще́нная в сре́дней ча́сти, горизонтáльно подве́шенная на высо́ком то́нком столбе́, вертика́льно устано́вленном на сýдне...» Вмѣсто слова́ руль я прину́ждѣн был повто́рять: «вертика́льная пласти́на, с по́мощью рычага́ йли ино́го специа́льного приво́да поворáчивающаяся на вертика́льной оси́, укрепле́нной на подво́дной ча́сти за́дней оконѣчности сýдна, слýжащая для изменѣния направле́ния движе́ния послѣднего...»

¹ Лексико́на (лексико́н) — словаря́.

Сожалёя при ётом о напрáсной трáте врёмени, потрібного для неоднократного произнесёния ётих определёний, я старáлся выговáривать их одним дýхом, скороговóркой. А так как слов, трёбующих подобных разъяснёний, попадаóлось немáло, лёкция моё стáла походить на заклинáние волшёбника. И вполне естёственно, что слýшатели моё, несмотря на всё старáние, в котóром я не имёю основáний сомневáться, ничегó из моёих объяснёний не усвóили и бóлее тогó: не пóняли.

Огорчённый неудáчей, я тем не мёнее не пал дýхом. Терпеливо и внимáтельно я снóва прорабóтал ётот вопрóс, и пóсле всесторóнного изучёния имёющихся на ёту тёму трудóв и литературных истóчников, сопостáвив их с собственными наблюдёниями, я пришёл к вýводу, что:

морскáя терминология есть не что инóе, как специáльный морскóй инструмёнт, котóрым кáждый моряк обязан владётъ столь же увёренно и искúсно, сколь увёренно плóтник владеёт топорóm, врач — ланцётóм, а слёсарь — отмы́чкой.

Но, как во всяком дёле, инструмёнт непрерывно совершенствуется, частёчно вóвсе исключáется из обихóда, частёчно заменяется нóвым, бóлее простým и удóбным в обращёнии, нерёдко займствованным из другóго ремеслá, так и в морскóй прáктике — одни тёрмины широко входят в состáв общеграждáнского живóго языкá, как то произошлó, напримёр, со словáми: м á ч т а, руль, штóрман; другие же, напрóтив, вóвсе утрачивают своё былóе значёние и заменяются нóвыми, общепринятыми, как то býло со словáми антрётно ёли триáнгль, котóрые не так ещё давнó прóчно держáлись в морском словарё, а ныне совсём забыты, уступив своё мёсто словáм приближённо и треугóльник соотвётственно.

Излóженное позволяет рассчítывать, что со врёмем, путём взаимных разúмных устúпок, моряки и сухопутные лóди придут наконец к одному общепо-

нятному языку. Надѣяться, однако, что такое слияние произойдет в ближайшем будущем, нет оснований. А посему сегодня при чтении всякой серьезной работы по морскому делу, такой, например, как описание моих приключений во время плаванья на парусной яхте «Бедá», для человека, не овладевшего вполне морским языком, обязательно (!) пользование хотя бы небольшим пояснительным словариком, который и предлагается мною читателю.

МОРСКОЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ СУХОПУТНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Составлен Х. Б. Врунгейем

Анкерóк. — Не случайно многие морские словари начинаются у нас этим словом, с которым некоторым образом связано самое начало русского флота. Как известно, в строительстве первых русских кораблей принимали участие голландские специалисты — мастера корабельного дела и мастера выпить. Нельзя сказать, однако, что пили они без меры. Мерой для вина как раз и служил анкер — крепкий деревянный бочонок ведра на два, на три. Такой бочонок — анкерóк — и сейчас держат на каждой спасательной шлюпке, только хранят в нем не вино, а пресную воду.

Бакштáг — см. курс.

Балл. — Не следует путать со словом «бал»! Бал — это вечер с танцами, а балл — отметка, которую моряки ставят погоде, мера силы ветра и волнения. 0 баллов — штиль, полное безветрие... 3 балла — слабый ветер... 6 баллов — сильный ветер... 9 баллов — шторм, очень сильный ветер. Когда дует шторм, и судну и экипажу тоже порой приходится потанцевать! 12 баллов —

ураган. Когда небольшое судно попадает в зону урагана, случается, что моряки говорят: «Конец бал!» — и бодро идут ко дну.

Балласт — на суше лишний, ненужный груз. А на море когда как: если много балласта — нехорошо. А совсем без балласта — ещё хуже: можно перевернуться. Вот и приходится возить камни, чугунные чушки, песок и прочие бесполезные тяжести, которые кладут на самое дно, чтобы придать судну устойчивость.

Ботман. — Слово это состоит из двух голландских слов: бот — судно и ман — человек. Ботман — судовый человек, лодочник. А у нас ботман — старший матрос, хозяин палубы.

Брашпиль — тоже составное слово из голландских: браден — жарить и спит — вертел. Только на брашпилье никто ничего не жарит. На него наматывают якорный канат, чтобы выходить — поднять якорь. Выхаживать якорь — работа не лёгкая. Если брашпиль ручной — изжариться не изжаришься, а запариться очень просто.

Бункер — угольная яма на корабле, склад угля. Тут и объяснить нечего.

Бушприт — горизонтальная или наклонная часть рангута (см. это слово), выдающаяся с носа (см. это слово) судна, служащая для подъёма передних парусов. В старину назывался у нас «кляпое дерево».

Валкий, валкое — так говорят про судно, которое легко кренится, наклоняется на сторону.

Ванты — растяжки, которые удерживают мачту, чтобы не упала, чего доброго.

Ватерлиния — линия пересечения корпуса корабля плоскостью поверхности воды.

Вахта — дежурство на корабле. Вахту стоят обычно по 4 часа. Самая трудная вахта с 4 до 8 часов утра. Эту вахту называют «собачьей» или

просто «собакой». А есть ещё подвѣхта (см. это слово).

Вира. — С этим словом всегда неприятности. Все моряки твёрдо знают: вира — поднять, майна — спустить. А на берегу многие путают.

Выброска, бросательный конец — тонкий трос (см. это слово), к концу которого привязана лёгость, швырок — небольшой мешочек с песком. Выброску кидают, когда нужно передать конец троса на большое расстояние.

Гарпун — палка с острым, зазубренным наконечником, привязанная к длинной верёвке. Такими гарпунами в старину били крупного морского зверя. Случалось, что и друг друга били, когда собрались. Современный гарпун совсем не похож на старинный. Им стреляют из пушки. Выстрелят, загарпунят кита и подтягивают к кораблю на верёвке. Бить китов им очень удобно, а вот для рукопашной драки он не годится — тяжёл.

Грот — пещера, обычно искусственная. А в морском деле грот — главный парус на главной мачте.

Док — маленький искусственный залив с воротами. Корабль вводят туда, плотно запирают ворота, а воду выкачивают. В доке корабли осматривают, ремонтируют, красят, а когда заканчивают работу, напускают в док воды, корабль всплывает и выходит.

Драить — накручивать. **Задрать** — закручивать. А вот **надрать** — почему-то начистить до блёска.

Дрейф. — В пяти буквах этого слова заключено шесть значений: 1) лечь в дрейф — так поставить паруса, чтобы судно топталось на месте; 2) дрейф — уклонение от курса (см. курс) под влиянием ветра и течения; 3) плавание по воле стихии без руля и без ветрил, как говорится; 4) плавание вместе со льдами; 5) движение судна, стоящего на якорю, когда в сильный шторм

Якорь не держит. В этом случае капитан порой тоже начинает: б) «дрейфить», бояться, как бы не бросило на мель.

Дюйм — см. милья.

Заход — так моряки называют всякое посещение порта или берега.

Заштилеть — попасть в штиль (см. балл).

Зенит — точка в небе прямо над головой наблюдателя. Эту точку каждый может увидеть. Надир — противоположная ей точка небесной сферы. Эту точку даже самый внимательный наблюдатель увидеть не может — земной шар мешает.

Зыбь — волнение на море. Когда зыбь без ветра, капитану волноваться не приходится, а вот когда с ветерком — бывает, и поволнуешься.

Зюйдвэстка — очень некрасивая штормовая шляпа из промасленной ткани. Вода с полёй такой шляпы стекает на плечи и на спину, а за шиворот не попадает. Вот уж, как говорится: «Не красиво, да спасибо!»

Камбуз — судовая кухня и судовая кухонная плита — это все уже знают.

Кашалот — кит без усов, но с зубами. Любопытен, но глуп.

Киль — хребет корабля, к которому крепятся корабельные рёбра. Килем называют ещё плавники, приделанные к корабельному брюху, служащие для улучшения мореходных качеств судна.

Клётка — крыша мачты. Казалось бы, зачем мачте крыша? А вот нужна. Иначе дождевая вода просочится по порам дерева, и мачта изнутри загниёт. Вот и делают круглую деревянную наслепку наверху мачты — клётку.

Конёц — см. трос.

Контркурс — это когда два корабля идут параллельно навстречу друг другу.

Корвет — трёхмачтовое военное парусное судно.

В наше время существует только на картинах и в книжках.

Кормá — так обычно называют пищу для скотины. А моряки этим словом называют заднюю часть корабля.

Кра́нец — ничего общего ни с водопроводным, ни с подъёмным кра́ном не имеет. Кра́нцем называется сплетённый из веревок, туго набитый паклей мешок вроде дыни, который подвешивают на борту, чтобы ослабить удар о другое судно или о стенку.

Кубрик — общая жилая каюта и распространённая собачья клічка.

Курс — направление движения судна. Также направление ветра по отношению к идущему под парусами судну. Если ветер дует прямо в корму, говорят, что курс фордевинд. Когда не в корму, но сзади — бакштаг. Когда прямо в бок — галфинд. В скулу — бейдевинд. Ветер, дующий прямо в нос, прежде названия не имел, но этот пробел в морской терминологии заполнен Х. Б. Врунгейем, предложившим название «вмордувинд», которое прочно вошло в морской словарь.

Лавировать — на суше дело хитрое: и нашим и вашим угодить, и направо и налево поклониться, и по грязи пройти, ног не замочив¹. А у нас на море — проще простого: идти против ветра зигзагами да обходить опасности. Вот и всё.

Лог и лот — приборы. Первый — для определения скорости хода и пройденного пути. Второй — для определения глубины. В старину говаривали: «Без лота — без ног, без лага — без рук, без компаса — без головы».

Линь, линёк — вовсе не рыба, а трос (см. это слово) около одного сантиметра в диаметре. **Линь**

¹ То есть вести себя беспринципно, отказываться от своего мнения в угоду кому-нибудь.

ка́ми в старину́ поро́ли провинившихся матро́сов и юнг на корабля́х.

Лóцман — человек, кото́рый провóдит корабли́ в опа́сных и трудо́вых места́х.

Люк — отве́рстие в па́лубе.

Ми́ля — морская́ ме́ра дли́ны, ра́вная 1852 ме́трам.

Ча́сто нас, моряко́в, упрека́ют за то, что мы ни́как не перейде́м на киломе́тры, а мы и не собира́емся и вот почему́: часть ме́ридиана́ от эква́тора до по́люса разделена́ на 90 гра́дусов и ка́ждый гра́дус на 60 мину́т. Величина́ одной мину́ты ме́ридиана́ как раз и составля́ет ми́лю. Ми́ля де́лится на де́сять ра́вных часте́й, ка́ждая из кото́рых называ́ется ка́бельтов, равна 185,2 ме́тра. Ка́бельтов ра́вен 100 морским са́жням; морская́ са́жень равна́ 6 фу́там; фу́т ра́вен 12 дю́ймам, а дю́йм прибли́зительно ра́вен 2,5 сантиме́тра.

Наби́ть. — Смотря́ по тому́, что наби́ть. Если снасть наби́ть — э́то знач́ит натяну́ть так, что да́льше не́куда.

Нади́р — см. зе́нит.

Накто́уз — буквально́: «но́чной до́мик». В старину́ так называ́ли ящик с фонаре́м для освеще́ния и за́щиты ко́мпаса. В на́ше вре́мя накто́уз — вы́сокий шка́фчик врёде ту́мбочки. На нём наверху́ ста́вят ко́мпас, а внутри́ пря́чут хитрые приспособле́ния, кото́рые следя́т за тем, что́бы ко́мпас врал, да не завира́лся.

Нос — выдаю́щаяся впе́ред часть лица́. А у су́дна нос — пе́редняя часть ко́рпуса.

Оверки́ль — сло́во, кото́рое ча́сто произно́сят, но почти́ никогда́ не пи́шут, вероятно́ из скромности. Сде́лать оверки́ль — э́то знач́ит переверну́ть су́дно кверху́ килем.

Овершта́г — тако́й поворо́т па́русного су́дна, при кото́ром оно́ прохо́дит через положё́ние вморду́ви́нд (см. курс).

Осáдка — расстояние от ватерлинии (см. это слово) до нижней точки сúдна.

Осто́йчивость — то же, что и усто́йчивость.

Па́кгауз — склад.

Пассáты — восточные вéтры, весьма постоянно дýющие в тропических широтах (см. это слово).

Пирóга — узкое долблёное сúдно, вроде байдарки.

Подвáхта, подвáхтенный — сменившийся с вáхты. В слúчае необходимости подвáхтенные в пёрвую óчередь вызывáются для пóмоши вáхтенным. Поóтому у подвáхтенных есть правило: ёсли хóчешь спать в уюте — спи всегда́ в чужой каю́те.

Пóрты — всякие ворóта. В бортах кораблём — пассажирские, грузовые, угольные, пúшечные порты. У доков батопóрты — специальные суда, которые затопля́ются в ворóтах доков и своим корпусом запира́ют вход в док. Порт — также мéсто стоянки кораблём. Торго́вые и воéнные порты — морские ворóта страны.

Про́кладка кúрса — постоянно веду́щаяся о́тметка на кáрте мéста, в кото́ром находится сúдно.

Ранго́ут — буквально: «круглое дéрево» — мачты, ре́и и т. п. Сейча́с на больш́их корабля́х почти́ весь ранго́ут металличе́ский, кле́панный или сва́ренный из стальных листов. Получа́ется круглое дéрево, сва́ренное из стальных листов... Вот и разберись тут!

Ро́ль судовáя — ничего́ óбщего не имéет с ро́лью в спектакле. Там роль игра́ют, а с судово́й ро́лью игра́ть не по́ложено. Это ва́жный докуме́нт — спи́сок всех люде́й, находя́щихся на корабле́. Внести́ в ро́ль — знач́ит зачи́слить в соста́в кома́нды. Спи́сать — знач́ит вы́черкнуть из ро́ли, уво́лить из состава́ кома́нды, удали́ть с корабля́.

Сажень — см. милья.

Свистать, высвистать всех навёрх — значит дать сигнал особым свистком «дудкой». По этому сигналу весь экипаж судна поднимается на палубу для участия в неотложной работе. На больших судах «свистит всех навёрх» бóцман (см. это слово) да ещё приговаривает: веселёй, веселёй, чтобы без последнего!

Семафóр — разговор, вернее — переписка с помощью ручных флажков. Каждой букве соответствует особое положение рук с флажками. Про сигнальщика, который передаёт буквы по семафóру, говорят: пишет.

Секста́н, секста́нт — инструмент для определения места судна. Последние тридцать лет идёт спор, как писать это слово. Штúрманы, которые пользуются этим прибором, называют его «секста́н» и пишут так же, а все остальные и говорят и пишут «секста́нт». Кто прав — так и неизвестно.

Скля́нки — полчаса. В ту пору, когда на судах были песóчные часы — «склянки», вахтенный каждые полчаса ударом в колокол оповещал весь корабль о том, что он следит за временем и не забыл перевернуть получасовую склянку. Песóчных часов давно нет на судах, а обычай остался: на всех кораблях каждые полчаса звонят в колокол — бьют рынду. У этого выражения тоже интересное прошлое. Англичане говорили: «ринг дзэ белл» — бить в колокол, а у нас переделали в «рынду бей» — так и пошло!

Смычка — часть якорной цепи длиной в 23 метра. Из смычек составляется вся якорная цепь.

Снасть — см. трос.

Списать — см. роль.

Стапель — наклонная площадка, на которой строится корабль.

Сходня — дачное место под Москвой. А на судне — переносный мостик из доски, иногда с перильцами, по которому сходят с судна на берег. Обратное с берега на судно входят по той же сходне, но входней её в этом случае не называют.

Счисление — приближённое определение места судна путём расчётов и построений на карте.

Такелаж — см. трос.

Травить. — У этого слова много значений: истреблять с помощью яда; растворять кислотой; мешать жить; рассказывать небылицы... А у моряков травить — отпускать понемногу снасть (см. это слово).

Торос — нагромождение льдин.

Трафальгарская битва — знаменитое морское сражение, в котором полтора́ста лет назад английский адмирал Нельсон разбил превосходящую по силам соединённую эскадру французских и испанских кораблей под командой адмирала Вильнёва.

Трос — снасть, всякий канат, верёвка, верёвочка. Если верёвка привязана хотя бы одним концом к чему-нибудь на судне, она уже становится частью такелажа. Любый кусок любого троса называют ещё концом. А у конца, если он является частью такелажа, есть два конца: коренной, которым он закреплён, и ходовой, за который тянут.

Трюм — корабельное брюхо, помещение для груза на корабле.

Тузик — маленькая лодочка. Многие думают, что она так называется потому, что в ней человек сидит один, как туз на карте. А на самом деле название это происходит от английского слова «ту» — «два». Туз, тузик — маленькая лодочка для двойх.

- Утка** — деревянное или металлическое приспособление для крепления снастей. Так ещё называют водоплавающую птицу, различая при этом утку домашнюю и утку дикую.
- Фальшборт** — часть борта выше главной палубы. Приходится следить, чтобы в этой части корабля никакой фальши не было, а то, не ровён час, и в воду свалиться недолго.
- Фиорд** — узкий извилистый залив с высокими берегами.
- Флюгер** — лёгкий флажок на мачте для определения направления ветра.
- Фордевинд** — см. курс.
- Фрахт** — плата за перевозку груза по морю, а также груз, за перевозку которого по морю взимается плата. Можно и целое судно нанять — зафрахтовать на время.
- Фут** — см. милья.
- Хронометр** — точные астрономические часы.
- Швабра** — особая морская щётка для мытья палубы. Делается из старых концов (см. это слово), привязанных к палке.
- Швартовы** — тросы, которыми корабль привязывают к берегу или к другому кораблю.
- Широта** — выраженная числом удалённость от экватора.
- Шкот** — снасть, служащая для управления косыми парусами.
- Штиль** — см. балл.
- Штормтрап** — верёвочная лестница. По ней и в тихую погоду нелегко взбираться, а в шторм и подавно. Особенно в зрелом возрасте!
- Якорь**. — На этом слове удивительным образом замыкается круг морского словаря, ибо якорь на голландском языке называется, произносится и

пишется точно так же, как и бочонок для вина —
анкер, с которого начинался этот словарь. Яко-
ря бывают разные. Самый старинный из тех, что
остались на флоте, называется адмиралтей-
ский. Это тот самый якорь, который изобра-
жают на гербах, на флагах и на пуговицах.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава I</i> , в которой автор знакомит читателя с гербом и в которой нет ничего необычайного	3
<i>Глава II</i> , в которой капитан Врунгель рассказывает о том, как его старший помощник Лом изучал английский язык, и о некоторых частных случаях практики судовождения	8
<i>Глава III</i> . О том, как техника и находчивость могут возместить недостаток храбрости, и о том, как в плавании надо использовать все обстоятельства, вплоть до личного недомогания	17
<i>Глава IV</i> . О нравах скандинавских народов, о неправильном произношении некоторых географических названий и о применении бёлок в морском деле	31
<i>Глава V</i> . О селёдках и о картах	41
<i>Глава VI</i> , которая начинается недоразумением, а кончается неожиданным купанием	48
<i>Глава VII</i> . О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон»	60
<i>Глава VIII</i> , в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии	71
<i>Глава IX</i> . О старых обычаях и полярных льдах	84
<i>Глава X</i> , в которой читатель знакомится с адмиралом Кусаки, а экипаж «Беды» — с муками голода	94
<i>Глава XI</i> , в которой Врунгель расстаётся со своим кораблём и со своим старшим помощником	102
<i>Глава XII</i> , в которой Врунгель и Фукс дают небольшой концерт, а затем торопятся в Бразилию	107
<i>Глава XIII</i> , в которой Врунгель ловко справляется с удавом и шьёт себе новый китель	114

<i>Глава XIV</i> , в начале которой Врунгель становится жертвой вероломства, а в конце снова попадает на «Беду»	121
<i>Глава XV</i> , в которой адмирал Кусаки пытается поступить на «Беду» матросом	128
<i>Глава XVI</i> . О дикарях	141
<i>Глава XVII</i> , в которой Лом вновь покидает судно	147
<i>Глава XVIII</i> . Самая печальная, так как в ней «Бедá» гибнет, на этот раз уже безвозвратно	153
<i>Глава XIX</i> , в конце которой неожиданно появляется Лом и поёт про себя	158
<i>Глава XX</i> , в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках, а Врунгель практически проверяет законы алгебры	162
<i>Глава XXI</i> , в которой адмирал Кусаки сам помогает Врунгелю выпутаться из весьма затруднительного положения	167
<i>Глава XXII</i> , дополнительная, без которой иной читатель мог бы и обойтись	174
Рассуждение капитана дальнего плаванья Христофора Бонифатьевича Врунгеля о морской терминологии	176
<i>Морской словарь</i> для сухопутных читателей	179

Издательство просит учителей и учащихся нерусских школ сообщить свои отзывы об этой книге по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для семилетней школы

Некрасов Андрей Сергеевич

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

Ответственный редактор *А. И. Моисеева*

Художественный редактор *П. И. Суворов*

Технический редактор *Т. М. Токарева*

Корректоры *В. Л. Данилова* и *З. С. Ульянова*.

Сдано в набор 4/II 1959 г. Подписано к печати 26/III 1959 г. Формат 60×92¹/₁₆—12 печ. л. (9,43 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. Цена 3 р. 70 к.

Деггиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Деггиза.
Москва, Сущевский вал, 49, Заказ № 1584.

Цена 3 р. 70 к.